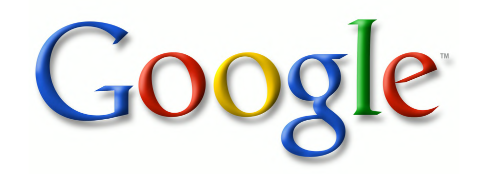

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

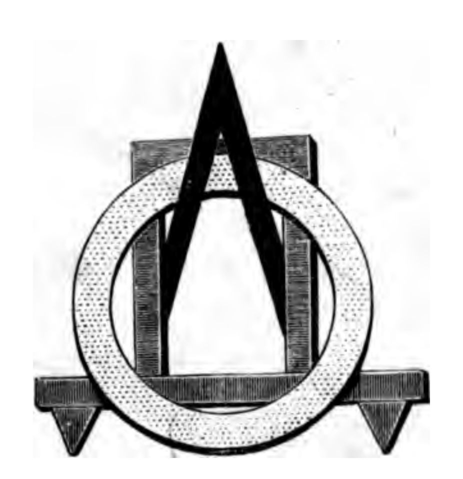

III

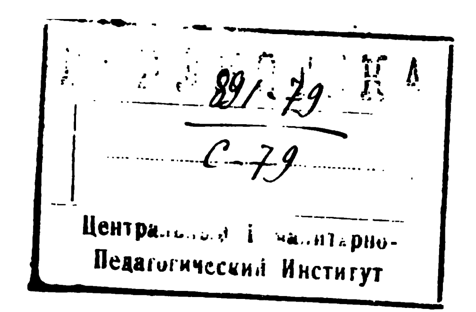
152

166.

XVI

1877

СТЕФАНИТЪ

И

ИХНИЛАТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознес. и Маріин. мост. д. № 90—1.
1877.

ВВЕДЕНІЕ.

«Стефанитъ и Ихнилатъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ литературныхъ произведеній древней письменности нашей, которыя, проникая къ намъ съ азіатскаго востока, подвергались на своемъ длинномъ пути многообразнымъ вліяніямъ, и мало по малу настолько видоизмѣнились и акклиматизировались на чуждой для себя почвѣ, что отыскать въ нихъ слѣды первоначальнаго источника сдѣлалось возможнымъ лишь при посредствѣ цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій. Такъ, благодаря трудамъ Гюэ [1]), Сильвестра де Саси [2]), Loiseleur-Deslongchamps [3]) и особенно Бенфея [4]), мы знаемъ теперь, что общимъ

---

[1]) Traité de l'origine des Fables, Paris, 1670.

[2]) Calilah et Dimnah ou Fables de Bidpai en arabe, précédées d'un mémoire sur l'origine de ce livre, Paris, 1816.

[3]) Essai sur les fables indiennes et sur leur introduction en Europe, par Loiseleur Deslongchamps, Paris, 1838.

[4]) Pantschatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Aus dem Sanskrit uebers. mit Einleitung und Anmerkungen v. Th. Benfey. 2 Thle. Leipzig. 1859.

Kalilag und Damnag. Alte syrische Uebersetzung des indi-

для всѣхъ народовъ источникомъ повѣствовательной литературы, къ разряду которой относится «Стефанитъ и Ихнилатъ» была Индія, откуда въ переводахъ и передѣлкахъ содержаніе мѣстныхъ сказокъ и разсказовъ распространялось въ Китаѣ, Тибетѣ и, черезъ ихъ посредство, у монгольскихъ народовъ, а, съ другой стороны, начало переселяться и на западъ по мѣрѣ того, какъ европейскіе народы знакомились съ Индіей. Этапными пунктами въ этомъ послѣднемъ случаѣ являлись Византійская Имперія, Испанія и Италія, для которыхъ въ свою очередь ближайшими посредниками служили арабы и евреи. Наша повѣсть въ ряду такого рода разсказовъ занимаетъ, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ какъ по распространенности ея содержанія у различныхъ народовъ востока и запада, разселенныхъ на огромномъ пространствѣ отъ Желтаго моря до Атлантическаго океана, такъ и по древности ея происхожденія.

Наиболѣе точная и всесторонняя разработка вопроса объ этомъ, сдѣланная въ приведенныхъ трудахъ Бенфея, доказываетъ, что индійская редакція, давшая жизнь «Стефаниту и Ихнилату», существовала, по меньшей мѣрѣ, до VI в. по Р. Х. Содержаніе ея—вопросы житейской политики—передавалось въ формѣ басенъ, которыя въ первоначальномъ своемъ видѣ сгруппированы были въ 13-ти отдѣлахъ (см. Kalilag und Damnag», стр. IX—X) и развивали ученіе *nîti* («жизненная мудрость»), имѣвшее назначеніемъ своимъ наставлять принцевъ и царей въ искусствѣ управлять (ср. санскр. nîtiçâstra). Съ теченіемъ времени пять отдѣловъ первоначальной редакціи составили одно цѣлое и въ такомъ видѣ дошли до насъ подъ

---

schen Fürstenspiegels. Text und deutsche Uebersetzung v. Gustav Bickell. Mit einer Einleitung v. Th. Benfey. Leipzig. 1876.

именемъ «Панчатантры» [5]). Въ введеніи къ этому памятнику разсказывается, что индійскій царь, желая сдѣлать дѣтей своихъ мудрыми, по совѣту своихъ министровъ, поручилъ воспитаніе ихъ брâхману Вишну Сармѣ, который поклялся научить царскихъ дѣтей житейской мудрости въ теченіе шести мѣсяцевъ. Съ этой цѣлью имъ и написаны были пять книгъ о «враждованіи друзей», «выборѣ друзей», «о войнѣ совъ и во-

---

[5]) Мы имѣемъ нѣсколько изданій Панчатантры: Pantschatantrum sive quinquepartitum de moribus exponens ex codicibus manuscriptis edidit commentariis criticis auxit Io. Godofr. Ludov. Kosegarten. Pars prima textum sanscritum simpliciorem tenens. Bonnae. 1848. 2-я часть этого изданія, въ которой должны были заключаться критическіе комментаріи и сравниваться различныя редакціи текста Панчатантры, не явилась въ свѣтъ.—Затѣмъ греческій переводъ Галаноса: Χιτοπαδασσα, ἢ Παντσα Ταντρα (Πεντατευχος) συγγραφεῖσα ὑπὸ τοῦ σοφοῦ Βισνουσαρμανου καὶ ψιτακου μυθολογιαι νυκτεριναι μεταφρασθεντα ἐκ του βραχμανικου παρα Δημητριου Γαλανου 'Αθηναιου νῦν δὲ πρῶτον ἐκδοθέντα κτλ. δαπανη μὲν καὶ μελέτῃ Γεωργιού Κ. Τυπαλδου κλτ. Εν Αθηναις 1851.—Pantschatantra ou les cinq ruses. Fables du Brahme Vischnou Sarma; aventures du Paramarta et autres contes, le tout traduit pour la première fois sur les originaux indiens par Mr. l'abbé I. A. Dubois. Paris. 1826. Дюбуа пользовался тремя списками Панчатантры на тамульскомъ, телугу и канадскомъ нарѣчіяхъ, которые, по словамъ Бенфея, основаны всѣ на одной редакціи, мѣстами болѣе древней, чѣмъ до сего времени извѣстная санскритская редакція. Наконецъ, Панчатантра издана отдѣльными выпусками въ «Bombay Sanscrit Series» Бюлера и Кильгорна.

Подробный и всесторонній анализъ содержанія этого памятника сдѣланъ Бенфеемъ въ его вышеназванномъ трудѣ (I. Bd.) и Уильсономъ въ его «Analytical account ef the Pancha Tantra» (см. Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain, v. I, p. II, p. 155—200). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и объ исправленіяхъ, сдѣлан-

ронъ», о «потеряхъ уже пріобрѣтеннаго» и «поступкахъ незрѣлой опытности». Съ тѣхъ поръ, какъ обѣщаніе свое исполнилъ брахманъ, перечисленныя книги—такъ заключается введеніе — и служатъ для всѣхъ дѣтей въ мірѣ руководствомъ къ житейской мудрости. Содержаніе обособившихся такимъ образомъ отдѣловъ, испытавъ на себѣ многія перемѣны, хотя и въ сравнительно позднѣйшее время (по крайней мѣрѣ, извлеченіе, сдѣланное изъ трехъ первыхъ отдѣловъ Панчатантры въ «Kathâ-Sarit-Sâgara» Сомадевы убѣждаетъ, что они въ существенномъ сохраняли тотъ же видъ въ XII вѣкѣ, какъ и въ VI, т. е. когда еще не произошло означеннаго обособленія. То же можно сказать съ большимъ вѣроятіемъ и о 4-мъ и 5-мъ отдѣлахъ, см. Pantschatantra, Benfey, s. 419 — 420, I Bd.), дѣйствительно, служило источникомъ заимствованій для другихъ произведеній санскритской литературы дидактическаго характера. Такъ, на немъ основывается значительная часть басенъ и разсказовъ Гитопадесы [6]), въ которой, хотя главнымъ образомъ отражается

ныхъ Бётлингкомъ къ переводу Бенфея, подъ загл. «Bemerkungen zu Benfey's Uebersetzung des Pañcatantra, von Otto Böthlingk». (См. *Mélanges asiatiques*, 1860—1863).

[6]) Переводовъ и изданій текста Гитопадесы на восточныхъ и европейскихъ языкахъ существуетъ много. Мы назовемъ здѣсь лишь главнѣйшіе. По древности редакціи, на которой основамъ вышеупомянутый греческій переводъ Галаноса, ему принадлежитъ первое мѣсто въ ряду другихъ изданій этого памятника. Затѣмъ идутъ: Hitopadesha: a collection of Fables and Tales in Sanscrit, by Virchnusarma, with the Bengali and english Translations revised. Calcutta. 1830. — Hitopadesa. Eine alte indische Fabelsammlung. Aus dem Sanscrit zum ersten Mal in das deutsche uebersetzt v. Max Müller. Leipzig. 1844.—Другой нѣмецкій переводъ изданъ въ 1853 г. Дуршемъ (Dursch) въ Тюбингенѣ. — Французскій: Hitopodesa ou l'instruction utile, recueil d'apologues et de

вліяніе трехъ первыхъ отдѣловъ Панчатантры, нѣсколько апологовъ, однако, носятъ явные слѣды четвертаго и пятаго (см. Benfey, ib § 170, гдѣ указаны и параллельныя мѣста Гитопадесы и Панчатантры). Что же касается остальныхъ восьми отдѣловъ, изъ которыхъ состоялъ первоначально занимающій насъ индійскій памятникъ, то два изъ нихъ, по свидѣтельству Бенфея, удержались въ берлинскомъ спискѣ Панчатантры (ib.,

---

contes traduit du Sanscrit avec des notes historiques et littéraires et un appendice contenant l'indication des sources et des imitations par M. Edouard Lancereau. Paris. 1855. — The Heetopades of Veeshnoo-Sarma, in a series of collected Fables interspersed with moral, prudential and political maxims, translated from an ancient manuscript in the sanskreet Language with explanatory notes by Ch. Wilkins. London. 1787.—Русскій переводъ Гитопадесы сдѣланъ подъ заглавіемъ „Басни и сказки индѣйскія, сочиненныя Вишну Сармою". Спб. 1807. Изъ переводовъ на индѣйскихъ нарѣчіяхъ слѣдуетъ упомянуть о Бенгальскомъ изд. въ Калькуттѣ въ 1845, въ Serampore'ѣ (Hitopadeshu, translated from Sanscrit into Bengalee, by Goluk Nath) въ 1802, тамъ же въ 1808, 1814 и 1815; о переводѣ на языкѣ hindu: Hitopadesh instructive and morale tales, by Baddrihall Pandit. Mirzapore press. Тоже на языкѣ mahratti, изд. Serampore въ 1812 и 1815 гг. Наконецъ—Akhlak i Hindi (اخلاق هندی) or Indian Ethics, a Hindoostanee Translation of the Hitopadesa or Salutary counsel, under thé superintendence of Dr. Gilchrist, Calcutta. 1803. Этотъ переводъ Гитопадесы сдѣланъ Гуссейни Багадуръ Али по персидскому переводу, озаглавленному مفرح القلوب.—Изданія самаго текста: Шлегеля Hitopadesa, id est Institutio salutaris. Textum codd. mas. collatis recensuerunt, interpretationem latinam et annotationes criticas adjecerunt A. G. a Schlegel et Chr. Lassen. Bonnae. 1829.—The Hitopadesa in the Sanscrita Language. London. 1810.—Hitopadesa or Salutary Instruction in the original Sanscrit. Printed at Serampore 1804.—Наконецъ, изданіе, вышедшее въ прошломъ году

стр. 193—4), а три другихъ сохранились въ Магâбгâратѣ (ib., стр. 545, 561, 575 и слѣд.), а также въ Harivança (стр. 96). Только три отдѣла еще не найдены вполнѣ на индійской почвѣ, хотя слѣды ихъ и встрѣчаются въ переводахъ санскритскихъ и пеглевійскихъ сочиненій, сдѣланныхъ (переводахъ) въ Китаѣ, Тибетѣ, на Цейлонѣ и другихъ поселеніяхъ буддистовъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ вполнѣ сохранился въ Тибетской редакціи, изданной въ 1875 г. нашимъ академикомъ Шифнеромъ [7]) и такимъ образомъ остается всего два отдѣла, существованіе которыхъ въ первоначальной индійской редакціи еще могло бы быть подвержено сомнѣнію, если бы мы не имѣли переводовъ, которые сдѣланы съ нея на другіе языки гораздо раньше того, чѣмъ она успѣла принять видъ Панчатантры.

Древнѣйшимъ изъ такихъ переводовъ признается пеглевійскій, который въ оригиналѣ, къ сожалѣнію, утраченъ, но существованіе котораго, помимо другихъ историческихъ свидѣтельствъ (см., напр., стр. 376 «Mém. sur diverses antiquités de la Perse etc. Trad. du Persan de Mirkhond. Par S. de Sacy, 1793 г., гдѣ прямо говорится: ce fut sous le règne de Nouschirvan, que l'on apporta de l'Indoustan dans la Perse le livre de Colaïla et Dimna, — безъ сомнѣнія, не на санскритскомъ или другомъ какомъ либо языкѣ Индіи), опять-таки несомнѣнно подтверждается тѣми редакціями, какія основаны на немъ. Такова, во-первыхъ, арабская редакція переданная уро-

въ Калькуттѣ подъ заглавіемъ «Hetopadesha». By Vischnu Sharma, Edited with notes by Prof. Taranatha Tarkavachaspati. 1876.

[7]) «Bharatae Responsa tibetice cum versione Latina» ab Antonio Schiefner edita. Petropoli. MDCCCLXXV: посвящено академику Буняковскому. Сл. также стр. 47—66: Mahâkâtyâyana und König Tschanda Pradyota, въ «Mémoires de l'académie impreriale des sciences de St. Pétersbourg, VII série, t. XXI, № 7. Объ этой важной для нашего вопроса редакціи подробно будетъ сказано ниже.

женцемъ Персіи, впослѣдствіи перешедшимъ въ Исламъ, Абдаллахъ-бенъ-Мокаффа (+762) и изданная С. де Саси́ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ «Kalilah et Dimnag», т. е. «прямодушный и лукавый», (въ индійскихъ памятникахъ «Karataka» и «Damanaka»), по имени двухъ шакаловъ, фигурирующихъ въ ней въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ. Сюжетъ всѣхъ разсказовъ здѣсь сосредоточивается на томъ, что лукавый шакалъ настраиваетъ льва-властелина противъ быка, который считается царскимъ другомъ, и въ то же время подбиваетъ быка возстать противъ льва, будто бы нарушающаго ихъ дружбу. Хотя интрига и удается, — левъ умерщвляетъ быка; но и самаго царедворца—интригана въ концѣ концовъ постигаетъ та же участь, когда всѣ его крамолы сдѣлались извѣстными льву. Въ такую-то рамку и вставленъ цѣлый рядъ исторій, которыя влагаются въ уста «прямодушнаго» и «лукаваго» царедворцевъ [8]). О происхожденіи арабской Калилы ва Димны изъ пеглевійской редакціи свидѣтельствуетъ между прочимъ преди-

---

[8]) Переводъ съ этого арабскаго текста на нѣмецкомъ языкѣ изданъ въ 1839 г. въ Штуттгартѣ V. Philipp Wolff подъ заглавіемъ: «Das Buch der Weisen, in lust-und lehrreichen Erzählungen des indischen Philosophen Bidpai.—По англійски: «Kalila and Dimna, or the fables of Bidpai translated from the Arabic, by Windham Knatchbull. Oxford. 1819.—Затѣмъ كتاب كليلة ودمنة Boulak. 1836. 1 v.—Тоже издано въ Delhi.—Calila und Dimma, eine Reiche moralischer und politischer Fabeln des Philosophen Bidpai, aus dem arabischen v. H. Holmboe. Christiania, 1832. — Pars versionis arabicae libri Colaila wa Dimnah, sive fabularum Bidpai philosophi Indi, in usum auditorum edita ab Henrico Alberto Schultens, Lugduni Batav. 1786. — Наконецъ, весьма важный для знакомства съ древнѣйшими редакціями Калилы ва Димны трудъ Ignazio Guidi, Studii sul testo Arabo del Libro di Calila e Dimna. Rom. 1873.

словіе къ ней, въ которомъ Абдаллахъ прямо говоритъ, что онъ переводилъ съ пеглевійскаго текста, около 200 лѣтъ до него приготовленнаго Барзуйе, врачомъ персидскаго царя Хозроя Нуширвана. Послѣдній, прослышавъ, что въ Индіи есть цѣлебныя травы, дѣлающія людей безсмертными, приказалъ своему визирю Бузурджміру отыскать человѣка, который, зная по индійски, съумѣлъ бы добыть эти травы. Таковой нашелся въ лицѣ Бурзуйе. Но, прибывъ въ Индію, послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ, онъ, наконецъ, былъ надоумленъ индійскими мудрецами, что желанныя травы не больше, не меньше, какъ книги, воскрешающія грѣховныхъ и неопытныхъ людей къ новой и осмысленной жизни. Съ одной изъ такихъ книгъ и былъ сдѣланъ Барзуйе пеглевійскій переводъ, къ которому переводчикъ присоединилъ еще свою автобіографію и изложеніе своего profession de foi. (Ср. между прочимъ описаніе путешествія Барзуйе въ Шах-Намэ Фирдоуси, которое Бенфеемъ считается за первоначальное). Происхожденіе же арабской редакціи изъ пеглевійской, сверхъ того, подтверждается аналогичностью между содержаніемъ первой и Панчатантрой. Такъ, 5, 7—10 главы въ изданіи С. де Сасй соотвѣтствуетъ пяти книгамъ Панчатантры. Отдѣлы индійской редакціи, находящіеся въ Магâбгâратѣ и Гаривансѣ—11 до 13 главамъ С. де Сасй. Далѣе, 14-я глава, сходная по содержанію съ вышеупомянутымъ тибетскимъ текстомъ, обличаетъ тѣмъ самымъ свое индійское происхожденіе, на чтѝ между прочимъ указывалъ также и Бенфей (стр. 586 и слѣд., Pantsch. I Bd.), не зная тибетскаго текста. 17-я и 18-я главы С. де Сасй соотвѣтствуютъ тѣмъ отдѣламъ индійской редакціи, которые встрѣчаются въ берлинскомъ спискѣ Панчатантры (стр. 289 и слѣд.; полнѣйшее подтвержденіе того, что главы эти буддійскаго происхожденія, см. у Бенфея въ Bd. II, стр. 534, гдѣ рѣчь идетъ о буддійской легендѣ «Punyabalâvadâna»). Наконецъ, въ

15-й главѣ Бенфей указываетъ слѣды одного изъ неотысканныхъ еще отдѣловъ Панчатантры (стр. 599). Лишь относительно 6-й и 10-й главъ изданія С. де Саси пока нельзя еще рѣшить, внесены ли онѣ самимъ переводчикомъ въ арабскую редакцію, или же онѣ вставлены въ Индіи.

Но какъ бы тамъ ни было, арабскій переводъ Абдаллаха скоро получилъ широкое распространеніе,—его переписывали и передѣлывали, въ него вносились новыя, чисто мѣстныя черты, и, естественно, мало по малу онъ долженъ былъ подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ въ сравненіи съ своимъ первоначальнымъ видомъ. Одна изъ такихъ арабскихъ редакцій положила начало еврейскому переводу, другая—персидскому, третья—греческому, четвертая - латинскому. Каждая изъ этихъ передачъ арабскаго текста имѣетъ значеніе при рѣшеніи занимающаго насъ вопроса, и потому мы обратимся къ ихъ ближайшему разсмотрѣнію.

Что касается, во-первыхъ, еврейскаго перевода Калилы ва Димны, который приписывается раввину Іоилю, то лишь часть его извѣстна [9]), но о немъ можно составить себѣ понятіе по латинской редакціи его, принадлежащей еврею Іоанну Капуанскому и относящейся къ XIII в., между 1263—1278 г. [10]) на которой, въ свою очередь, основанъ древне-нѣмецкій переводъ [11]), сдѣланный по повелѣнію графа Эбергарта Виртем-

---

[9]) Съ 10-й книгой этого перевода, сдѣланнаго до 1250 г., познакомилъ Neubauer: «Das X capitel der hebräischen Uebersetzung des Kalilah und Dimnah, text und deutsche Uebersetzung» въ «Orient und Occident», v. Th. Benfey, Bd. I, s. 481—496, 657—680.

[10]) Directorium humanae vitae, alias parabole antiquorum sapientium; изданіе это безъ означенія года и мѣста относятъ къ 1480 г.

[11]) Мы пользовались этимъ переводомъ въ редакціи, изданной

бергскаго (+ 1325). Нѣмецкая передѣлка и ея латинскій оригиналъ въ XV вѣкѣ существовали во многихъ редакціяхъ (Orient und Occident, s. 138, Bd. I), и подъ ихъ вліяніемъ составлялись вполнѣ: переводы датскій (1618) [12]), голландскій (1623 г.), и отчасти—испанскій [13]), сдѣланный съ латинскаго въ 1493 г.; итальянскіе Doni и Firenzuola [14]), которые были переведены на французскій и англійскій языки [15]). Сверхъ

въ «Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. LVI. 1860» подъ заглавіемъ: «Das Buch der Beispiele der alten Weisen, hrg. v. dr. Holland. и имѣли подъ руками очень рѣдкій экземпляръ: «Das Buch der weiszheit», изд. 1536 г. Страсбургъ.

[12]) De gamle Vises Exempler og Hofsprog etc. Kiöbenhavn. 1618. Аделунгъ, называя этотъ переводъ (см. Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. St. Pétersburg. 1830, стр. 202), ссылается на Nyerup's Almindelig Morskabslasning i Danmark og Norge, Kiöb. 1816.

[13]) Exemplario contra los engaños y peligros del mundo. Burgos. 1493.

[14]) La moral filosofia del Doni tratta da gli antichi scrittori. Vinegia 1552. Здѣсь кстати замѣтить, что переводъ этотъ аналогиченъ по содержанію съ первыми шестью главами изданія C. de Саси. Слѣдующія же, за исключеніемъ XVII-й, которой у Дони недостаетъ, переданы въ «Trattati Diversi di Sendebar Indiano filosopho Morale Vinegia. 1552. Переводъ Firenzuola называется «Discorsi degli animali, di Messer Agno Firenzuola, in prose d. M. A. F. Florenza. 1548.

[15]) Le plaisant et facétieux discours des animaux, nouvellement traduict de tuscan en français, Lyon. 1556, par Gabriel Cottier.

Deux livres de filosofie fabuleuse, le prêmier pris des discours de M. Ange Firenzuola; le second extrait des traictez de Sendebar Indien, par Pierre de la Rivey. Lyon. 1579. 2-я книга этого перевода заключаетъ въ себѣ передачу 2-й части вышеупо-

того, г. Пыпинъ въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (см. Уч. Зап. II Отд. Им. Акад. Наукъ, кн. IV, 1858 г., стр. 155) упоминаетъ еще о чешскомъ переводѣ, сдѣланномъ также подъ вліяніемъ латинской редакціи [16]). Но лишь при нѣкоторомъ вляніи редакціи I. Капуанскаго въ XIV столѣтіи составленъ былъ латинскій переводъ Калилы ва Димны [17]), ближайшимъ образомъ основанный на испанскомъ 1289 года [18]) (Benfey, Pantsch., Bd. I, стр. 18), составляющемъ передачу совершенно независимой отъ «Directorium humanae vitae» латинской редакціи арабскаго текста, хотя и не той, которая изложена стихами Baldo (XIII в.) подъ названіемъ «Alter Aesopus» (см. Poésies inédites du moyen âge, par M. Édélstand du Méril. Paris. 1854. XVI).

Другимъ истокомъ арабскаго текста является персидскій переводъ въ прозѣ, сдѣланный въ XII в. Абдуль-Мала-Насръ-Аллахомъ. Существовалъ еще болѣе ранній переводъ въ стихахъ, приписываемый поэту Рудеки (IX—X стол.), но до насъ онъ не дошелъ и мы узнаемъ о немъ лишь по свидѣтельсвву Шах-Намэ (см. Уч. Зап. Каз. Ун. 1849. 3, 67—68). На переводѣ же Насръ-Аллаха основана персидская редакція, явившаяся тремя столѣтіями позднѣе подъ именемъ Anwar-i Su-

---

мянутой Filosofia Morale Doni. Англійскій переводъ помѣщенъ въ «Moral Philosophy of Doni» by Thomas North. 1570.

[16]) Prawidlo lidského žiwota, jinek podobentswi starých mudreůw.... ktezéžto-také Dymnowy a Kelilowy knihy slowú.

[17]) Мы имѣемъ въ виду переводъ Raimond de Bezières (Raymnndus de Byterris), озаглавленный «Liber de Dina et Kalila». 1313.

[18]) Онъ изданъ Don Pascual de Gayangos въ «Biblioteca de Autores Españoles», Madrid. 1860, vol. LI.

haili (Свѣтило Канопа)[19], которая составлена Али-бекъ-Гуссейнъ Ваезомъ по порученію эмира Согейли, признавшаго текстъ Насръ-Аллаха устарѣвшимъ и переполненнымъ арабскими рѣченіями. Такимъ образомъ это скорѣе передѣлка, болѣе или менѣе близкая къ тексту Насръ-Аллаха, чѣмъ переводъ его.

О персидскомъ текстѣ Гуссейнъ Ваеза даетъ понятіе передѣлка четырехъ главъ Anwar-i Suhaili, находящаяся во французскомъ переводѣ David Sahid d'Ispahan[20]). Далѣе въ 1593

---

[19]) Изданій этого перевода имѣется множество. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: انوار سهیلی Anwari Soheily, an elegant paraphrase ef the Fables of Pilpay in classical persian, by Husseyn Vaïz Kashefy and published by Moolwy Husseyn Aly and capt. Charles Stewart. Calcutta. 1804. Тоже ibid. въ 1805, 1813, 1815, 1824, 1844, 1847. Два Бомбайскихъ изданія 1825 г.; Мадрасское—1816 г. и Тегеранское.—Anvar-i Suhaili, or Lights of Canopus, being the persian version of Bidpai, by Hussein Vaiz Kashif. Edited by Lieut. Col. I. W. I. Ouseley, prof. of arabic and persian at the East India College. Halleybury. Hertfort. 1851.—Изданія вмѣстѣ съ переводомъ: باب اوّل از کتب انوار سهیلی первая книга Anvar-i Suhaili, edited by the Rev. H. G. Reene. Hertfort. 1837. Съ дословнымъ переводомъ.—Затѣмъ: the Anvár-i Suheili, or the lights of Canopus, being the Persian Version the Fables of Pilpay; or the book «Kalilah and Damnah», rendered into Englich by Hussein Vá'iz U'l-Káshify, litteraly translated into prose and verse by Edward Eastwick. Hertfort. 1854.

Persian fables from the Anwary Soheily of Hussein Vaiz Kashify, with an vocabulary. Prepared and arranged by Ios. Mich., professor of E. I. College. London. 1827.

[20]) Livre des lumières ou la conduite des roys, composé par le sage Pilpay Indien, traduit en français par David Sahid d'Ispahan. 1644.

году, по приказанію великаго Могола Ielaledin'a, Мохаммедъ-Абара-Абуль-Фазель сократилъ текстъ Ваеза, передѣлалъ его и переводъ свой назвалъ «Ayari Danish (عيار دانش образецъ мудрости). Наконецъ, въ турецкой переработкѣ Али Челебія, сдѣланной около половины XVI столѣтія, текстъ Ваеза сталъ извѣстенъ подъ именемъ «Гумайюнъ-Намэ» (همايون نامه царственная книга) [21]).

Но болѣе ранней, сравнительно съ каждой изъ разсмотрѣнныхъ выше редакцій арабскаго текста, слѣдуетъ считать греческую, которая во многихъ мѣстахъ ближе согласуется съ Панчатантрой и Гитопадесой, чѣмъ Калила ва Димна въ из-

---

Такой же переводъ находимъ и въ «Les fables de Pilpai, philosophe indien, ou la conduite des rois». Paris. 1698.

Нѣсколько подновленный текстъ того же перевода, въ «Les fables de Pilpay on la conduite des grands et petits». Paris et Bruxelles. 1698 и 1725.

Фридрихъ Августъ посвятилъ герцогинѣ Шарлоттѣ Брауншвейгской въ 1792 г. переводъ David Sahid d'Ispahan подъ заглавіемъ: Les conseils et maximes de Pilpay, philosophe indien, sur les divers états de la vie.

Въ существенныхъ чертахъ одинаковый съ этимъ пеоеводъ издагъ былъ въ Гамбургѣ въ 1750 г.; онъ называется: Les fables politiques et morales de Pilpaï, philos. indien, ou conduite des grands et des petits; revues, corrigées et augmentées par Ch. Mouton. По весьма вѣроятной догадкѣ г. Пыпина (стр. 152 „Очерка“), переводъ этотъ послужилъ источникомъ для русскаго перевода Бориса Волкова „Политическія и правоучительныя басни Пильпая“. Спб. 1762 г.

[21]) Объ этой передѣлкѣ можно судить по слѣдующимъ переводамъ съ нея:

Les contes et les fables indiennes de Bidpai et de Lokman traduites d'Ali Tchelebi ben Saleh, auteur Turc. Oeuvre posthume par Galtand. Paris. 1724. 2 vls.

даніи С. де Саси (см. Benfey, Pantsch., Bd. I, стр. 121 и 285), и потому признается однимъ изъ древнѣйшихъ истоковъ первоначальной арабской передачи индійскаго оригинала, хотя и значительно сокращеннымъ. Составленіе греческой редакціи въ XI вѣкѣ (1080 г.) приписываютъ еврею Симеону Сиѳу (Συμεων Σήϑ), который извѣстенъ былъ во время Комненовъ, какъ авторъ разныхъ сочиненій и протовестіарій Антіохійскаго дворца въ Константинополѣ, а изданіе ея подъ заглавіемъ «Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης», т. е. «увѣнчанный и слѣдящій» («прямодушный и лукавый» арабскаго текста) сдѣлано лишь въ 1697 г. Штаркомъ [22]). Гольштейнскій списокъ, на которомъ основано оно, не имѣетъ введенія, гдѣ разсказывается упомянутая исторія происхожденія пеглевійскаго перевода, исторія,

---

Переводъ Galland'а дополненъ Cardonne'емъ въ изданіи «Contes et fables indiennes de Bidpai et de Lokman ouvrage commencé par feu M. Galland, continué et fini par M. Cardonne. Paris. 1778. 3 vls. и въ Женевскомъ изд. «Cabinet des fées», t. XVII—VIII. Нѣмецкая передѣлка: Auswahl türkischer Erzählungen aus dem Humajun-namé oder Kaiserbuch, v. Salihsade Ali Efendi v Ed. v. Adelburg. 1 Heft. Wien. 1855.

[22]) Specimen sapientiae Indorum veterum, id est liber ethico politicus pervetustus dictus arabice, *Kalilah wa Dimnah*, graece Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, nunc primum graece ex man. cod. Holsteiniano prodit cum versione nova latina, op. Sebast. Godofr. Starkii. Berolini. 1697.

Перепечатка предъидущаго, изданная въ 1852 г. въ Аѳинахъ подъ заглавіемъ: Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης ἤτοι βιβλίον φυσιολογικόν (ἠθικοπολιτικὸν) μεταχομισθὲν ἐκ τῆς Ἰνδίας καὶ δοθὲν τῷ βασιλεῦ Χοσρόη ἐν Περσίδι παράτινος Περζωὲ, σοφοῦ καὶ ἰατροῦ την τέχνην καὶ μετενεχθέν εἰς τὴν Ἀράβον γλῶσσαν. Ὑπὸ δε Συμεὸν μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σήϑ εἰς τὴν, Ἑλλήνων διάλεκτον μεταβληθὲν κτλ. Εν Ἀϑήναις, ἐκ τῇ τυπογραφίας Γ. Χαρτοφύλακος.

вошедшая, однако, въ латинскій переводъ [23]), изданный Поссиномъ по рукописи «Стефанита и Ихнилата», раньше редакціи Штарка. Такой недостатокъ въ послѣдней пополняется монографіей Аурививллія [24]), составленной по упсальскому списку Стефанита и служащей введеніемъ къ переводу Штарка. Изъ другихъ списковъ греческаго Стефанита слѣдуетъ упомянуть о томъ, который значится въ «Алфавитномъ указателѣ греческихъ рукописей московской синодальной библіотеки подъ № 298: «миѳическая повѣсть о Стефанитѣ и Ихнилатѣ (περὶ σεφανίτου καὶ ἰχνηλάτου), переводъ съ арабскаго древнѣйшаго персидскаго сочиненія, сдѣланный имъ (Симеономъ Сиѳомъ)

---

[23]) Appendix ad observationes Pachymerianas, Specimen sapientiae Indorum veterum. Liber olim ex lingua Indica in Persicam a Perzoe medico; ex Persica in Arabicam ab anonymo; ex arabico in Graecam a Symeone Seth; a Petro Possino Societ. Iesu novissime e Graeca in Latinam translatus. Romae. 1666.

Кромѣ этого перевода, раньше изданія Штарка, по одному изъ списковъ „Стефанита и Ихнилата" сдѣланъ былъ итальянскій переводъ, приписываемый Giulio Nuti (см. Pertsch, Ueber Nuti's italienische Bearbeitung v. Symeon Seth griechischer Uebers. des. Qualilah wa Dimnah, Orient und Occident, Bd. II, s. 261—268): Del govergo de regni sotto morali essempi di animali ragionati tra loro, tratti prima di lingua indiana in agarena (арабскій) de Lelio Demno (испорченное Kalilah wa Dimnah, при чемъ названіе повѣсти перенесено на автора) saraceno, et poi dall'agarena nelle Greca da Simeone Setto philosophe antiocheno, et hora tradotti di Greco in Italiano. Ferrara. 1583.

[24]) Prolegomena ad librum Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, ex cod. mscr. Bibliot. Upsal. edita et latine versa, dissertatione academica, quam praeside Ioh. Flodero publico examili submittit Per. Fabian Aurivillius. Upsaliae 1786.

по повелѣнію имп. Алексѣя Комнена (стр. 130 «Указ. для Обозр. М. Син. Библ.» 1858 г.). Быть можетъ, это та самая рукопись, которая, по свидѣтельству демидовскаго списка (см. 158 стр. «Очерка» Пыпина), принесена въ Россію изъ Аѳонской горы Максимомъ Грекомъ? Одинаково мы не имѣемъ возможности рѣшить, въ какомъ отношеніи рукопись эта стоитъ къ Штарковскому и вышеупомянутымъ изданіямъ Стефанита. Только сравнительное изданіе всѣхъ доступныхъ списковъ греческаго текста было бы въ состояніи дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но, къ сожалѣнію, таковаго не существуетъ до сихъ поръ, и вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники покойнаго Веселовскаго (брата профессора С.-Петербургскаго университета), который, какъ намъ передавали (сл. заявленіе Бенфея въ предисловіи къ «Kalilag und Damnag», s. CXVII), имѣлъ намѣреніе заняться подобнымъ изданіемъ и, успѣлъ оставить послѣ себя нѣсколько подготовительныхъ работъ, не лишили науку хотя бы и этихъ послѣднихъ, если только онѣ въ состояніи что-нибудь разъяснить въ разсматриваемомъ памятникѣ.

Греческій текстъ Симеона Сиѳа признается первымъ этапнымъ пунктомъ, чрезъ который въ европейскую литературу проникало знакомство съ Калилой ва Димной, а чрезъ посредство этой послѣдней, и съ индійской мудростью. Такъ, греческій Стефанитъ положилъ начало нѣсколькимъ переводамъ съ него на славянскіе языки. Когда совершился этотъ переходъ, неизвѣстно, какъ нельзя съ точностью опредѣлить и того, когда именно явилась первая русская редакція Стефанита. Правда, Шафарикъ (Wien. Jahrb. Bd. 53, anz.—bl. 29, br. 69 и Geschichte des Südslaw. Literat. III, 207 br. 117) упоминаетъ о Карловацкой рукописи болгарской редакціи XIV—XV в. (а не сербской, какъ полагаетъ г. Пыпинъ на стр. 168 «Очерка»). Но Даничичъ, издавшій церковно-славян-

скій переводъ Стефанита и Ихнилата по двумъ спискамъ — Бѣлградскому и Карловацкому [25])—не допускаетъ, чтобы рукопись эта могла явиться раньше XVI вѣка. Приведенные же въ «Очеркѣ» г. Пыпина (стр. 159—167) восемь списковъ не восходятъ далѣе XVII в. и въ каждомъ изъ нихъ, сверхъ того, не достаетъ восьми τμῆμα греческаго изданія Штарка, тогда какъ въ редакціи Даничича не хватаетъ только пяти отдѣленій. Что существуютъ болѣе древнія, сравнительно съ приведенными, редакціи славянскаго Стефанита, объ этомъ свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, „Алфавитный указатель“ М. Син. Биб., гдѣ мы находимъ указаніе на славянскій переводъ нашей повѣсти, сдѣланный въ 1478 году подъ заглавіемъ «Описаніе Сиѳа Антіоха о звѣрехъ, нарицаемыхъ Стефанита и Ихнилата» (стр. 229). Но другихъ сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой рукописи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Затѣмъ, нельзя не упомянуть также, что въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ находится рукопись, которая, по отзыву А. Е. Викторова, относится къ XIV столѣтію и заключаетъ въ себѣ несомнѣнные признаки сербскаго происхожденія. Изданіе facsimile съ этой рукописи г. Викторовъ взялъ на себя. Наконецъ, намъ извѣстно, что въ бумагахъ покойнаго В. И. Григоровича найдены отдѣльные пергаментные листки, содержащіе отрывки изъ славянскаго перевода XII вѣка. Безъ сомнѣнія, было бы желательно видѣть ихъ опубликованными даже и въ означенномъ видѣ, такъ какъ для нашего вопроса каждый отрывокъ, какъ бы ни былъ онъ кратокъ, можетъ быть весьма

---

[25]) Indijske priče prozvâne Stefanit i Ihnilat. См. «Starine», izd. Iugoslavenska Akademya zusnosti i umjetnosti. Kn. II. U Zagrebu. 1870.

по повелѣнію имп. Алексѣя Комнена (стр. 130 «Указ. для Обозр. М. Син. Библ.» 1858 г.). Быть можетъ, это та самая рукопись, которая, по свидѣтельству демидовскаго списка (см. 158 стр. «Очерка» Пыпина), принесена въ Россію изъ Аѳонской горы Максимомъ Грекомъ? Одинаково мы не имѣемъ возможности рѣшить, въ какомъ отношеніи рукопись эта стоитъ къ Штарковскому и вышеупомянутымъ изданіямъ Стефанита. Только сравнительное изданіе всѣхъ доступныхъ списковъ греческаго текста было бы въ состояніи дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но, къ сожалѣнію, таковаго не существуетъ до сихъ поръ, и вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники покойнаго Веселовскаго (брата профессора С.-Петербургскаго университета), который, какъ намъ передавали (сл. заявленіе Бенфея въ предисловіи къ «Kalilag und Damnag», s. CXVII), имѣлъ намѣреніе заняться подобнымъ изданіемъ и, успѣлъ оставить послѣ себя нѣсколько подготовительныхъ работъ, не лишили науку хотя бы и этихъ послѣднихъ, если только онѣ въ состояніи что-нибудь разъяснить въ разсматриваемомъ памятникѣ.

Греческій текстъ Симеона Сиѳа признается первымъ этапнымъ пунктомъ, чрезъ который въ европейскую литературу проникало знакомство съ Калилой ва Димной, а чрезъ посредство этой послѣдней, и съ индійской мудростью. Такъ, греческій Стефанитъ положилъ начало нѣсколькимъ переводамъ съ него на славянскіе языки. Когда совершился этотъ переходъ, неизвѣстно, какъ нельзя съ точностью опредѣлить и того, когда именно явилась первая русская редакнія Стефанита. Правда, Шафарикъ (Wien. Jahrb. Bd. 53, anz.—bl. 29, br. 69 и Geschichte des Südslaw. Literat. III, 207 br. 117) упоминаетъ о Карловацкой рукописи болгарской редакціи XIV—XV в. (а не сербской, какъ полагаетъ г. Пыпинъ на стр. 168 «Очерка»). Но Даничичъ, издавшій церковно-славян-

скій переводъ Стефанита и Ихнилата по двумъ спискамъ — Бѣлградскому и Карловацкому [25])—не допускаетъ, чтобы рукопись эта могла явиться раньше XVI вѣка. Приведенные же въ «Очеркѣ» г. Пыпина (стр. 159—167) восемь списковъ не восходятъ далѣе XVII в. и въ каждомъ изъ нихъ, сверхъ того, не достаетъ восьми τμῆμα греческаго изданія Штарка, тогда какъ въ редакціи Даничича не хватаетъ только пяти отдѣленій. Что существуютъ болѣе древнія, сравнительно съ приведенными, редакціи славянскаго Стефанита, объ этомъ свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, „Алфавитный указатель" М. Син. Биб., гдѣ мы находимъ указаніе на славянскій переводъ нашей повѣсти, сдѣланный въ 1478 году подъ заглавіемъ «Описаніе Сиѳа Антіоха о звѣрехъ, нарицаемыхъ Стефанита и Ихнилата» (стр. 229). Но другихъ сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой рукописи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Затѣмъ, нельзя не упомянуть также, что въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ находится рукопись, которая, по отзыву А. Е. Викторова, относится къ XIV столѣтію и заключаетъ въ себѣ несомнѣнные признаки сербскаго происхожденія. Изданіе facsimile съ этой рукописи г. Викторовъ взялъ на себя. Наконецъ, намъ извѣстно, что въ бумагахъ покойнаго В. И. Григоровича найдены отдѣльные пергаментные листки, содержащіе отрывки изъ славянскаго перевода XII вѣка. Безъ сомнѣнія, было бы желательно видѣть ихъ опубликованными даже и въ означенномъ видѣ, такъ какъ для нашего вопроса каждый отрывокъ, какъ бы ни былъ онъ кратокъ, можетъ быть весьма

[25]) Indijske priče prozvâne Stefanit i Ihnilat. См. «Starine», izd. Iugoslavenska Akademya zusnosti i umjetnosti. Kn. II. U Zagrebu. 1870.

драгоцѣннымъ. Вотъ все, что мы знаемъ о времени происхожденія славянскаго Стефанита.

Но общность происхожденія всѣхъ указанныхъ выше истоковъ пеглевійской передачи индійскаго оригинала всего яснѣе становится послѣ открытія сирійскаго перевода, который оказался наиболѣе вѣрнымъ отраженіемъ индійскаго памятника. О существованіи этой важной редакціи, объяснившей много непонятнаго въ арабскомъ и другихъ изданіяхъ Калилы ва Димны и пополнившей многіе пробѣлы въ нихъ, до 1868 года было извѣстно только, что нѣкій Періодевтъ (visitator) Будъ, завѣдывавшій несторіанскими общинами въ Персіи и Индіи, въ числѣ другихъ индійскихъ сочиненій перевелъ также и «Qâlilag et Damnag». Извѣстіе объ этомъ находится въ «Catalogus librorum chald. sive Syriacorum» Abraham v. Escheln (ср. Assemanni Biblioteca Orientalis, III, 1,220 и Rénan въ «Journal Asiatique» Cinq. Série t. VII, 1856. p. 251. Кстати замѣтимъ, что и Аделунгъ въ своемъ «Versuch» etc. упоминаетъ о какомъ-то сирійскомъ переводѣ, приведенномъ въ Nyerup's Catalogus libr. Sanskrit. Hafniae 1821, p. 27) и тамъ передано такимъ образомъ: Bud Peridiotae exstant orationes de fide, nec non adversus Manicheos, praeterea quaestiones graecas, nuncupatus Alpha Miglun, interpretatus etiam est ex indico Idiomade librum Calaileg et Damneg». При этомъ поясненіе: «Liber iste tribuitur Isamo quinto Indorum regi, de quo sic Ismael Sciahinsciah in historia gentium. Isamus et est ille, qui composuit librum Calilah et Damnah. Idem affirmat coelibi librum hunc arabici juris factum fuisse, trecentis ante Alexandrum Macedonem annis» [26]). Въ прошломъ году переводъ этотъ изданъ Биккелемъ и, какъ доказалъ Бенфей въ своемъ пре-

---

[26]) Görres, die teutschen Volksbücher, Heidelberg, 1807, S. 165.

дисловіи къ нему (см. Kalilag und Damnag», VII—IX Abschnitt, s. XLIII—LXXXIV), до такой степени точно слѣдуетъ пеглевійской редакціи, что въ немъ ненарушимо сохраняются даже ошибки, объяснимыя только пеглевійской транскрипціей отдѣльныхъ словъ индійскаго оригинала (ib, S. LXXX).

Въ подтвержденіе такого сходства сирійскаго перевода съ пеглеви и его ближайшими истоками, можно указать хотя бы на слѣдующую аналогичность содержанія въ нихъ. Такъ, 1, 2, 6, 3 и 4 главы сирійскаго текста послѣдовательно соотвѣтствуютъ 5, 7—10 главамъ арабскаго С. де Саси, а слѣдовательно и пяти книгамъ Панчатантры. Далѣе, 5, 7 и 8 главы сирійской редакціи аналогичны съ 11—13 гл. С. де Саси, и, значитъ, съ 8—10 τμῆμα греческаго Стефанита и тремя отдѣленіями индійскаго памятника, сохранившимися въ Магâбгâратѣ (см. выше). Затѣмъ, если мы не находимъ въ изданіи С. де Саси никакихъ слѣдовъ отъ 10-го отдѣла сирійскаго перевода, хотя въ другихъ спискахъ арабскаго текста онъ и удержался (см. Mémoire historique etc. par S. de Sacy, p. 33 и 34), за то редакція Штарка сохраняетъ намъ его содержаніе въ своей XIV-й τμῆμα, а изданіе Даничича—въ X-й главѣ. Наконецъ, 9-я глава сирійскаго текста напоминаетъ по содержанію 14-ю гл. С. де Саси и вышеприведенную часть тибетской редакціи, которая сходна по содержанію съ VII-й τμῆμα греческаго и церковно-славянскаго текста.

Этотъ послѣдній отдѣлъ особенно любопытенъ. Онъ указываетъ на другіе истоки Калилы ва Димны, которые, независимо отъ перечисленныхъ выше, разносили по востоку и западу содержаніе индійскаго памятника. Дѣло въ томъ, что всѣ до сихъ поръ извѣстные списки русскаго Стефанита, какъ замѣтилъ еще г. Пыпинъ, прерываются на срединѣ разсказа исторіей «о снѣхъ царя индійскаго», которая съ перваго взгляда

кажется мало понятной, но, сравнивая ее съ тѣмъ, какъ изложена она въ тибетской и сирійской редакціяхъ, легко замѣтить ея восточное происхожденіе и близкую связь съ содержаніемъ Калилы ва Димны. Вотъ это сказаніе, передаваемое нами по изданію Даничича, которое, какъ уже замѣчено выше, полнѣе нашихъ списковъ Стефанита.

Индійскому царю во снѣ явилось восемь видѣній, которыя, по истолкованію его совѣтниковъ, предвѣщали погибель его, если онъ не убьетъ всѣхъ своихъ приближенныхъ и не омоется въ ихъ крови. Царь въ большомъ горѣ, не знаетъ, на что рѣшиться, и только благодаря кроткимъ увѣщаніямъ царицы, отправляется за совѣтомъ къ отшельнику, который и истолковываетъ всѣ сны, за исключеніемъ 8-го, въ благопріятномъ для царя смыслѣ, именно въ томъ, что черезъ семь дней царь долженъ получить большіе дары (см. подробности ниже). Предсказаніе, дѣйствительно, исполняется, и царь на радостяхъ раздѣляетъ дары между своими близкими, при чемъ царица выбираетъ «вѣньцъ», а наложницѣ достается «багьрь». На этомъ обыкновенно и прерываются русскіе списки, не исключая и издаваемаго «Обществомъ Л. Др. Письменности». По тексту же Даничича и восьмой сонъ исполняется. Тамъ разсказывается, что однажды взявшая вѣнецъ жена царя принесла ему блюдо съ рисомъ, но, когда царь сталъ укорять ее въ неудачномъ выборѣ подарка, царица разсердилась и опрокинула на голову ему блюдо. Царь пришелъ въ негодованіе и повелѣлъ «главу отсешти» виновницѣ такого оскорбленія; но ближайшій совѣтникъ, которому поручено было это исполнить, зная, какъ любитъ царь жену свою, скрылъ ее на время, а своему повелителю объявилъ, что въ точности исполнилъ его приказаніе. Царя вскорѣ за этимъ взяло раскаяніе въ поспѣшномъ рѣшеніи, тогда-то совѣтникъ и является съ своими утѣшеніями; онъ разсказываетъ баспю о голубѣ и го-

лубкѣ, хотя, какъ всегда въ восточныхъ сказаніяхъ, моралью басни разсказчикъ незамѣтнымъ образомъ старается довести своего слушателя до полнаго сознанія неправоты его поступка, по поводу котораго составлена и самая басня. «Никоя польза» — разсказываетъ совѣтникъ, «прибиваеть о печали, тьчію оудроученіе тѣлоу, яко же рече невьто ѡть моудріихь: печалань оумь чрьвь снѣдаеи кости. оутеши се оубо, ѡ цароу, да не подобьно постраждеши еже и голоубы. глаголѥть бо се яко соупроугь голоубинь, моужаски поль и женьскы, свое гнѣздо наплынише пшенице мокріе, и слово сътвориша не въкоусити ѡть нѥе доньдеже зима доидеть. и жетве же бивьши и сльньцоу въсіавьшоу, омале пьшеница, съсьхноувьши се. еже видевь моужаскы поль голоубь мнѣше яко голоубь жена съиела ѥсть пьшеницоу, и отолѣ непрѣстано начеть бити ю, доньдеже сконьча ю. зиме же бивьши, пьшеница пакы наядривьши се, разоуме голоубь яко подроуга своего оубиль ѥсть неправѣдне. и сего ради плакоше присно, и печалію издаше. Тако вси нетрьпеливи и яростни страждоуть. и по что о единои женѣ печаль имаши, ѡ цароу, и не радоуеши се о прочыхь своихь женахь, нь въсегда за ѡшьдьшоую ридаеши?» Но когда «по многыхъ дьнехь и бѣседахь» сдѣлалось ясно, что царь непритворно тронутъ потерей любимой жены, разсказчикъ принесъ повинную въ томъ, что не исполнилъ приказанія царя. «И сію (жену) видѣвь царь радостьнь бысть ѕѣлѡ, и многочьстными дарьми почьть прьвосъвѣтьника».

У Штарка этотъ разсказъ значительно полнѣе, — тамъ приведенъ продолжительный разговоръ царя съ совѣтникомъ; кромѣ басни о голубяхъ, излагается еще басня объ обезьянѣ. Но и въ греческомъ Стефанитѣ настоящій характеръ разсказа не такъ ясенъ. Обращаясь къ тибетской редакціи (см. Schiefner, Mahâkâtyâyna etc., S. 46—66), мы находимъ тотъ же разсказъ въ обстановкѣ, вполнѣ обличающей его буддійское

происхожденіе (о томъ, что тибетскій текстъ носитъ на себѣ древній легендарно буддистскій отпечатокъ, сглаженный въ индійскомъ памятникѣ и его многочисленныхъ редакціяхъ, см. «Kalilag und Damnag», S. XCII и слѣд.). Тамъ, во-первыхъ, разсказывается объ измѣнническомъ избіеніи царемъ Прадьйотой 8,000 брâхмановъ, за что оставшіеся въ живыхъ брâхманы проникаются къ царю ненавистью; затѣмъ, какъ и въ славянской редакціи, идетъ рѣчь о снахъ, о желаніи брâхмановъ (совѣтниковъ въ славянскомъ текстѣ) извести царя, объ истолкованіи сновъ и о благопріятномъ исходѣ послѣднихъ. Наконецъ слѣдуетъ приговоръ царицы на смерть и ея спасеніе мудрымъ совѣтникомъ. Въ сирійскомъ переводѣ и другихъ истокахъ пеглевійской редакціи первый эпизодъ вовсе опущенъ; упоминается только о 12,000 брâхмановъ, которыхъ индійскій царь велѣлъ убить; у Штарка 10,000, и пр. Всѣ же остальные изъ указанныхъ сюжетовъ повторяются вездѣ лишь съ тѣми измѣненіями, какія могли обусловливаться единственно локализаціей первоначальнаго источника. Не останавливаясь на всѣхъ отличіяхъ въ редакціяхъ пеглевійскаго происхожденія и тибетской (см. объ этомъ «Kalilag u. Damnah» стр. XCVI—CV, гдѣ подробно указаны отличія тибетскаго текста отъ сирійскаго; также, Benfey, Pantschat., Bd. I, стр. 597, какъ и вообще §§ 225—228, анализирующіе разбираемое нами сказаніе въ арабской и другихъ редакціяхъ), чтобы показать на примѣрѣ степень близости и несходства въ различныхъ передачахъ одного и того же разсказа, мы ограничимся здѣсь сравненіемъ того эпизода сирійской, тибетской, греческой и славянской редакцій, въ которомъ приведено истолкованіе сновъ отшельникомъ. Начнемъ съ тибетскаго текста.

«Was bedeuten, o grosser König, die acht Traumgesichter, die du gehabt hast? Dein *erster* Traum, in dem du sahst, dass

dein Körper mit weissem Sandel gesalbt wurde, bedeutet, dass ein von dem *Videha-Könige dir ein Stück Amila-Zeug* zum Geschenk Bringender unterwegs ist und in sieben Tagen hier eintreffen wird. Dein *zweiter Traum,* in welchem du *rothen Sandel auf deinen Körper ausstreuen* sahst, bedeutet, dass *ein vom Gândhâra-Könige dir einen kostbaren Umwurf* zum Geschenk Bringender unterwegs ist und ebenfalls in sieben Tagen hier eintreffen wird. Dein *dritter Traum,* in welchem du *Feuer auf deinem Scheitel brennen* sahst, bedeutet, dass ein von *dem Javana-Könige eine goldene Krone* dir zum Geschenk Bringender unterwegs ist und auch dieser in sieben Tagen eintreffen wird. Dein *vierter Traum,* in welchem du *aus deinen beiden Achselhöhlen zwei Schlangen hervorkriechen* sahst, bedeudet, dass ein vom *Tschîna-Könige dir zwei Schwerter* zum Geschenk Bringender unterwegs ist und auch dieser in sieben Tagen eintreffen wird. Dein *fünfter Traum,* in welchem du *zwei Fische deine beiden Füsse lecken* sahst, bedeutet, dass ein *vom Sim̃hala-Könige dir ein paar Edelstein-Schuh* zum Geschenk Bringender unterwegs ist und auch dieser in sieben Tagen hier eintreffen wird. Dein *sechster Traum,* in welchem du *zwei Gänse am Himmel schweben* sahst, bedeutet, dass ein *vom Bhangala Könige zwei Pferde* dir zum Geschenk Bringender unterwegs ist und auch dieser in sieben Tagen eintreffen wird. Dein *siebenter Traum,* in welchem du *einen schwarzen Berg an dich herankommen* sahst, bedeutet, dass ein *von Kalinga-Könige dir einen Elephantenfürsten* zum Geschenk Bringender unterwegs ist und dieser auch in sieben Tagen eintreffen wird. Was dein *achter Traum,* in welchem du einen Kranich mit dem Schnabel deinen Kopf picken sahst, bedeutet, dass wirst du und wird Hopâla's Mutter Cântâ erfahren. Auch musst du gegen die Brahmanen keinen Unmuth aufkommen lassen».

Въ переводѣ Биккеля сирійскаго текста тотъ же эпизодъ передается слѣдующимъ образомъ:

«Die Deutung dieser acht Träume, welche du gehabt hast

ist folgende: Jene *zwei rothen Fische,* welche du hin-und her-hüpfen und auf deinen Füssen springen sahest, bedeuten, dass ein *Gesandter zu dir kommen wird von dem Könige Chamtur,* welcher dir durch denselben *zwei mit Edelsteinen geschmückte Gürtel im Werthe von viertausend Pfund Gold* schicken wird; und er wird vor dir erscheinen. Jene *zwei Enten* aber, welche du hinter dir herfliegen und vor dich kommen sahest, bedeuten, dass ein *zweiter Gesandter von dem Könige Behal* zu dir kommen und dir *acht Pferde und zwei Wagen bringen wird,* die in deinem ganzen Reiche nicht ihresgleichen haben; und er wird vor dir erscheinen. Und *die Schlange,* welche du an deiner linken Hüfte hinaufkriechen sahest, bedeutet, dass ein *dritter Gesandter* zu dir kommen wird *von dem Könige Çidra,* welcher dir *das Schwert Pulad bringen wird;* und er wird vor dir erscheinen. Dass du *deinen ganzen Körper mit Blut bedeckt sahest,* bedeutet, dass ein *vierter Bote von Könige Tarseru* zu dir kommen wird, welcher dir *ein Gewand, Namens Olgemalitawan bringt, das in Dunkeln leuchtet;* und er wird vor dir erscheinen. Dass du *deinen ganzen Körper mit Wasser gewaschen* sahest, bedeutet, dass ein *fünfter Bote von Könige Raez* zu dir kommen wird, um dir *königliche Leinengewänder* zu bringen; und er wird vor dir erscheinen. Dass du *dich auf einem weissen Berge liegend gesehen* hast, bedeutet, dass ein *sechster Gesandter vom Könige Kanun* kommen wird, um dir einen *weisen Elephanten* zu bringen, den das schnellste Pferd nicht einholen kann; und er wird vor dir erscheinen. Dass du gesehen hast, dass *etwas wie eine Taube auf deinem Haupte sich niederliess,* bedeutet, dass *ein siebenter Gesandter vom Könige Dadra* kommen und dir *eine Krone bringen* wird; und er wird vor dir erscheinen. Was aber jener Vogel bedeutet, der mit seinem Schnabel nach deinem Kopfe stiess, das sage ich dir nicht. Du brauchst dich aber deshalb nicht zu ängstigen, denn es ist nichts Furchtbares, sondern nur eine Mishelligkeit zwischen dir und Jemandem, der dir

besonders lieb und werth ist. Jede Gesandter aber, von denen ich dir erzählt habe, werden heute über sieben Tage zu dir kommen».

Наконецъ приводимъ параллельно греческую и церковно-славянскую редакцію истолкованія этихъ сновъ.

Δηλοῦσι γὰρ οἱ δύο ἰχθύες, οὓς ἑώρακας, οἱ ἐπι τῶν ὀρέων βαδίζοντες ὡς πρέσβεις σοι ἥξουσιν, ἔκ τίνος τῶν μεγιστάνων, δύο ἐλέφαντάς σοι κομίζοντές θαύματος ἀξίους. Ἁι δὲ δύο νῆτται, ἅσπερ συ πετομένας ἑώρακας, σημαίνουσίν, ὡς Περσῶν ἥξουσι πρέσβεις, δύο ἵππους τῶν γενναίων ἐπιφερόμενοι. Ὁ δὲ ἕρπων ἐπί σοι ὄφις δηλοῖ τὸ ἐνεχθῆναί, σοι σιτάθην τινὰ, οἷαν οὐδεὶς ἑώρακε πώποττε. Τὸ δὲ δἰ ἅιματος βαπτίζεσθαι, ἐμφαίνει τὸ πεμφθῆναί σοι ἱμάτιον πορφυροῦν, λάμπον ἐν τῇ σκοτίᾳ. Τὸ δὲ ὕδατι ἀποπλύνεσθαί σε, τὸ διαφόροις στολαῖς δεξιωθῆναι δηλοῖ. Τό δ᾽ἐπ᾽ ὄρους σε λεὑκοῦ βεβηκέναι τεκμήριον ἐναργὲς, τὸ ἐπὶ ἐλέφαντος λευκοῦ ἐποχηθῆναί σε. Τὸ δὲ ἐπὶ τῆς κεφαλῆς σου πῦρ πρόυπογράφει σοι τὸ δέξασθαί σε στέφανον πολυτελῆ παρά τινος τῶν μεγίστων βασιλέων. Περὶ δέ τοῦ, τὴν κεφαλήν σου τύπ-

Повѣдоують бо двє рибѣ, ихъже видѣль еси на опашехь ходѣштіихь, яко посланьникь пріидеть к тебѣ ѡть вѣликихь цареи, и два елефаньда привѣдеть ти. Два же норьца, яже оузрєлешаюшта окрьсть тебе, на знаменають яко перьси (перстіи) посланици пріидоуть, два коня изредна приводеште ти. Прѣсмикаеми же по тебѣ со ѕміи мьчь принести ти се сказоуеть, яковьже никьтоже видѣ. А еже крьвію тебѣ крьштати се, являеть яко послѣть ти се дарь, риза багрѣна сіаюшти въ тьме. а (е)же водою омивати се, прорѣштаваеть яко различьна одѣяніа принѣсоуть се тебѣ. А еже на гороу бѣлоу възити, оувѣреніе истиньно кєсть яко на бѣла елефаньда възседеши. а еже на главе твоеи огьнь, прописоуеть яко вѣньць многоцѣньнь примеши ѡть цара некоего бѣлика. Главе же твоеке еже біаше пьтишть, нынѣ не про-

τοντος, ὀρνέου οὐδὲν ἄρτι ἀποφαίνομαι. Δηλοῖ δέ τινα μερικὴν λύπην, καὶ ἀποστροφὴν ποθουμένου προσώπου. Καὶ ταῦτα πάντα γενήσεταί σοι ἐπὶ ἡμέρας ἑπτά.

являю ти. Сказоуеть бо малоу некоую скрьбь и ѡтьвраштеніе любимаго образа. И сіа вса събоудоуть ти се по .ꙁ.-хь дьнехь.

Сравнивая всѣ эти редакціи, мы видимъ, что тибетскій текстъ уклоняется отъ сирійскаго и другихъ истоковъ пеглевійскаго какъ въ порядкѣ сновъ, такъ и въ частностяхъ ихъ обстановки. Такъ, 1-й сонъ тибетской редакціи соотвѣтствуетъ 5-му въ другихъ; 2-й—4-му; 3-й—7-му; 4-й—3-му; 5-й—1-му; 6-й—2-му и 7-й—6-му. Только восьмой вездѣ одинъ и тотъ же. Съ другой стороны, тогда какъ въ греческой и славянской передачѣ утратились имена царей и странъ (за исключеніемъ славянскаго «Бѣлика» въ 7-мъ снѣ), которые должны были преклониться передъ индійскимъ царемъ, въ сирійской и тибетской они сохранились, хотя сходство въ названіяхъ странъ ограничивается лишь 6-мъ, 2-мъ и 7-мъ снами тибетской редакціи и имъ соотвѣтствующими сирійской. Попытка объяснить несходство названій въ остальныхъ снахъ представлена Бенфеемъ на вышеуказанныхъ страницахъ XCVI—CV и LXXXVI до конца главы «Kal. u. Damnag», и потому мы не будемъ останавливаться на этомъ. Нельзя, однако же, обойти молчаніемъ слѣдующій любопытный фактъ.

Въ славянской редакціи, какъ замѣчено выше, упоминается нѣкій царь Бѣликъ, который, по словамъ отшельника, долженъ принести мечъ царю; у Штарка имени этого нѣтъ, но въ 6-мъ снѣ тибетскаго текста встрѣчаются Bhangala-König, точно также во 2-мъ—сирійскаго Behal, которому въ арабскомъ изданіи С. де Саси совершенно соотвѣтствуетъ Balch. Не настаивая на сближеніи этихъ именъ между собою, мы въ то же время не

можемъ не указать мимоходомъ на этимологическое сходство каждаго изъ нихъ съ именемъ индійскаго царя Balhara или Bilhera, о которомъ упоминаетъ еще Абульфеда, жившій въ XIV столѣтіи нашего лѣтосчисленія, говоря, что «Кануджъ есть мѣстопребываніе Balhara, который царь царей Индіи». Кануджа или Канавджа, а въ нѣкоторыхъ персидскихъ книгахъ Canûg, обозначается, какъ торговый городъ, расположенный между двумя рукавами Ганга, при рѣкѣ Mosallî. Царь же Балгара, у однихъ писателей извѣстный подъ именемъ Bilher'a, у другихъ—Belûr., всѣми описывается такимъ, «cui sunt exercitus ac elephantes ejusque cultus est Idoli *Budd.* Iste solet capite portare coronam auream et indui stolis striatis auro intertectis... Et hoc regnum (cujus rex vocatur Belhera) est hereditarium, nec transfertur ab illis nomen Belhera, *cujus interpretatio est rex regum*, sicuti praemisimus». (См. 43—46 p. «De ludis orientalibus». Oxunii M. DCXCIV). Тѣ же извѣстія о Балгара мы встрѣчаемъ и у Масуди, жившаго въ X в. по Р. X. (см. Les prairies d'or. Texte et traduction par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. O. I, Paris. 1861, стр. 162, 177, 372 и 382). Тамъ между прочимъ сказано, что „la ville de Mankir, qui était *le grand centre* de l'Inde, se soumit à un roi nommé le *Balhara*, et le nom de ce premier roi est resté à tous ses successeurs qui ont régné dans cette capitale jusqu'à ce jour (332 de l'hégire).“

Такимъ образомъ «бѣликъ» славянскаго текста только лишній разъ указываетъ на тѣсную связь между самыми отдаленными одинъ отъ другаго истоками индійскаго произведенія.

Но подобнаго рода общераспространенность сюжетовъ восточныхъ сказаній позволяетъ, какъ мы замѣтили выше, сблизить нашу повѣсть со множествомъ другихъ литературныхъ произведеній востока и запада, которыя, казалось бы, не имѣютъ

съ нею ничего общаго. Уже не сходя съ индійской почвы, мы находимъ тамъ развитіе той же канвы, которая связываетъ разсказы Стефанита и Ихнилата въ одно цѣлое, даже въ частностяхъ. Такъ, напримѣръ, сюжетъ однородный съ создавшимъ разсказъ о повелѣніи царя казнить царицу Бенфей указываетъ въ поименованномъ раньше индійскомъ памятникѣ Kathâ Sarit Sâgara [27]) и въ 1-мъ разсказѣ Sinhâsana—dvâtrinçati [28]), т. е. 32 разсказа, привязанные къ трону Викрамадитья, и въ монгольской редакціи этого памятника, извѣстной подъ именемъ Арджи—Борджи [29]). Этотъ же сюжетъ нахо-

---

[27]) Kathâ sarit Sâgara. Die Märchensammlung des Sri-Somadeva Bhatta aus Kaschmir. 1—5 Buch. Sanskrit und deutsch hrsg. v. H. Brockhaus. Leipzig. 1839.

[28]) Vatriç Singhâsan. Serampore. 1818. Vicrama-Carita „похожденія Викрамы“ въ бенгальскомъ переводѣ и на языкѣ hindi (въ Histoire de la littérature Hindoui et Hindoustani, II, 273 и слѣд.). Сюда же относятся Vetâlapantschavinçati—25 исторій, разсказанныхъ Веталой царю Викрамадитью. Пять изъ нихъ приведены въ „Anthologia Sanscritica“ Lassen'a, S. 1—38; пять другихъ у Brockhaus'a въ «Berichte der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft: hist.—phil. Kl., 1853, S. 281—306». Остальные разсказы извѣстны лишь въ переводахъ съ тамульскаго, гиндустани и др. индійскихъ нарѣчій. Наиболѣе полные переводы: Bytal-Puchisi; or the twenty five tales of Bytal, translated from the Brujbhakha into English; by Rajah Kalee-Krishen Behadur. Calcutta, 1834. и «Vetâla Cadai» transl. by Babington въ «Miscellaneous translations from oriental languages». London. 1831. Частями на французскій яз. перевелъ Lancereau въ «Journal Asiatique», 1851 г. XVIII, 383 и слѣд.

[29]) Русскій переводъ ламы Галсанъ-Гомбоева: Арджи Борджи, Монгольская повѣсть, переведенная съ монгольскаго. Спб. 1858. По нѣмецки Бенфей изложилъ этотъ переводъ въ «Ausland»

дится и въ исторіи сорока визирей» [30]), — турецкій романъ, передѣланный съ арабскаго подражанія «притчамъ Сендебада», которыя носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды индійскаго происхожденія и издавна служили источникомъ многочисленныхъ переводовъ и передѣлокъ, болѣе извѣстныхъ подъ названіемъ «повѣсти о семи мудрецахъ» [31]), въ которой также повторяется упомянутый сюжетъ. Къ тому же циклу сказаній, въ которыхъ опять-таки находимъ аналогичные разсказы и развитіе однородной канвы, относится и Tuti Nameh

---

1858, а Юльгъ издалъ монгольскій текстъ въ 1868 г. и переводъ Арджи Борджи подъ заглавіемъ: «Mongolische Märchen. Die neun Nachtrags-Erzählungen des Siddhi-kür und die Geschichte der Ardschi Bordschi Chan etc. aus dem mongolischen uebersetzt etc. Insbruck, Wagner. 1868.

См. также «Bullétin de l'académie impériale des sciences de St. Pétersb., 27 ноября 1857 г., гдѣ академикъ Шифнеръ указываетъ на буддистское происхожденіе этихъ монгольскихъ сказаній.

[30]) Нѣмецкій переводъ Bernhauer'а подъ заглавіемъ: Die vierzig Veziere oder weisen Meister. Ein altmorgenländischer Sittenroman. Zum ersten Male vollständig aus dem Türkischen übertragen und mit Anmerkungen versehen, v. Dr. Walter Fr. Bernhauer. Leipzig. 1851. Сокращенный переводъ по русски сдѣланъ В. В. Григорьевымъ въ „Москвитянинѣ", 1844, 1, 94 — 122.

[31]) Индійскимъ оригиналомъ Семи мудрецовъ Бенфей считаетъ Siddhapati (см. Mélanges Asiatiques, III, 188 и слѣд.), памятникъ, который еще не найденъ, но о существованіи его свидѣтельствуютъ арабскія и персидскія передѣлки его «Sindibâd-nâmeh, Kitab-ez Sindbâd», греческій переводъ подъ названіемъ: «Συντίπας» и пр. Болѣе подробныя свѣдѣнія весьма любопытной литературной исторіи этого памятника см. въ монографіи А. Н. Веселовскаго „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. Спб. 1872, стр. 327—338, а также въ не разъ упомянутомъ здѣсь „Очеркѣ" г. Пыпина, стр. 252—260, гдѣ приведены и

книга о попугаѣ [32]), — турецкій романъ, основанный на персидской редакціи «Семи мудрецовъ», принадлежащей Нахшеби, въ которомъ (романѣ) мудрый попугай играетъ роль Schahrâzâd'ы „Тысячи и одной ночи", въ свою очередь сохраняющей слѣды вліянія семи мудрецовъ въ разсказѣ о царѣ, его сынѣ, любовницѣ и семи визиряхъ. Сюжетъ Tuti-Nameh

---

русскіе списки „повѣсти о семи мудрецахъ". Лучшее изслѣдованіе объ исторіи памятника принадлежитъ Пизанскому профессору Comparetti, «Ricerche intorno al Libro di Sindibad». Наконецъ, какъ библіографическая рѣдкость о томъ же предметѣ, достойна вниманія брошюра Brockhaus'a «Die sieben weisen Meister v. Nachschebi», изд. въ 1845 г. въ Лейпцигѣ. Здѣсь же мы позволяемъ себѣ замѣтить, что „повѣсть о семи мудрецахъ", по своему превосходству надъ многими переводными произведеніями древней письменности нашей, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ того, чтобы „Общество люб. др. письмен." не замедлило заняться ея изданіемъ.

[32]) Индійскимъ прототипомъ Tuti-nameh служитъ Çukasaptati (70 исторій попугая); но въ санскритской литературѣ отъ этого памятника сохранились лишь первый разсказъ и введеніе, которые помѣщены въ «Anthologia» Lassen'a S. 38—45. Съ греческимъ переводомъ ихъ Галаноса подъ заглавіемъ: Ψιττάκου μυθολογίαι νυχτεριναί мы встрѣчались выше, когда говорилось о Панчатантрѣ. Персидская редакція Нахшеби послужила источникомъ другой персидской передѣлки, составленной Мохаммедомъ Kâdiri въ XVII в. Эта обработка въ 1801 г. была издана по англійски въ Калькуттѣ Gladwin'омъ, а по нѣмецки Iken'омъ подъ заглавіемъ: «Touti Nameh. Eine Sammlung persischer Märchen von Nachschebi. Deutsche Uebersetzung von Karl Jakob Ludwig Iken. Mit einem Anhange v. demselben und v. I. G. L. Kosegarten». Stuttgart. 1822 и 1837. Другая передѣлка — турецкая. О ней даетъ понятіе переводъ Georg Rosen'a «Tuti-Nameh. Das papagaienbuch. Eine Sammlung orientalischer Erzählungen». 2 Thle. Leipzig. 1858.

заключается въ томъ, что каждую ночь попугай разсказываетъ молодой женщинѣ сказку, чтобы тѣмъ отвлекать ее отъ рѣшенія идти на любовное свиданіе, каждый разъ начиная съ того, что совѣтуетъ своей слушательницѣ слѣдовать влеченію сердца и при этомъ каждый разъ упоминаетъ басню, которую молодая женщина проситъ разсказать; а съ концомъ повѣсти наступаетъ разсвѣтъ. Такимъ образомъ попугай мѣшаетъ свиданію, пока не возвращается мужъ его слушательницы.

Небезъинтересно здѣсь же упомянуть о малайскомъ сборникѣ мудрыхъ поученій подъ заглавіемъ: «Исторія Баяна», свѣдѣнія о которомъ мы нашли въ IX т. „Nouveau Journal Asiatique", 1832 г., въ статьѣ Jacquet „Mélanges Malays, Javanais et Polynésiens". На стр. 111 — 112 Jacquet говоритъ, что въ каталогѣ малайскихъ и явансвихъ рукописей, подаренномъ г-жею Raffles лондонскому азіатскому обществу, двѣ рукописи этого разсказа записаны подъ №№ 4 и 73 и называются тамъ Bâyan budiman — мудрый попугай. По мнѣнію Jacquet, романъ этотъ есть ничто иное какъ переводъ вышеупомянутаго персидскаго сборника сказокъ *Tuti Nameh*. Такимъ образомъ, независимо отъ очевидной связи Баяна, если дѣйствительно справедливо предположеніе Jacquet, съ древнимъ разсказомъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, повѣстью о Семи мудрецахъ и тибетской редакціей, изданной Шифнеромъ, для насъ интересснымъ является еще сближеніе славянскаго слова баянъ (т. е. чародѣй, колдунъ) съ азіатскимъ. Къ сожалѣнію, сколько мы ни старались добраться по каталогамъ, изданъ ли этотъ сборникъ, мы ничего не добились и, слѣдовательно, лишены возможности провѣрить, въ какой связи находятся эти имена между собою. При этомъ, однако же, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что баянъ, какъ названіе птицы, въ малайскомъ языкѣ не находится. По крайней мѣрѣ, Marsden въ своемъ малайскомъ лексиконѣ не

обозначаетъ породы, къ которой долженъ принадлежать bâyan. Raffles же въ своемъ словарѣ переводитъ это слово «Beraman parrot», тогда какъ Valentyn даже вовсе не упоминаетъ о баянѣ въ орнитологической части своего Beschryving van Ostindien.

Но широкое распространеніе содержанія нашей повѣсти не ограничивается однимъ приведеннымъ примѣромъ. О повтореніяхъ другихъ эпизодовъ ея то здѣсь, то тамъ въ произведеніяхъ европейскихъ и восточныхъ литературъ, см. Benfey, Pantschatantra, I Bd., уже приводившіеся нами §§ 225—228.

Такимъ образомъ мы довели до конца нашу статью, но, сознаемся, не коснулись еще многаго, что помогло бы намъ разъяснить всѣ пути, какими распространялась наша повѣсть въ разнообразныхъ подражаніяхъ, передѣлкахъ, переводахъ и пр. Такъ, мы вовсе ничего не сказали о тѣхъ многочисленныхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергалась она, проникая въ средневѣковую литературу фаблью и новеллъ. Но затрогивать этотъ обширный вопросъ лишь вскользь мы полагали и малополезнымъ, и—главное—безцѣльнымъ. Къ солидной же и всесторонней разработкѣ его не считали себя достаточно подготовленными. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что и предлагаемая работа наша сдѣлана при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе малодоступности въ лѣтнее время общественныхъ библіотекъ намъ приходилось довольствоваться или собственными источниками, или же тѣми, какіе обязательно сообщены были намъ княземъ П. П. Вяземскимъ. Въ виду этого, только увѣренность, что болѣе компетентные судьи въ данномъ вопросѣ не откажутъ пополнить весьма вѣроятные пробѣлы въ настоящей статьѣ, и заставляетъ насъ теперь же предложить ее вниманію тѣхъ, кто пожелалъ бы, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ литературной исторій одной изъ древнѣйшихъ повѣстей русскихъ.

Ѳ. Булгаковъ.

Славяно-русскій списокъ „Стефанита и Ихнилата“, издаваемый нами по порученію литературнаго отдѣла „Общества любителей древней письменности“, подъ заглавіемъ: „Списаніе Антіоха великаго о звѣрехъ нарицаемыхъ Стефанида и Ихнилада“ помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ конца XVII и начала XVIII вѣка, принадлежащемъ князю П. П. Вяземскому *). По содержанію списокъ этотъ въ общемъ сходенъ со списками, обзоръ которыхъ сдѣланъ г. Пыпинымъ (ср. „Очеркъ“, стр. 158 и слѣд.), преимущественно же съ Толстовскимъ сборникомъ (2. 181. Публичной библіотеки XVII Q. 35 сборн. XVII в. л. 393—445). Такъ, первыя двѣ притчи въ нашемъ изданіи („Наказательныя словесы отца дѣтямъ“ и „Сказаніе о купцехъ“) составляютъ содержаніе первой басни въ

*) Въ томъ же сборникѣ помѣщено „Зрѣлище житія человѣческаго“ (басни съ толкованіемъ и историческими примѣрами). Въ Толстовскомъ сборникѣ (II. 451 Императорской Публичной библіотеки XVII Q. 7. л. 1—95) сказано, что басни эти переведены съ нѣмецкаго въ 1647 году „трудолюбіемъ Андрея Андреева сына Виніуса“.

Тамъ же находимъ „Сказаніе о удахъ человѣческихъ“,—басню, которая въ Толстовскомъ сборникѣ помѣщена вслѣдъ за „Стефанитомъ и Ихнилатомъ“ (ср. „Очеркъ“ г. Пыпина, стр. 175 и 358).—Наконецъ, четвертый памятникъ въ разсматриваемомъ сборникѣ озаглавленъ „Судъ государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея и пр.“ 287 статей.

Толстовскомъ сборникѣ. Затѣмъ, съ третьей по одиннадцатую включительно каждый № притчей въ нашемъ изданіи совершенно аналогиченъ съ предъидущимъ въ Толстовскомъ сборникѣ, т. е. 3-я притча соотвѣтствуетъ 2-й и т. п. Но двѣнадцатая притча („Бесѣды ко Ихнилату отъ Стефанита по убіеніи тельца") соотвѣтствуетъ тринадцатой Толстовскаго сборника. Каждая же изъ слѣдующихъ, начиная съ 13-й, совершенно тождественна по содержанію съ притчей, обозначенной въ сборникѣ двумя нумерами ниже, т. е. 13-я соотвѣтствуетъ 11-й и проч. Такимъ образомъ въ нашемъ спискѣ „Стефанита и Ихнилата" находятся двадцать пять басенъ, тогда какъ въ Толстовскомъ всего двадцать три.

Въ издаваемомъ нами спискѣ, какъ и во всѣхъ славянорусскихъ, недостаетъ введенія, которое находится въ редакціяхъ „Стефанита" на другихъ языкахъ и въ которомъ разсказано, какимъ образомъ сдѣлался извѣстнымъ первоначальный индійскій источникъ нашей повѣсти, а также приведена въ общихъ чертахъ мораль басенъ. Въ видахъ пополненія такого недостатка мы полагали, небезъинтереснымъ воспроизвести съ пунктуальной точностью, даже не измѣняя ороографіи, первыя 46-ть страницъ изъ вышеупомянутаго русскаго перевода басенъ, сдѣланнаго Борисомъ Волковымъ въ 1762 г., подъ заглавіемъ „Политическія и нравоучительныя басни Пильпая", гдѣ находятся краткія свѣдѣнія о личности сочинителя басенъ, о распространенности ихъ у разныхъ народовъ и о самомъ происхожденія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы приводимъ и тѣ пять басенъ, которыхъ нѣтъ въ нашемъ спискѣ, а именно: „О голубѣ путешественникѣ", „О соколѣ и воронѣ",

„О прожорливой и высокомѣрной кошкѣ“, „О бѣдномъ человѣкѣ, котораго сынъ царемъ сдѣлался“ и „О барсѣ и львѣ“.

Уже было замѣчено выше (стр. 13), что переводъ Бориса Волкова основанъ на одной изъ французскихъ передѣлокъ четырехъ главъ персидскаго текста Гуссейнъ Ваеза „Anwar-i Suhaili“. Подобная догадка тѣмъ болѣе вѣроятна, что какъ у Волкова (см. V-ю басню), такъ и въ „Anwar-i Suhaili“ (см. названный раньше переводъ Eastwick'а, стр. 69) имя Бидпая одинаково толкуется въ значенiи *„любимаго врача“*, *„друга и врача“*. Это же толкованiе напоминаетъ Санскритское *vaidya priya*, что въ свою очередь можетъ оправдать высказанное Бенфеемъ (см § 6, стр. 35, Pantschatantra, B. I) соображенiе, по которому санскритское имя Пильпая могло быть *vidyâpati* или *vedapati*, т. е. „учитель наукъ“ и особенно „науки объ искусствѣ управлять“. При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что въ индiйскомъ романѣ „Dasakumâracarita“ („Похожденiя десяти юношей“) мудрецъ и чародѣй одинаково обозначаются vidyeçvara (*îçvara* имѣетъ то же значенiе, что и *pati*) и, сверхъ того, авторъ санкритскаго собранiя разсказовъ „Purushaparîkshâ“ („испытанiе людей“) также называется *vidyâpati*. Наконецъ, въ подтвержденiе того, что Пильпай не собственное имя, можно указать еще на слѣдующее обстоятельство: въ словѣ *Bidbah* арабскаго текста (ср. Guidi, Studii sul testo arabo vel libro di Calila e Dimna, p. 23) слогъ *bid* есть искаженiе санскритскаго *vidyá* (см. Benfey, Calilah und Damnag, s. XLIV), которое, по толкованiю Бюлера (Vikramânkadevacharita, Introduction, p. 19, n. 2 and p. 21), есть appelativum въ значенiи

мудреца, „перваго изъ ученыхъ“, что совершенно соотвѣтствуетъ „главѣ философовъ“ въ трехъ рукописяхъ Калилы ва Димны, которыми пользовался Guidi (ср. Studii etc p. 22). Одинаково нельзя считать какою либо историческою личностью Дабшелима,—имя, являющееся въ самыхъ разнообразныхъ варіантахъ и формахъ (см. подробности объ этомъ у Benfey' Pantschatantra, § 6).

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаемъ себя обязанными оговорить одну неточность, вкравшуюся въ нашемъ очеркѣ литературной исторіи „Стефанита и Ихнилата“. На стр. 17 очерка сказано, что рукопись Румянцевскаго музея, fac-simile съ которой взялся издать для „Общества Люб. др. письменности“ А. Е. Викторовъ, относится къ XIV столѣтію, тогда какъ въ только что полученномъ нами „Отчетѣ Румянцевскаго музея“ мы находимъ положительное указаніе на то, что рукопись эта XV в. (см. стр. 10 подъ № 17). Точно также, по мнѣнію г. Викторова, и отдѣльные пергаментные листки, оставшіеся въ бумагахъ покойнаго В. И. Григоровича, содержатъ въ себѣ отрывки изъ славянскаго перевода XIII вѣка, а не XII в., какъ полагалъ В. И. Григоровичъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ

И

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ

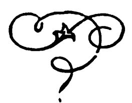
ПИЛЬПАЯ,

ФИЛОСОФА ИНДЕЙСКАГО.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПЕРЕВЕДЕНЫ

АКАДЕМИИ НАУКЪ ПЕРЕВОДЧИКОМЪ

БОРИСОМЪ ВОЛКОВЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1762 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Пильпай, Браминъ Индейской, сочинитель сихъ басенъ, управлялъ во время владѣнія Царя Дапшелима, частію Индостана заключающеюся между Индіею и рѣкою Гангомъ. Послѣдуя обыкновенію восточныхъ народовъ, даетъ онъ въ своихъ басняхъ, аллегорическимъ образомъ, Государямъ наставленія, какъ управлять своими подданными. Дапшелимъ долгое время хранилъ сіе сокровище, содержащее въ себѣ политику Индостанскаго правленія, и оставилъ оное своимъ потомкамъ. Нухиревонъ, Царь Персидской, слыша о такой премудро сочиненной книгѣ, отправилъ нарочно въ Индію посланника, чтобъ получить съ оныя списокъ, во что бы то ни стало. Объявленной посланникъ исправилъ сіе дѣло по желанію своего Государя, и зная совершенно по Индейски, перевелъ Пильпаевы басни на древней Персидской языкъ, которымъ тогда говорили Персидскіе Цари. Арапы, по завоеваніи наилучшихъ Восточныхъ провинцій, начали науками исправлять грубые свои нравы, и очищать природной свой языкъ, а притомъ изъ всѣхъ почти народовъ вызвали къ себѣ искуснейшихъ людей, для переводу книгъ на ихъ языкъ, и между прочими перевели и сіи Пильпаевы басни. Послѣ того многократно переводимы онѣ были какъ на Арапской, такъ и на Персидской языкъ, что самое, какъ кажется, доказываетъ превосходство сего сочине-

нія, и почтеніе, какое имѣли къ оному Восточные народы. Однако новѣйшіе сочинители басенъ, неподражающіе вкусу оныхъ народовъ, усмотрѣли въ сихъ Пильпаевыхъ басняхъ не малыя погрѣшности. Де ла Мотъ разсуждаетъ, что нѣтъ въ нихъ истиннаго и натуральнаго порядка; Пильпай звѣрямъ часто приписываетъ рѣчи чрезвычайно важныя, высокія и разумныя; во всякую почти басню включаетъ другую постороннюю; однѣ опровергаетъ другими, а иногда и всѣ басни противорѣчатъ одна другой; представленныя ли́ца часто ра́зсказываютъ новыя до перьвой со всѣмъ почти некасающіяся басни, которыя паки перерываются другими, такъ что едва упомнить возможно, къ чему намѣреніе перьвой басни клонилось. Но какъ бы то ни было, однако Пильпай достоинъ не малой чести за свое сочиненіе, потому что ни въ какихъ почти басняхъ не можно найти столько политики, нравоученія и съ пріятностію смѣшенной важности, какъ въ Пильпаевыхъ, есть ли только къ чтенію оныхъ употреблено будетъ надлежащее вниманіе. Сіи послѣднія причины побудили перевесть оныя и на Россійской языкъ, дабы юношество нечувствительно научить добронравію; ибо младой и незрѣлой еще разумъ больше склонности оказываетъ къ чтенію такихъ забавныхъ сочиненій, нежели важныхъ, преисполненныхъ Философскими разсужденіями. Что касается до Россійскаго переводу, то въ ономъ съ крайнимъ тщаніемъ наблюдаемо было самое простое нарѣчіе, приличное сочиненіямъ такого роду, а прочее предается на собственное благосклоннаго читателя разсужденіе.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ

ПИЛЬПАЯ,

Философа индейскаго.

~~~~~~~~

Что подало причину къ сочиненію сей книги, и кѣмъ оная сочинена.

Историки повѣствуютъ, что въ древнія времена былъ пограничной къ Китаю Царь, которой добродѣтелями своими во всемъ свѣтѣ прославился. Самые знатные владѣтели охотно ему покорялись; дворъ его былъ многолюденъ какъ Феридуновъ; чертоги великолѣпны какъ Гемшидовы. Онъ былъ храбръ какъ Александръ; ополченъ какъ Дарій. Совѣтъ его состоялъ изъ праводушныхъ и ученыхъ людей. Сокровища его были неизчетныя, войска многочисленныя, а самъ былъ мужественъ и правосуденъ. Гнѣвъ его ощущали одни токмо мятежники; воины подражали его храбрости; правосудіемъ своимъ искоренялъ мучителей, а милосердіемъ спомоществовалъ бѣднымъ. Словомъ, во время владѣнія Гумаіонъ-Фала, такъ назывался оной премудрой Государь, подданные жили во всякомъ благополучіи, для того что онъ изыскивалъ и строго наказывалъ злыхъ, какъ рушителей общаго покоя. Правосудіе должно
~~~~~~~~

быть правиломъ Царскихъ дѣлъ, коего владѣніе есть обиталище божіе, а неправосудіе клонится къ погибели его государства.

У помянутаго Царя былъ Визирь, или перьвой Министръ, которой любилъ народъ, какъ истинной отецъ. Онъ былъ милосердъ, и своимъ высокимъ разумомъ проницалъ въ самыя тайности государства. Имя ему было Кногестегъ-Рай, т. е. Высокой Разумъ, для того что своимъ остроуміемъ государство учинилъ благополучнымъ, такъ что Царь ничего не предпринималъ безъ его совѣта. Всякое дѣло должно предпринимать съ разсужденіемъ, а что безъ разсужденія начинаемо бываетъ, то желаемаго успѣха не имѣетъ.

Царь выѣхалъ нѣкогда съ своимъ Визиремъ на охоту, и послѣ оной забавы намѣренъ былъ возвратиться въ свой дворецъ, но несносной солнечной жаръ въ томъ ему препятствовалъ; чего ради Визирь предложилъ ему ѣхать къ нѣкоторой горѣ, гдѣ было очень прохладно, и гдѣ удобно было укрыться отъ того чрезвычайнаго зною. Царь послѣдовалъ его совѣту, и они въ короткое время прибыли на объявленное мѣсто. Для прохладности, происходящей отъ тѣни деревъ, которыми натура украсила берега̀ источниковъ, позабыли они жаръ на пути претерпѣнной. Какъ Царю оное мѣсто показалось весьма пріятнымъ, то сошедъ онъ съ лошади сѣлъ на траву и разсуждалъ о дѣлахъ божіихъ, удивляяся во всемъ неподражаемому Создателю.

Осматриваясь на всѣ сто̀роны увидѣлъ онъ дупло, которое гнилостію доказывало свою древность, и въ которомъ водились пчѐлы.

Царь спросилъ у Визиря, какое то малое животное? Всемилостивѣйшій Государь! отвѣтствовалъ Визирь, сіи малыя животныя приносятъ великую пользу, а зла весьма мало дѣлаютъ. У нихъ есть царь (матка), которой другихъ больше,

и коему всѣ прочія повинуются. Престолъ свой имѣетъ въ четвероугольной вощаной каморѣ. У него есть Визирь, придверники и прочіе служители, изъ коихъ каждой дѣлаетъ для себя шестіугольную камору, такъ что углы столь между собою равны, что ни самой искусной геометръ равнѣе здѣлать не можетъ. По совершеніи оныхъ малыхъ каморъ Визирь принимаетъ отъ нихъ присягу въ томъ, что бы оныхъ никогда не осквернили. Въ силу того обѣщанія садятся онѣ на розовыя только вѣтви, и на благоуханные цвѣты, такъ что все то, что онѣ ни ѣдятъ, въ короткое время въ желудкѣ ихъ варится и обращается въ сладкую матерію. Когда онѣ къ себѣ возвращаются, то придверники ихъ осматриваютъ, не имѣютъ ли онѣ смраднаго запаху; ежели не имѣютъ, то ихъ впущаютъ, а когда имѣютъ, то убиваютъ. И естьли несмотрѣніемъ своимъ впустятъ пчелу съ смраднымъ запахомъ, а царь оное почувствуетъ, то придверниковъ и съ виноватою убивать повелѣваетъ. Когда чужая пчела въ ихъ домъ войти захочетъ, то придверники ее не пускаютъ; а ежели она силою ворваться пожелаетъ, то убиваютъ до смерти. Историки объявляютъ, что Гемшидъ нашелъ однихъ только сихъ животныхъ, которыя имѣютъ у себя Министровъ, придверниковъ, тѣлохранителей и другихъ служителей. Царь выслушавъ сіи слова́ подошелъ къ дереву и разсматривалъ, какимъ образомъ оныя животныя отправляютъ свои должности; и по довольномъ разсмотрѣніи удивлялся столь благоразумно учрежденному обществу. Визирь видя, что Царь пришелъ въ великое удивленіе, сказалъ ему: Всемилостивѣйшій Государь! сей изрядной порядокъ зависитъ отъ согласія, и непорочныхъ поступокъ разумныхъ министровъ, имѣющихъ любовь и вѣрность къ своимъ Государямъ, и любителей общаго покоя, посредствомъ котораго государство всегда находится въ цвѣтущемъ состояніи. Въ семъ надлежитъ послѣдовать примѣру великаго Дабшелима, которой препору-

чивъ владѣніе своего государства премудрому Пильпаю брамину, при его остроумной по́мощи во всю свою жизнь владѣлъ спокойно, и оставилъ потомству незабвенную память своего имени.

Царь, услышавъ имя Дабшелимово и Пильпаево, почувствовалъ въ себѣ чрезвычайную радость. Давно ужѐ, сказалъ онъ Визирю, съ нетерпѣливостію желалъ я слышать исторію о владѣніи помянутаго брамина, однако не имѣлъ въ томъ удовольствія, а нынѣ благодарю бога за то, что желаніе мое совершится; и для того прошу я мнѣ оную разсказать, потому что его совѣты могутъ быть полезны и обществу и каждому особливо. Послѣ чего Визирь началъ исторію свою слѣдующимъ образомъ:

Исторія Дабшелима и Пильпая.

Отъ разумныхъ и знающихъ людей слышалъ я, что въ нѣкоторомъ Индейскомъ городѣ владѣлъ Государь, коего просвѣщенные Министры благоразумными своими совѣтами подданныхъ дѣлали благополучными, и справедливыя предпріятія своего Государя приводили къ благоуспѣшному окончанію. Сей Государь былъ непримиримой непріятель утѣснителей; злые люди не дерзали въ его земляхъ чинить коварства, для того что весьма строго наказываны были. Помянутой Владѣтель назывался Дабшелимомъ (имя весьма приличное такому Государю! потому что на ихъ языкѣ оное значитъ Великаго Царя). былъ онъ столь силенъ, что всегда предпринималъ чрезвычайныя дѣла̀. Армія его состояла изъ десяти тысячъ слоновъ; въ разсужденіжъ храбрыхъ и искусныхъ людей, войска его были многочисленны, такъ какъ и его сокровища. Для сихъ причинъ былъ онъ страшенъ своимъ непріятелямъ, и доставлялъ покой подвластнымъ ему народамъ, о коихъ самъ имѣлъ особливое попеченіе. Слушая ихъ ссоры и прекращая оныя съ удоволь-

ствіемъ, поставлялъ самъ себя судьею ихъ споровъ, не взирая на свое величество и великолѣпіе. Никогда не забывалъ онъ народной пользы, и дѣла своихъ подданныхъ всегда поручалъ на разсмотрѣніе правосуднымъ людямъ. По приведеніи своего государства въ такой преизрядной порядокъ, жилъ онъ въ покоѣ, и препровождалъ время во всякомъ благополучіи. Нѣкогда разсуждая онъ о различныхъ наукахъ для успокоенія своего разума, легъ на постелю. Какъ скоро заснулъ, то явился ему во снѣ свѣтомъ блистающей и величественной мужъ, которой ему сказалъ: Ты сегодня учинилъ изрядное дѣло въ разсужденіи любви къ богу, и за то получишь достойное награжденіе. Завтра на разсвѣтѣ поѣжжай въ восточную сто́рону, гдѣ уготовано для тебя неизчетное сокровище, посредствомъ котораго превысишь ты всѣхъ людей на свѣтѣ. Дапшелимъ тотчасъ пробудился, и началъ разсуждать о помянутомъ сокровищѣ.

На самомъ разсвѣтѣ приказалъ онъ осѣдлать наилучшую лошадь, и отправился въ восточную сто́рону. Проѣхавъ многія обитаемыя мѣста̀, прибылъ напослѣдокъ въ сте́пь, гдѣ взирая на прекрасное поле, и осматриваясь на всѣ сто́роны, чтобъ увидѣть ожидаемое благополучіе, усмотрѣлъ чрезвычайно высокую гору, коея вершина выше облаковъ простиралась, а у подошвы оной горы́ находилась чрезмѣрно темная пещера. Въ ней увидѣлъ онъ сидящаго человѣка, котораго одинъ взоръ довольно показывалъ строгую его жизнь. Царю весьма хотѣлось къ нему подойти, а старикъ узнавъ его намѣреніе сказалъ ему: Всемилостивѣйшій Государь! хотя малая моя хижина ни мало сравниться не можетъ съ вашими великолѣпными чертогами; однако Цари по древнему еще обыкновенію изъ милосердія своего посѣщаютъ бѣдныхъ. Снисхожденіе знатныхъ особъ къ бѣднымъ умножаетъ ихъ величество. Соломонъ, не взирая на свою славу и великолѣпіе, не преми-

нулъ разсуждать и о малыхъ муравьяхъ. Дапшелиму пріятно было учтивство онаго старика, чего ради сошелъ съ лошади, чтобъ съ нимъ разговаривать. И по довольномъ разговорѣ о различныхъ вещахъ, Царь намѣренъ былъ проститься съ старикомъ, которой сказалъ ему слѣдующее привѣтствіе: Всемилостивѣйшій Государь! хотя и не надлежитъ такому бѣдному человѣку, какъ я, чѣмъ нибудь просить столь сильнаго Государя, какъ Ваше Величество; однако есть у меня подарокъ ежели оной пріятенъ будетъ Вашему Величеству, которой оставленъ мнѣ отъ отца моего, и которой для васъ назначенъ. Помянутой подарокъ состоитъ изъ сокровища, кое у меня здѣсь находится. Если оно Вашему Величеству угодно, то прикажите своимъ служителямъ оное найти. Дабшелимъ, слыша сіе, разсказалъ свой сонъ помянутому старику, которой чрезвычайно возрадовался тому, что намѣреніе его согласно съ изволеніемъ божіимъ. Почему Царь приказалъ своимъ служителямъ около пещеры искать помянутое сокровище, которое въ скоромъ времени нашли, и показали Царю множество сундуковъ и ящиковъ наполненныхъ золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Между всѣми объявленными ящиками находился золотой ящищекъ съ финифтью, которой запертъ былъ многими потаенными замками, къ коимъ ключей не было, сколько оныхъ ни искали, и сколько о томъ ни старались. Сіе тѣмъ больше умножило любопытство въ Государѣ. Надобно думать, сказалъ онъ, что въ ономъ ящичкѣ находится сокровище несравненно большей цѣны, нежели дорогія каменья, для того что онъ столь крѣпко и удивительно запертъ. Послѣ сего приказалъ онъ призвать слесаря и разбить ящичекъ, въ которомъ усмотрѣлъ онъ другой золотой же ящичекъ, украшенной дорогими каменьями, а въ немъ малинькую коробочку, которую Царь приказалъ себѣ подать. Взявъ оную открылъ, и нашелъ въ ней лоскутъ бѣлаго ат-

ласу, на которомъ написано было нѣсколько строкъ на Сирскомъ языкѣ. Дапшелимъ тому удивившись сказалъ, чтобъ оное значило? Иные говорили, что въ нихъ изображено имя того, чье было сокровище; другіе объявляли, что то была волшебная грамота для сохраненія помянутаго сокровища. Когда всякой изъявилъ свое мнѣніе, то Царь приказалъ искать такого человѣка, которой бы оное письмо истолковать могъ. Потомъ нашли знающаго иностранные языки и представили его Царю, которой сказалъ ему весьма милостиво: Я желаю, чтобъ ты мнѣ изъяснилъ вразумительными словами, что написано на атласѣ. По прочтеніи письма объявилъ онъ Царю: Всемилостивѣйшій Государь! въ немъ содержатся слѣдующія увѣщанія:

Я Царь Гушенкъ положилъ здѣсь сіе сокровище для великаго Царя Дабшелима, увѣдавъ чрезъ откровеніе божіе, что оно для него опредѣлено. Но между сими драгоцѣнными вещьми скрылъ я духовную, на подобіе наставленія, изъ которой можно будетъ усмотрѣть, что разумные люди блистаніемъ сокровища ослѣплять себя не должны. богатство не что иное есть, какъ вещь занятая, которую со временемъ должно будетъ отдать нашимъ наслѣдникамъ. Самыя наипріятнѣйшія увеселенія въ свѣтѣ не вѣчны. Сія духовная содержитъ въ себѣ сокращеніе касающееся до управленія Царскихъ поступокъ, и мудрому Монарху непремѣнно надлежитъ слѣдовать въ ней заключающимся наставленіямъ. Кто оныя презритъ, и не будетъ послѣдовать симъ четырнатцати статьямъ, тотъ безъ сомнѣнія въ скоромъ времени увидитъ совершенную погибель своего государства.

Перьвая статья состоитъ въ томъ, чтобъ Государь внушеній не слушалъ, и не изгонялъ своихъ служителей; ибо находящіеся въ милости у Царя довольно имѣютъ клеветниковъ и завистниковъ своего благополучія, кои видя, что Царь ока-

зываетъ къ нимъ нѣкоторую склонность, непрестанно стараются привесть ихъ въ ненависть, вымышляя различныя оклеветанія.

2) Цари никогда не должны при себѣ сносить льстецовъ и клеветниковъ, потому что они ни о чемъ больше не стараются, какъ о произведеніи ссоръ. Наипаче надлежитъ истреблять такихъ людей, что бы человѣческое общество пребыло безмятежно.

3) Царю надлежитъ содержать доброе согласіе между своими вельможами и министрами, что бы они соединенными силами трудились о сохраненіи государства.

4) Царь никогда не долженъ вѣрить уничиженію своихъ непріятелей. Чѣмъ больше будутъ они оказывать склонности, и засвидѣтельствовать свои услуги, тѣмъ больше не надлежитъ вѣрить ихъ коварствамъ. Не можно совершенно положиться на дружество непріятеля; должно отъ него удаляться, когда онъ приближается съ дружескимъ видомъ, такъ какъ сухое дерево отъ сильнаго огня далѣе относятъ.

5) Что съ крайнимъ раченіемъ пріобрѣтено, оное надлежитъ хранить со всякимъ прилѣжаніемъ, потому что къ пріобрѣтенію того не всегда одинакія средства имѣть можно; а когда того не сохранимъ, что получимъ, тогда остается для насъ одно только неудовольствіе, что пріобрѣтенное потеряли. Пущенной стрѣлы́ возвратить ужѐ не можно, хотя бы съ досады обгрызъ у себя и руки.

6) Не должно никогда начинать дѣла скоропостижно и безъ разсужденія, но прежде предпріятія надлежитъ оное обстоятельно изслѣдовать. Скоропостижно предпринимаемыя дѣла̀ всегда бываютъ вредны. Что еще не здѣлано, оное здѣлать можно, но здѣлавши худо, безполезно раскаиваться будешь.

7) Никогда не надлежитъ презирать совѣта и благоразумія. Естьли нужда потребуетъ заключить дружество съ не-

пріятелями, чтобъ отъ ихъ рукъ избавиться, то оное должно учинить безъ дальняго отлагательства.

8) Надобно удаляться отъ обхожденія съ лукавыми людьми, и не слушать ихъ ласкательствъ, потому что они въ сердцѣ своемъ имѣютъ корень зла, и не могутъ произвесть дружества, но только размножаютъ ненависть.

9) Государю должно быть милосерду въ прощеніи повинныхъ, и не надлежитъ ему наказывать своихъ придворныхъ за малое преступленіе учиненное отъ слабости: ибо милосердой государь на земли подобенъ Ангелу на небеси. Надобно въ разсужденіе принимать слабость человѣческую, и своею благостію и милосердіемъ прикрывать человѣческіе пороки. Подданные всегда погрѣшали, а Государи всегда имъ въ томъ прощали.

10) Не должно никому зла дѣлать, но всякому по возможности оказывать благодѣяніе. Кому здѣлаешь добро, тотъ самому тебѣ благодѣяніе окажетъ; а кому учинишь зло, то и самому того надлежитъ опасаться.

11) Ничего противнаго своему достоинству искать не должно. Много такихъ людей, кои, оставя свои дѣла, мѣшаются въ другія, и напослѣдокъ ни въ чемъ успѣха не имѣютъ. Воронъ, желая научиться ходить по куропаточьи, не имѣлъ желаемаго въ томъ успѣха, но только позабылъ собственную свою походку.

12) Надлежитъ имѣть кроткой и снисходительной нравъ. Кротость въ обществѣ подобна соли въ ѣствѣ: ибо сія придаетъ вкусъ въ пищѣ, а оною всякой доволенъ бываетъ. Мечь не столь остръ какъ кротость, которая побѣждаетъ и многочисленныя арміи.

13) Должно имѣть служителей вѣрныхъ, и не допускать къ себѣ коварныхъ людей; ибо симъ способомъ государство пребудетъ въ безопасности, и царскія тайности не откроются,

14) Не надобно безпокоиться о перемѣнахъ въ семъ мірѣ приключающихся. Разумной человѣкъ всякія нещастія сноситъ великодушно, и уповаетъ на провидѣніе божіе. Напротивъ того безумной ни о чемъ больше не старается, какъ о забавахъ и увеселеніяхъ.

Много есть исторій на каждую изъ сихъ статей. Естьли Царь желаетъ оныя слышать, то надлежитъ ему итти къ горѣ при Серандибѣ, гдѣ жительство свое имѣлъ праотецъ нашъ Адамъ, и гдѣ всѣ трудности истолкованы ему будутъ, и намѣренія его совершатся. Богъ да ниспошлетъ намъ миръ.

Какъ скоро помянутой ученой прочиталъ сіе наставленіе, то Дабшелимъ его обнялъ, и взявъ у него листъ съ почтеніемъ и прижавъ къ своему сердцу сказалъ: мнѣ обѣщано сокровище мірское, а нашелъ сокровище тайное; благословеніемъ божіимъ у меня довольно имѣнія. Потомъ немедлѣнно приказалъ золото и серебро раздѣлить убогимъ въ воспоминовеніе души Царя Гушенка; послѣ чего возвратился во дворецъ, гдѣ всю ночь препроводилъ въ размышленіи о предпринимаемомъ путешествіи къ объявленной горѣ.

На другой день по восхожденіи солнца приказалъ Дабшелимъ собрать передъ себя перьвыхъ Министровъ, къ коимъ имѣлъ наибольшую повѣренность. Онъ открылъ имъ свой сонъ, и что съ нимъ послѣ того приключилось; объявилъ имъ свое желаніе о предпріятіи путешествія къ горѣ, находящейся при Серандибѣ. Давно уже, говорилъ онъ имъ, предпринималъ я всѣ свои намѣренія съ совѣту, да и нынѣ полагаюсь на васъ въ томъ, что предложилъ я вамъ о моемъ путешествіи. Скажите мнѣ, какого вы осемъ мнѣнія? Министры просили у Царя сроку на сутки, для разсмотрѣнія онаго дѣла, и для учиненія ему на то отвѣта. Дабшелимъ согласился на ихъ прошеніе, и на другой день собрались они къ Царю. Всякой сѣлъ на свое мѣсто, и ожидали пока царь дастъ знакъ, чтобъ

они объявили свои мнѣнія: а получивъ позволеніе, Великой Визирь, ставъ на колѣни и превознося его величество обыкновенными похвалами, слѣдующимъ образомъ говорить началъ: Всемилостивѣйшій Государь! мнѣ кажется, что оное путешествіе больше трудности въ себѣ заключаетъ, нежели пользы: ибо кто отправляется въ путь, тотъ отрицается отъ всякаго спокойствія. Вашему Величеству небезъизвѣстны опасности и незапныя приключенія въ пути случающіяся; и для того разумному человѣку не надлежитъ спокойствія мѣнять на безпокойство, но должно всегда на память приводить баснію о голубѣ путешественникѣ, и опасности на пути имъ претерпѣнныя.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

БАСНЯ I.

О голубѣ путешественникѣ.

Всемилостивѣйшій Государь, сказалъ Визирь, были нѣкогда два голубя, кои довольствуясь пшеницею и водою, жили въ своихъ гнѣздахъ во всякомъ благополучіи, не чувствуя безпокойствъ отъ непогоды. Жить въ уединеніи съ своимъ другомъ, и не лишаться для него другихъ мірскихъ бесѣдъ, есть великое сокровище; но кажется, что судьба опредѣлила пріятелямъ другъ съ другомъ разлучиться. Одинъ изъ помянутыхъ голубей назывался Безандехъ, а другой Невазандехъ. Нѣкогда Безандеху вздумалось путешествовать, и онъ сообщилъ намѣреніе свое товарищу: долго ли намъ жить заключеннымъ въ скважинѣ, сказалъ онъ ему? Что до меня касается, я твердое принялъ намѣреніе странствовать по свѣту. Въ путешествіяхъ всегда

можно видѣть новыя вещи и пріобрѣсть довольное искусство. Великіе люди говорятъ, что посредствомъ путешествій можно получить познаніе, котораго мы не имѣемъ. Не обнаженной мечъ не можетъ оказать своей крѣпости, и перо не исписавъ нѣсколько листовъ, не въ состояніи показать своего краснорѣчія. Небо для непрестаннаго своего движенія находится выше всѣхъ прочихъ тѣлъ; а земля поелику неподвижна, служитъ къ хожденію всѣмъ тварямъ. Когда бы дерево могло переходить съ одного мѣста на другое, тобъ оно не имѣло опасаться ни пилы ни топора, и не было посѣкаемо дровосѣками. Правда, сказалъ ему Незавандехъ; но любезный другъ, ты не сносилъ еще трудностей въ путешествіяхъ, и не знаешь, каково жить въ чужихъ краяхъ. Путешествіе подобно такому дереву, которое вмѣсто плода приноситъ только неспокойствія. Хотя трудности путешественниковъ велики, отвѣтствовалъ Безандехъ, однако оныя награждаемы бываютъ удовольствіемъ, что видятъ онѣ великое множество рѣдкихъ вещей; и кто привыкнетъ къ трудамъ, тому оные бываютъ послѣ не столь тягостны. Путешествія, говорилъ Невазандехъ, пріятно предпринимать съ своими пріятелями; а когда съ ними разлучишься, то сверхъ несносной погоды принужденъ будешь чувствовать болѣзнь, что разстался съ тѣмъ, кого любишь; и такъ не оставляй мѣста, гдѣ ты живешь въ спокойствіи съ своимъ пріятелемъ. Ежели труды будутъ для меня несносны, отвѣтствовалъ Безандехъ, то въ скоромъ времени назадъ возвращуся. Послѣ сихъ разговоровъ обняли другъ друга, и взаимно простившись разлучились, Безандехъ вылетѣлъ изъ своего гнѣзда, какъ птица вырвавшаяся изъ клетки; съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы и сады; и прилѣтевъ къ нѣкоторому холму, гдѣ многіе источники украшенные изрядными деревами орошали пріятные луга, принялъ намѣреніе препроводить ночь на такомъ мѣстѣ, которое дѣйствительно по-

добно было земному раю. Но едва онъ только сѣлъ на дерево, то вдругъ воздухъ померкъ, молнія начала блистать и помрачать зрѣніе, и громъ раздавался по всему полю. Для великаго дожжа и граду бѣдной голубь перелѣталъ съ одной вѣтви на другую, и не зналъ гдѣ сѣсть, чтобъ избѣжать отъ ударовъ; напослѣдокъ столь безпокойно препроводилъ онъ ночь, что началъ уже и раскаиваться, что разлучился съ своимъ пріятелемъ. На другой день по утру, какъ солнце прогнало темныя облака, Безандехъ принялъ намѣреніе возвратиться домой; но голодной ястребъ увидя нашего путешественника со всего полѣту на него устрѣмился. Сіе видя голубь затрепеталъ; отчаялся видѣть своего друга сожалѣя о томъ, что не послѣдовалъ его совѣтамъ, и клялся, что никогда не будетъ мыслить о путешествіи, ежели толко избавится отъ сей напасти. Между тѣмъ ястребъ его настигъ, и только лишь хотѣлъ его разорвать, какъ голодной орелъ, которому никакая птица противиться не можетъ, налѣтевъ на ястреба сказалъ: Дай мнѣ съѣсть сего голубя, пока не найду чего потверже. Ястребъ будучи столь же смѣлъ сколь и голоденъ, не хотѣлъ уступить орлу, и обѣ сіи птицы начали между собою драться. Между тѣмъ голубь вырвавшись изъ ихъ когтей, и примѣтивъ весьма малую скважину, въ которую и воробью едва войти можно, въ оную укрылся, и препроводилъ ночь въ крайнемъ безпокойствѣ. На другой день на разсвѣтѣ вышелъ онъ оттуда, но съ голоду въ такую приведенъ былъ слабость что не могъ лѣтеть. Онъ не избавившись еще отъ прежняго страха, и на всѣ стороны осматриваясь не лѣтитъ ли на него ястребъ или орелъ, увидѣлъ на полѣ голубя, передъ которымъ очень много было пшеницы, и приблизился къ нему смѣло; но лишь только склевалъ нѣсколько зеренъ, то почувствовалъ, что у него ноги запутались. Мірскія уве-

селенія не что иное есть, какъ сѣти, которыя діаволъ для насъ поставляетъ.

Братецъ, сказалъ Безандехъ голубю, мы съ тобою одного роду, для чего жъ ты не объявилъ мнѣ о семъ обманѣ, я бы остерегался и не попался въ сѣти. На что голубь отвѣтствовалъ ему: перестань мнѣ о семъ говорить, никто не можетъ предвидѣть своей судьбины; человѣкъ со всею своею мудростію и осторожностію не въ состояніи избѣжать неминуемаго приключенія. Напослѣдокъ Безандехъ просилъ его показать ему какой нибудь способъ къ избавленію, увѣряя, что онъ вѣчно благодарить его обязанъ будетъ. Глупинькой, отвѣтствовалъ ему голубь, ежели бы я зналъ какое средство, то бы я оное самъ употребилъ къ своему спасенію, и я не былъ бы причиною напасти моихъ товарищей. Молодой верблюдъ въ дорогѣ утрудившись сказалъ своей матери: немилосердая мать! остановись хотя на малое время, чтобъ я могъ отдохнуть. Безразсудной сынъ, отвѣтствовала она, развѣ ты не видишь, что узда моя въ рукахъ у другаго? ежели бы я была свободна, то бы збросила свою тягость, и тебѣ учинила помощь. Напослѣдокъ путешественникъ нашъ съ отчаянія собравъ всѣ свои силы, столь крѣпко рвался, что перервалъ сѣти; и употребивъ въ пользу сіе нечаянное благополучіе, полетѣлъ на свою родину. Отъ чрезвычайной радости, которую онъ чувствовалъ, что избавился отъ толь великой опасности, позабылъ уже и голодъ. Летѣвъ черезъ нѣкоторую деревню сѣлъ онъ на стѣнѣ противъ засѣяннаго недавно поля. Крестьянинъ, которой стерегъ оное, что бы птицы не клевали посѣянныхъ сѣмянъ, усмотрѣвъ голубя бросилъ въ него изъ пращи камень, и такъ жестоко его ударилъ, что онъ безъ чувства упалъ въ колодезь, находившейся возлѣ помянутой стѣны. Колодезь столь былъ глубокъ, что въ сутки не можно было достать до дна веревкою; такъ что крестьянинъ не могши

получить своей добычи, оставилъ ее въ колодезѣ, и непомышлялъ больше объ оной. Голубь препроводилъ тамъ всю ночь въ горести и болѣзни отъ перебитаго крыла, съ сожалѣніемъ воспоминая благополучное пребываніе своего пріятеля. Пріятное жилище, говорилъ онъ, въ которомъ видѣлъ я друга, коего никогда оставлять не подлежало! какимъ образомъ могу я паки тебя видѣть? На другой день собралъ всѣ свои силы, такъ что могъ вылетѣть изъ колодезя, и возвратился наконецъ къ своему гнѣзду. Невазандехъ узнавъ по полету своего пріятеля, съ чрезвычайною радостію полетѣлъ ему на встрѣчу, но видя его въ крайней слабости и унынии спросилъ о причинѣ. Товарищъ разсказалъ ему всѣ свои приключенія съ клятвою обѣщаясь, что онъ никогда впредь путешествовать не будетъ.

Я донесъ Вашему Величеству сей примѣръ, что бы вы не предпочитали неспокойствъ, въ путешествіи происходящихъ, спокойствію, которымъ нынѣ наслаждаетесь. Премудрый Визирь! сказалъ ему Царь, правда, что въ путешествіяхъ много труда сносить должно; однако и то справедливо, что изъ того можно получить великую пользу, и пріобрѣсть довольное познаніе. Ежели бы человѣкъ никогда не выходилъ изъ дому, то бы онъ лишенъ былъ пріятнаго наслажденія бесчисленнаго множества изрядныхъ вещей. Со́коловъ предпочитаютъ другимъ птицамъ, потому что они часто бываютъ на рукахъ у Государей и оставляютъ праздную жизнь, которую бы они препровождали въ своихъ гнѣздахъ; напротивъ того совы въ презрѣніи находятся, потому что они всегда живутъ въ развалинахъ, и во тмѣ, и всегда препровождаютъ уединенную жизнь. Надлежитъ возвышаться на подобіе сокола и путешествовать, а не скрытно жить на подобіе совы. Кто путешествуетъ, тотъ всѣмъ пріятенъ бываетъ, и разумные люди за удовольствіе почитаютъ съ нимъ бесѣдовать. Нѣтъ чище текущей воды, а стоящая скоро портится. Естьли бы соколъ вос-

питанной въ вороньемъ гнѣздѣ не вылетѣлъ для странствованія, то бы онъ не получилъ столь великой чести. Визирь просилъ Царя, чтобъ онъ ему благоволилъ разсказать сію басню, что и учинилъ онъ слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ II.

О соколѣ и вòронѣ.

Два сокола имѣли свои гнѣзда на превысокой горѣ, откуда вылетали они во всѣ стороны, для сысканія пищи своимъ дѣтямъ. Въ нѣкоторой день, вылетѣвъ изъ гнѣздъ своихъ, очень долго назадъ невозвратились. Одинъ изъ ихъ дѣтей, будучи чрезвычайно голоденъ, высунулъ изъ гнѣзда голову, и упалъ подъ гору. Вòронъ, которой на ономъ мѣстѣ находился, его увидѣлъ, и подумавъ сперьва, что то крыса, которую уронилъ другой вòронъ, но узнавъ по носу и по когтямъ, что то ловчая птица, почувствовалъ къ ней любовь; и представляя себѣ, что богъ употребилъ его къ ея спасенію, понесъ въ свое гнѣздо, и выкормилъ съ своими дѣтьми. Соколъ росъ со дня на день, а пришедъ въ возрастъ и разумъ, говорилъ самъ себѣ: ежели я братъ симъ вòронамъ, то для чего я имъ не подобенъ; а ежели я не изъ ихъ поколѣнія, то зачѣмъ здѣсь мнѣ жить. Какъ онъ нѣкогда о семъ размышлялъ, то спросилъ его вòронъ: сынъ мой! съ нѣкотораго времени вижу я тебя въ печали; я бы желалъ знать тому причину; ежели ты о чемъ безпокоишься, то отъ меня не скрывайся; я постараюсь тебя утѣшить. Самъ я не знаю тому причины, отвѣтствовалъ соколъ; но я принялъ намѣреніе просить тебя, что бы позволено мнѣ было странствовать; я думаю, что сіе разгонитъ мою за-

думчивость. Сынъ мой! сказалъ во̀ронъ, ты предпріялъ намѣреніе чрезвычайно трудпое; путешествіе подобно морю, все поглощающему; обыкновенно странствуютъ или для пріобрѣтенія богатства, или для избѣжанія домашняго безпокойства и нещастія. Однако ни которая изъ сихъ двухъ причинъ не можетъ тебя побудить къ сему намѣренію; благодаря бога! у тебя ни въ чемъ недостатка нѣтъ. Ты полную власть имѣешь надъ другими своими братьями; ты здѣлаешь великое дурачество, когда извѣстной покой оставишь, и въ другихъ страпахъ искать будешь трудностей и безпокойствъ. Соколъ на то отвѣтствовалъ: все, что ты мнѣ ни говоришь, справедливо, и я оное пріемлю за знакъ твоей ко мнѣ любви; но самъ въ себѣ нѣчто ощущаю, что меня удостовѣряетъ, что жизнь, которую я нынѣ препровождаю, недостойна моего состоянія. Тогда во̀ронъ узналъ, что благородные люди, не взирая на худое воспитаніе, всегда имѣютъ мнѣнія достойныя ихъ природы. Онъ намѣрепъ былъ перемѣнить разговоръ, объявляя ему: что я тебѣ говорю, оное касается до воздержанія, а что ты объявляешь, оное происходитъ отъ сребролюбія. Вѣдай, что всякъ, кто собственнымъ своимъ бываетъ недоволенъ, тотъ никогда спокоенъ быть не можетъ; и поелику я вижу, что ты недоволенъ своимъ состояніемъ, и хочешь отдаться своему честолюбію, то я опасаюсь, чтобы съ тобою тоже не воспослѣдовало, что съ прожорливою и высокомѣрною кошкою, о которой скажу я тебѣ исторію.

БАСНЯ III.

О прожорливой и высокомѣрной кошкѣ.

У нѣкоторой старухи, жившей въ весьма тѣспой и темной хижинѣ, была кошка, которая никогда не видывала хлѣба, и

никого кромѣ той старухи не знала, потому что никуда изъ оной хижины не выходила, и довольствовалась однимъ только обнюхиваньемъ мышьихъ норъ, или смотрѣніемъ на ихъ слѣды; а когда по особливому щастію случалось изловить ей мышь, то она тому радовалась, какъ нищей, нашедшей кладъ; взоръ ея пылалъ отъ радости, и она съ такою добычею препровождала иногда цѣлую недѣлю, и съ чрезвычайнымъ восторгомъ сама себѣ говаривала: боже мой! во снѣ ли я то вижу, или на яву и въ самомъ дѣлѣ. Но поелику въ оной хижинѣ нечемъ было ей кормиться, то она непрестанно жаловалась. Нѣкогда умирая съ голоду, влѣзла она на кровлю, и увидѣла другую кошку, которая на сосѣднемъ заборѣ поваливалась какъ левъ, и прогуливалась очень тихо. Она столь жирна была, что на силу могла ходить. Старухина кошка удивилась; видя звѣря тогожъ роду столь толстаго и жирнаго закричала, и сказала ей: мнѣ кажется, что ты пришла съ пиру Китайскаго Хана, прошу тебя, скажи мнѣ, отъ чего ты такъ разжирѣла? Отъ стола Царскаго, отвѣчала жирная кошка; всякой день хожу я во время обѣда къ дверямъ Царскимъ, и получаю хорошую часть мяса, которою я довольствуюсь до другаго дни. Тощая кошка спрашивала о дорогѣ, и просила жирную кошку взять ее съ собою. Я это здѣлаю, отвѣчала жирная кошка, потому что ты такъ худа, что мнѣ на тебя жалко смотрѣть. Послѣ сего обѣщанія онѣ разстались. Тощая кошка возвратясь въ хижину къ старухѣ, разсказала ей все происходившее. Старуха стараясь отвратить ее отъ принятаго намѣренія, объявляла ей, чтобъ она остерегалась въ томъ обману. Желанія высокомѣрныхъ людей по тѣхъ поръ удовольствованы быть не могутъ, пока ихъ земля не покроетъ. Одно только воздержаніе обогащаетъ человѣка. Всѣмъ путешествующимъ для удовольствія своего честолюбія надлежитъ вѣдать, что тотъ, кто недоволенъ своимъ щастіемъ, не знаетъ Бога, и не воздаетъ ему должнаго бла-

годаренія. Тощая кошка о столѣ Царскомъ возъимѣла столь изрядное воображеніе, что старухины разумныя представленія въ одно ухо принимала, а въ другое выпускала. На другой день съ жирною кошкою пошла она къ дверямъ Царскимъ; но прежде еще прибытія ихъ судьба изготовила ей напасть. Нѣсколько человѣкъ, очень проворныхъ, въ тайныхъ мѣстахъ разставлены были около двора, чтобъ бить кошекъ, которыя въ прошедшей день при столѣ Царскомъ причинили нѣкоторой безпорядокъ. Старухина кошка ничего не опасаясь, какъ скоро увидѣла кусокъ мяса, бросилась съ великою жадностію; и только лишь начала ѣсть, то нечаянно ранили ее стрѣлою въ бокъ. Между тѣмъ рана была не весьма тяжка, такъ что она въ состояніи была убѣжать. Видя, что исходитъ кровью, сказала сама себѣ, ежели я не умру отъ сей раны, то никогда не разстанусь съ своимъ угломъ и мышами.

Я привелъ тебѣ сей примѣръ, говорилъ воронъ соколу, чтобъ тебѣ доказать, что лучше довольну быть своимъ, нежели искать того, что честолюбіе влагаетъ намъ въ мысли. Все, что ты ни говоришь, отвѣтствовалъ соколъ, справедливо; но жить всегда въ тѣсномъ мѣстѣ прилично только малодушнымъ людямъ. Кто желаетъ быть Царемъ, тому надлежитъ завоевать государство; и кто намѣренъ получить корону, долженъ оныя искать; роскошная и праздная жизнь не прилична великому и благородному сердцу. Твое предпріятіе, отвѣтствовалъ воронъ, трудно произвесть въ дѣйство; прежде завоеванія государства надлежитъ къ тому приготовиться. Когти мои, сказалъ соколъ, суть способныя орудія къ полученію благополучнаго успѣха въ моемъ предпріятіи. Развѣ не слыхалъ ты исторію онаго славнаго воина, которой однимъ своимъ мужествомъ Царемъ здѣлался. Воронъ просилъ его, чтобъ онъ ему разсказалъ, и соколъ началъ оное разсказывать слѣдующимъ образомъ:

сильные Цари не очистятъ тернія изъ розовыхъ кустовъ, то подданные могутъ ли собирать розы? И пока Государи не пріобыкнутъ сносить военные труды, будутъ ли подданные въ покоѣ? Ни кто въ государствѣ безопасенъ не будетъ, ежели стараться будешь о своемъ только покоѣ. Кто трудится, тотъ находитъ себѣ спокойствіе, на подобіе барса, которой своими стараніями и трудами получилъ свое желаніе. Визирь просилъ Царя, чтобъ онъ изволилъ разсказать оную басню.

БАСНЯ V.

О Барсѣ и Львѣ.

Недалеко отъ бассеры былъ весьма изрядной островъ, на которомъ находился чрезвычайно пріятной лѣсъ. Воздухъ былъ тамъ благорастворенной, и протекали многіе прохладные источники, кои разливались на всѣ стороны. На семъ острову жилъ такой свирѣпой барсъ, что самые отважные львы не смѣли къ нему приближаться на цѣлую милю. Жилъ онъ на томъ острову нѣсколько лѣтъ въ покоѣ съ другимъ малымъ барсомъ, которымъ онъ веселился. Сынъ мой! говорилъ онъ ему, какъ скоро придешь ты въ силу противиться моимъ непріятелемъ, то поручу я тебѣ правленіе надъ островомъ, а самъ удалюсь въ малой уголокъ и тамъ препровожду остатки моей жизни безъ всякаго труда и беспокойства. Однако смерть пресѣкла намѣреніе стараго барса; онъ нечаянно умеръ, а молодой барсъ ему наслѣдовалъ. Непріятели какъ скоро увѣдомились о смерти стараго барса, и о слабости его наслѣдника, заключили между собою союзъ и соединенными силами вступили на островъ. Молодой барсъ чувствуя слабость къ сопротивленію толикому множеству непріятелей, удалился въ степь,

и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Между тѣмъ непріятели завладѣли островомъ, и каждой изъ нихъ желалъ обладать онымъ. Между ими произошло несогласіе, и напослѣдокъ дошло до кровопролитнаго сраженія. Левъ остался побѣдителемъ, и прогнавъ съ острова всѣхъ прочихъ учинился спокойнымъ владѣтелемъ онаго.

Молодой барсъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ въ лѣсу встрѣтился со львами, разсказалъ имъ свои нещастія, и просилъ ихъ о учиненіи помощи къ возвращенію острова; но львы вѣдая силу неправеднаго похитителя онаго острова, отреклись помогать барсу, и сказали ему: Нещастной! знай, что твой островъ находится во власти такого страшнаго льва, что и птицы не дерзаютъ летать надъ его головою. Мы совѣтуемъ тебѣ, говорили они, итти къ нему, и представя ему свои услуги, изыскивать время къ отмщенію учиненной тебѣ обиды. Барсъ послѣдовалъ ихъ совѣту, пошелъ къ острову, встрѣтился съ однимъ ближнимъ служителемъ, котораго просилъ онъ весьма учтивымъ образомъ показать ему способъ видѣться и переговорить съ его государемъ. Левъ усмотрѣлъ въ немъ столь много достоинства, что далъ ему при своемъ дворѣ знатной чинъ, и барсъ въ короткое время пришелъ у льва въ такую великую милость, что придворные вельможи начали тому завидовать. Въ нѣкоторое время государственная нужда отзывала льва въ отдаленное отъ острова мѣсто, но для несноснаго жару весьма не хотѣлось ему вытти изъ густаго лѣса; чего ради барсъ просилъ позволенія отправиться въ тотъ походъ, а получивъ оное съ нѣкоторымъ числомъ другихъ звѣрей, которые пошли добровольно, прибывъ на показанныя мѣста привелъ все въ надлежащей порядокъ, и столь скоро возвратился ко двору, для отданія въ томъ отвѣту, что Царь удивляясь толикой скорости сказалъ: Я весьма благоразумно здѣлаю, когда барсу поручу правленіе надъ моею армі-

ею, потому что онъ презираетъ труды и опасности для утвержденія государственнаго покоя. Въ то самое время приказалъ онъ призвать предъ себя барса, превозносилъ его ревность, поручилъ ему правленіе надъ всѣми своими лѣсами, и учинилъ его своимъ наслѣдникомъ. Естьли бы барсъ не предпріялъ онаго путешествія, то бы никогда не получилъ своего острова. Изъ сихъ рѣчей Визири усмотрѣли, что Царя не можно отвратить отъ предпріятаго намѣренія. Для сей причины ничего больше ему противнаго не представляли. Во время своего отсутствія поручилъ онъ правленіе своего государства одному изъ своихъ Визирей, котораго онъ больше всѣхъ любилъ, и приказалъ ему паче всего попеченіе имѣть о народѣ. Симъ образомъ успокоившись Дабшелимъ съ нѣкоторыми своими главными придворными отправился въ Сеннахерибъ, туда по долговременномъ и трудномъ путешествіи благополучно прибылъ. Препроводивъ три дня въ помянутомъ городѣ, и оставивъ напослѣдокъ свой обозъ и нѣкоторую часть служителей, пошелъ къ горѣ, которая была чрезмѣрно высока, и окружена прекрасными долинами и многими садами. Оглядываясь на всѣ стороны увидѣлъ онъ весьма темную пещеру, о которой жители помянутой горы объявляли ему, что въ ней живетъ человѣкъ называемой бидпай, т. е. *другъ и врачъ*, коего иные индѣйскіе вельможи называли Пильпаемъ. Онъ былъ человѣкъ весьма ученый, и имѣя вообще отвращеніе отъ міру, удалился, и препровождалъ жизнь свою въ уединеніи. Сіе умножило любопытство Дабшелимово, чего ради приступилъ онъ къ входу пещеры. Пильпай, узнавъ его намѣреніе, просилъ его къ себѣ. Царь къ нему вошелъ, и старой Пильпай браминъ, по засвидѣтельствованіи своего почтенія просилъ его, чтобъ онъ изволилъ отдохнуть, и спрашивалъ о причинѣ столь дальняго путешествія. Царь чувствуя въ себѣ, что оной старикъ подастъ ему способъ къ сысканію того, чего онъ ищетъ,

разсказалъ ему свой сонъ, объявилъ о найденномъ сокровищѣ и о содержаніи словъ написанныхъ на атласѣ, браминъ улыбнувшись сказалъ Царю, что онъ благополучными почитаетъ подвластные ему народы, и что онъ не въ состояніи превознесть его достойными похвалами; что онъ для пріобрѣтенія познанія, и для благополучія своихъ поданныхъ предпріялъ столь трудное и долговременное путешествіе; напослѣдокъ отверзши свои уста, яко хранилище высокихъ наукъ, премудрыми своими и удивленія достойными разговорами Дабшелима привелъ въ восхищеніе. Царь нѣсколько дней пробылъ съ онымъ философомъ, со вниманіемъ слушая его наставленія, и вопрошая о безчисленномъ множествѣ неизвѣстныхъ вещей. Наконецъ разговаривали они о содержаніи духовной Царя Гушенка. Дабшелимъ читалъ заключающіяся въ ней увѣщанія. Пильпай оныя ему толковалъ, а Царь твердо воображалъ въ своей памяти.

Дабшелимъ сказалъ Пильпаю, что перьвое завѣщаніе состояло въ томъ, что Цари недолжны слушать неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ и ласкательствъ, потому что съ тѣми, кто оныя пріемлетъ, всегда худой конецъ послѣдуетъ. Кто не наблюдаетъ сего завѣщанія, отвѣтствовалъ браминъ, тотъ не знаетъ басни о львѣ и волѣ.

*
* *

За вышеприведенными баснями въ переводѣ Бориса Волкова слѣдуютъ басни, содержаніе которыхъ въ общемъ аналогично съ содержаніемъ славяно-русскаго списка «Стефанита и Ихнилата», издаваемаго нами, какъ уже раньше замѣчено, по рукописному сборнику, который въ собраніи рукописей, принадлежащихъ князю П. П. Вяземскому, значится подъ № XXXVIII. Нашъ текстъ сопровождается примѣчаніями, имѣющими своимъ назначеніемъ, съ одной стороны, выяснить мѣстами затемненный смыслъ дѣйствія басенъ, а съ другой,— путемъ сопоставленія варіантовъ, какіе находятся въ важнѣйшихъ редакціяхъ «Стефанита» (въ греческой, нѣмецкой, санскритской, сирійской и отчасти персидской), оттѣнить по возможности рѣзче тѣ чисто мѣстныя черты, какія внесены русской редакціей при передачѣ изчужа заимствованныхъ ею сюжетовъ Такъ какъ черты эти даютъ возможность въ извѣстной степени опредѣлить уровень понятій и образованности общества современнаго нашему списку, то указать на нихъ представляется тѣмъ болѣе важнымъ, чѣмъ менѣе вообще мы знаемъ о времени появленія славянскихъ редакцій Стефанита. Обильный матеріалъ для упомянутыхъ параллелей и сравненій доставили намъ Бѣлградскій и Карловацкій списки, изданные Даничичемъ (см. выше стр. 17 и 20).

Наконецъ намъ остается замѣтить еще, что издаваемый текстъ, представляя непосредственный интересъ сравнительно позднѣйшей русской редакціи Стефанита, въ то же время предназначенъ служить комментаріемъ къ спискамъ, изданіе которыхъ для Общества взялъ на себя А. Е. Викторовъ. Мы имѣемъ въ виду списокъ XV в. съ признаками сербскаго происхожденія (стр. 17 и 36) и славянскій, описанный гг. Горскимъ и Невоструевымъ (см. «Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки;» стр. 641 и слѣд.) въ отдѣлѣ «догматическихъ и духовно-нравственныхъ» писаній святыхъ отцевъ.

V. 27

Ѕказа́нїе ѡ̓ при́тча̑ списанїе антио́ха вели́ка-
гѡ, дрꙋзїи же мнѣ́ша їоа́нна дамаскина̀ ѕѣлѡ̀
пѣснотво́рца кано́нѡ̑ е̑же ѡ̓ звѣре̑ нарица́емы̑
стефанида да ихнилада.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ:

Междузвѣздіе (* *) означаетъ, что въ спискахъ Даничича данное слово или выраженіе замѣняется другимъ.

(*) *Большая звѣздочка* указываетъ на то, что къ слову или выраженію, которыя ею сопровождаются, имѣется примѣчаніе.

(† или +) *Прямой крестъ* указываетъ на отсутствіе даннаго мѣста въ спискахъ Даничича.

(×) *Косой крестъ* означаетъ, что въ издаваемомъ текстѣ нѣтъ того мѣста, которое находится въ спискахъ Даничича.

Сказа́нїе ѡ̓ при́тча́ списа́нїе антїо́ха вели́каго, дрꙋзїи же мнѣ́ша і̓оа́нна дамаскина̀ ѕѣлѡ̀ пѣснотво́рца кано́но҃ е̑же ѡ̓ звѣрѣ̑ нарица́емы, стефанида да ихнилада.

Первый вопроше́нъ бы́сть вопросъ цр҃въ.

Цр҃ь ї̂ндїйскїй вопрошаше нѣкоего ѿ филосо҃ свой гл҃ѧ, хощꙋ ꙗ҆́ко да притчею пока́жеши ми ка́къ лстивый мꙋ́жъ и̂ лꙋка́вый е̑же посредѣ нѣкй любо҃ и̂ дрꙋ́жбꙋ соста́ви҃ и̂ ле́стию дрꙋ́жбꙋ и̂҃хъ растлѣва́етъ.

Филосо҃ воспрїи́мъ ѿ цр҃ѧ и̂ рече при́ччю сїю, глаголетсѧ, ꙗ҆́кѡ кꙋпе́цъ нѣкїй много *сла́венъ* сый и̂ житїе добродѣтельно провожда́ѧ и̂ дѣти оу себѧ и̂мѣѧ оумовредны, и̂ нехотѧ́ще ѻ̂нѣ лѣности ради, хꙋдо́жества никакова̀ и̂ ни рꙋкодѣлїѧ коегѡ либѡ навыкнꙋти.

Ѻ҃цъ наказа́телными словесы гл҃ѧ кнй҃ бесѣдоваше ѿ чада иже вжитїи̂ семъ возраста́емомъ* три ве́щи тре́бѣ е̑сть. а҃. дово́лно

богатсво. в. славꙋ ѡ҆ чл҃вкъ. г҃ полꙋче́нїе благи́мъ ѡ҆ не́мъ** же спра́ведный пребыва́ть сїѧ трѝ ве́ши и҆́нако непребыва́ютъ николи́же точїю четырми вещми. а҃. собира́нїемъ бога́тво мѣ́рами пра́ведными, в҃, є, і и҆́же стѧжа́емаѧ до́брѣ раствори́ти и҆ размотри́ти, г҃, є, таже и҆ еще раздава́ти ѿ стѧжаемыхъ трeбꙋющи́мъ, є҆́же ползꙋютъ велмѝ в҆ бꙋ́дꙋщемъ жит́їи. д҃ є. и҆ є҆ще ѹ҆клонѧтисѧ ѿ приключа́емыхъ паде́нїй, и҆ елико по си́лѣ и҆́хъ и҆́же ѹ҆́бо вкоемъ ѿ трехъ сихъ мимо течетъ, и҆ ничтоже ползꙋетъ. а҆́ще бо не *богатство* приобрѧщетъ невозмо́жетъ ѹ҆́бѡ возрати́тисѧ въ житїи, ниже **благода́рствовати** богѡ, а҆́ще ѹ҆́бо бога́тъ бꙋ́детъ недобре житїѐ свое растворѧетъ, и҆скорѣ ѹ҆́бѡ и҆ нищимъ сей прича́стенъ бꙋдетъ, а҆́ще ѹ҆́бѡ и ма́ло ꙗ҆стїе творитъ а҆ не прибыва́ющꙋ никоемꙋ приложе́нїю по ма́лꙋ богатство всѐ и҆знꙋри́тсѧ, а́ще ѹ҆́бѡ бога́тство притѧжетъ сѧ, и҆ и҆хꙋдѣ бꙋдетъ попече́нїе. ни ѿ си́хъ же пода́етсѧ и҆дѣ же подобаетъ и҆мѣѧ таковѡ̀ бога́тство нищїи** воистиннꙋ и҆мѣнѧетсѧ, и҆ повиненъ є҆сть всѧкой поги́бели, ꙗ҆́коже сапози*** разсыпаю́сѧ, є҆гда вни́ вода ѹ҆мно́житсѧ а и҆схожде́нїю пꙋти не ѡ҆брѧщꙋтъ**** †и҆лѝ ꙗ҆кѡ че́рвь снѣда́етъ дре́во си́це и҆ се дшꙋ†.

Сїе же слышавше ѻ҆троцы наказа́нїе ѿ ѻ҆ца своегѡ ксебѣ. и покори́шасѧ очїю повелѣнїю, ††ꙗ҆́коже ѻ҆нь ѻ҆тец наказꙋѧ дѣти своꙗ̀, и повелѣ дѣлати непреста́нно на гꙋмнѣ, и҆ли ꙗ҆́кѡже кїй чемꙋ да навыче по хꙋдо́жествꙋ рꙋкодѣлїѧ да и҆̀зберетъ си такїй мцъ и҆ де́нь и҆ ча́съ вон же ѡ҆богати́тсѧ. и҆ протчее є҆жи наказа́въ и҆ ѹ҆молче. Сїѧ же слы́шащи и҆мѣѧй ѹ҆́мъ да разꙋмѣетъ. зрите ѿ и҆́ноцы не брегꙋще ѡ҆ рꙋчно́мъ дѣле, по а҆пстлꙋ пра́здный да неꙗ́стъ, глаголетъ а҆пстлъ та́ко. ꙗ҆кѡ рꙋцѣ мои послꙋжиста мнѣ и҆ сꙋщимъ сомно́ю††.

.в.

Сказа́ніе о̂ купцѣ́хъ.

Се же на преднѧѧ вовратимсѧ.

Пе́рвый оу҆бѡ ѿ тѣ́хъ пре́жде реченный о̂трокъ по́сланъ бысть ѿ о̂ца своего̀ на ку́плю и̂мѣѧше с̂собо́ю *колесни́цу* влекому, двема̀ телцы̀, и̂ прилучи́сѧ* на пути̂ є̂ди́ному ѿ теле́цъ **оу҆вѧзнути**.

†Ку́пе́цъ же ви́дѣ телца̀ своего̀ погрѧзша втинѣ† и̂ оу҆стремисѧ кнему вку́пѣ, со свои́ми ско́ро и̂ і̂спрѧжѐ є̂го ѿ ко́ла**, и̂ сну́ждею є̂два̀ и̂звлечѐ є̂го.

Теле́цъ же ѕѣло̀ и̂знемо́же, и̂ немогіи ходи́ти и̂ ѿтого оста́вленъ бысть ѿ ку́пца̀ своегѡ.

Теле́цъ же то́й недѡуме́ніемъ о̂держи́мъ бѣ̀ и̂ воста̀ ѿ мѣ́ста своегѡ̀, и̂ походи̂ сѣ́мо и̂ о̂ва́мо и̂ о̂брѣ́те по́ле*** травноно́сно и̂ подобно***, и̂ пребы́сть внемъ пита́мсѧ, непомно́зѣмъ же вре́мени то́й бѣ̀ теле́цъ ѕѣло̀ оу҆тучненъ бысть и̂ о̂толстѣ̀ и̂ нача рога́ми*** зе́млю ры́ти и̂ велмѝ ры́кати.

Внима́йте оу҆бѡ разу́мно и̂ зри̂ ѡ̂ и̂́ноче и̂ бѣ́гай таковыѧ и лихіѧ пи́щи а̂ в любѧщихъ бѡ поко́й ду́хъ с҃тый неживетъ, но всопротивлѧ́ющихсѧ оу҆покое́нію, препочива̀е̂ ду́хъ с҃тый, хр҃то̀ бо законъ г҃летъ, и̂ є̂гѡ̀ а҃плъ оу҆че́ніе а̂́ще кто̀ пло́ти оу҆годи не твори̂ и̂ мірскіи ч҃лкъ и̂ тому да́стсѧ сп҃се́ніе. А̂́ще ли же і̂нокъ пребыва́ѧ впокое не може́тъ пути̂ спасе́ннаго ѡ̂брести, се же телцу рыкающу и̂ рога́ми зе́млю ры́ющу†.

Близъ же тогѡ мѣста на полѣ, нѣкій пребываше црь левъ, бяше же оу того лва цря живѡная мнози и различни родове зверей. лвове же и медведи волцы и лисицы, и іній мнози *зверіе*.

Црь же бѣ той левъ вознесливъ и гордъ, а мудростію скуденъ, слыша же телчіе рыканіе, и оубоявся ѕѣло, и не хотя боязнь свою іавити сущимъ подни зверемъ, сегѡ ради стояше на единомъ мѣстѣ не преходя ѿмѣста на мѣсто.

Зри како силный и могущій многажды и не силнаго боится.

Бяше оубѡ оу тогѡ цря с сущими зверми два зверя ины первый нарицаемый ѿ нихъ стефанидъ. а вторый ихниладъ. бяше оба же ѿвидомъѿ различни су и мудростію мудроумни суще. ѡбаче же ихнилатъ лукавъ бяше нѣкако душею и много разумѣя вещей достязанія.

И рече ихнилатъ к стефаниду чесо друже іакѡ се зримъ лва цря нашего непреходна ѿ мѣста на ино мѣсто, іако оубѡ **лву померзшъ**, пѡ обычаю же своему лву црю ни кому насилующу.

Стефанидъ же сіе слыша ѿ ихнилата и рече ему что тебѣ ѡбщно ктаковымъ вопросомъ неподобнымъ. ничто же оубо намъ стобою прискорбно есть, ѿ цря нашего лва и тяготно. но точію вратомъ егѡ приседимъ и ***дневную*** ѿ него пищу пріемлемъ, но нѣсть мы достойни стобою ѡ црѣ лвѣ беседовати, и ниже ѿ нихъ что разсмотряти. престани оубѡ ихнилате ѿ таковыхъ еже ми глаголеши, и познай се іакоже кто влагаетъ себе внеподобная словеса и дѣла, и той постраждетъ іакѡ нѣкій пиѳикъ.

.г҃.

ПРИ́ТЧА СІѦ̀ ГЛЕТЪ Ѡ ПИѲИКѢ.

Глетсѧ ꙗ҆кѡ пи́фикъ нѣкїй ви́дѣ нѣкоегѡ древодѣлѧ двемà кли́нома, дре́во нѣкое *разколѧ́юща* ҭи҆ се̑ древꙋ дѣлю дѣлающꙋҭ. и҆ ꙗ҆кѡ нѣкїѧ ради потре́бы ѿше́дшꙋ е҆мꙋ. пи́фикъ же оу҆подо́битисѧ хотѧ̀ древодѣлю, и҆ прише̑ сѧ́де на то́ жъ дре́во тако же **раско́лывати** двемà кли́нома, срамꙋ же пи́фиковꙋ оу҆вѧзшꙋ вще́ль дре́ва тогѡ҆, и҆ клинъ невидѣнїемъ и҆скочи́лъ и҆здре́ва и҆ а҆бїе сотꙋпи́сѧ древо пи́фиковꙋ же срамꙋ оувѧзшꙋ в҆ дре́вѣ, и҆ ѿого малодꙋшствоваше пи́фикъ древодѣлю же па́ки прише́дшꙋ кдре́вꙋ томꙋ*, ҭꙗ҆кѡ же бо и҆ пти́ца ни главою ни ного́ю но единымъ но́хтемъ оу҆вѧзне̑ ѡ҆ба́че всѣти е҆сть ловѧщихъ ю и҆ не мо́жетъ и҆збытиҭ.

Ихнилáтъ же сїе слышавъ ѿ стефани́да и҆ речѐ е҆мꙋ разꙋмѣхъ же сїе и҆же е҆си̑ мнѣ ре́клъ ѡ҆ пи́фицѣ но познава́ю е҆смъ ꙗкѡ всѧкъ приближа́ѧсѧ црю ҭто то́йҭ **жите́йскїѧ ра́ди пи́щи пристꙋпа́ю̑ ***и҆*** сла́вы жела́ю̑ и҆ е҆же возвесели́ти дрꙋги своѧ̀ враги̑ же ѡ҆печа́лити, хꙋды̑ же мꙋже́й и҆ ни́жни̑ любовно е҆сть е҆же дово́лно почтити, и҆ прекорми́ти, занѐ пе́съ ѡ҆брѣте когда̀ ко́сть сꙋхꙋю и҆ гложе̑ ю и҆ли̑ ꙗ҆кѡ кто̀ гла́денъ и҆ а҆лченъ не ѡ҆брѣ҃т пи́щи подо́бны хлѣбомъ и҆ водо́ю скꙋдость свою̀ доволно и҆сполнѧ̑е̑, та́ко и҆ сїѧ̀ подо́бно си́мъ, не си́лою бо побѣжда́ти но мꙋдростїю и҆ безбоѧзнство̑ великоꙋмный же мꙋжъ ***не до ни́хъ*** же стоитъ и҆ хꙋдыхъ но го́рнѧѧ и҆щетъ и҆ досто́йнꙋю и҆мъ го́нитъ. всѧкъ бо тщитсѧ ѿ ни́жныхъ на вышнѧѧ взыти, ꙗ҆ко и҆ ле́въ а҆ще за́йца держи́тъ,

и ви́дитъ велбꙋ́да ѡ҆ста́ви за́йца и҆ вельбꙋ́да го́нитъ, и҆лѝ не вѣ́ста ꙗ҆́ко пе́съ ѡ҆паше́мъ біетъ, до́ндеже пи́щꙋ себѣ̀ воспрїе́млетъ.

Вели́комꙋ же є҆лефа́ндꙋ ѿвраща́ющисѧ и҆ не прие́млющи пищи, є҆гда є҆два оу҆крошенїемъ ꙗ҆́дꙋща, а҆́ще бо великѡоумный мꙋ́жъ бл҃гоподатель, и҆ не до́лго житїѐ прово́дитъ надо́лго живо́тенъ вмѣнѧ́етсѧ, а҆ и҆̀же житейскою тѣснотою и҆ нищетою живый, и҆ не могїй себѣ нїйномꙋ по́лзовати. ма́ложиво́тенъ є҆́сть сей и҆ *стра́ненъ*, а҆́ще и҆ во глꙋбокꙋ дости́гнетъ старость.

Стефани́ же речѐ є҆мꙋ разꙋмѣ́хъ оу҆бѡ ꙗ҆́же ты гл҃ши мнѣ̀ норазсмотри ꙗ҆́ко всѧ́къ жа́ло своѐ и҆́мать, и҆ егда̀ кто̀ є҆́сть вра́в но чⷭ҇тныхъ че́стенъ, досто́итъ є҆мꙋ дово́лнꙋ быти ѡ҆ своей степени **тацы̀ бѡ є҆́сть мы и҆ мы̀, тѣмже лобза́емъ на́шей чⷭ҇ти** †и҆ вели́каѧ бѡ чⷭ҇ть ма́ла є҆́сть вочїю безꙋмнагѡ†.

Ихнила́ же речѐ є҆мꙋ ѡ҆бще є҆́сть всѐ жите́йское достоѧ́нїе, великоꙋмный мꙋ́жъ при́сно творитъ восхожде́нїе, скꙋдоꙋмный мꙋ́жъ при́сно исхо́дитъ, тѧ́готно бѡ є҆́сть є҆́же ѿ ни́жныхъ горѣ̀ восходи́ти оу҆до́бнїе ѿ го́рнихъ до́лꙋ сходи́ти та́кѡ бѡ и҆ ка́мень оу҆до́бнѣе ѿ горнихъ сходи́, горѣ же є҆два̀ восхо́ди́ свели́кою нꙋ́ждею, по҆е́млемъ быва́етъ*.

Подобаетъ оу҆бѡ и҆ на́мъ го́рнѧѧ и҆скати є҆ли́ко по си́лѣ, и҆ нето́чию ѡ҆ своей степе́ни стоѧ́ти, но и҆ на дрꙋгаѧ преходи́ти, хощꙋ оу҆бѡ и҆ а҆зъ ради лвова сомнѣнїѧ присвое́нїе ѡ҆брести є҆́же кнемꙋ бесѣдова́нїемъ, зрю̀ бѡ̀ є҆гѡ̀ оу҆жа́сна и҆ всю́дꙋ недоꙋмѣва́ющасѧ сво́ины своимъ, и҆ мню̀ ꙗ҆́кѡ полꙋчꙋ̀ достоѧ́нїе нѣкое ѿ негѡ̀.

Стефани́дъ же речѐ є҆мꙋ како разꙋмѣлъ є҆сѝ ꙗ҆́кѡ ле́въ недоꙋмѣетъ.

Ихнилатъ же ѿвѣща ему разумѣхъ оубо моимъ помышлениемъ, разумный бо мужъ можетъ разумѣти и ближняго своего помышленіе, *расмотряе его по предоженію* и по образу.

Стефаній же рече ему како благдать возможеши ѿ лва пріяти, а николиже еси ему поработалъ искреннѣ, ниже художества имѣеши бесѣдовати, бесѣдованія ихъ и наказанія.

Ихнилатъ же ѿвѣща ему, мдрыйже мужъ вѣсть ходити вниxъ же искушенія не имать, безумны же внемже ся есть*, и втомъ погрѣшаетъ.

Стефанидъ же рече ему, црь необыклъ есть болшая прінимати, **что всебѣ** но ѿ ближняго, подобитъ бо ся лозѣ тако** неболшимъ древесемъ но ближнимъ приплетаетса, како оубо возможеши присвоитися лвовѣ не сый снимъ.

Ихнилатъ же рече, разумѣхъ оубо елико ты глши истинна суть ***со мною*** дружину нашу яко не бяху, прежде таковіи но взыдоша ѿ нижниxъ, хощу таковыми начинати. глетъся яко отрокъ присѣдя црскій вратомъ и гордость ѿложивъ ярость оумягчивъ, и безчестіе терпя и всѣмъ покаряяся, вскорѣ оубо цреви присвоися×. тако и азъ егда приближуся цреви, разумѣю обычай его и нравы и оугожду ему хитростію во всемъ, и мнимися яко таковымъ образомъ и возлюбитъ мя левъ и болша ѿ иныxъ покажетъ мя мдрый бо мужъ и разумный може истинну приложити и лжу составити, и ****мудрый**** писецъ презнаменуе истинну влагая бесѣды нѣкія приличны***

Стефанидъ же речѐ ѐмꙋ, разꙋмѣхъ оу҆бѡ таковаѧ совѣтꙋеши, не подобаетъ бо ти̇ ѐже оу҆ царѧ присвоеніе, писано бо ѐсть, ꙗкѡ никтоже ѿ мꙋдроꙋмныхъ а҆ще дерзаетъ на три сїѧ̀ вещи ѐдва̀ спасетсѧ, сирѣчь ѐже ѿцаремъ присвоеніе, и҆ ѐже ꙗдъ пити за искꙋшеніе, и҆ ѐже вѣрити женамъ тайны, подобенъ бо ѐсть царь горѣ* бреговитой и҆ ѐдва̀ преходней, и҆ всѧкими ѻвощами и҆ водами оу҆множаемѣй на ню же восхожденіе неоу҆добнѡ и҆ пребываніе бѣдно бѡ.

Ихнила̀ же речѐ ѐмꙋ, и҆стиннꙋ реклъ ѐси̇, но и҆же а҆ще кто̀ на беды̀ не дерзнетъ не полꙋчаетъ желаніѧ, *и҆м же* во всѧкой вещи боисѧ бесчестенъ ѿ всѣхъ пребываѧ, глаголетсѧ ꙗкѡ три сїѧ̀ вещи никто̀ же любитъ ѿ страшливыхъх, морское плаваніе, скорое ко врагомъ противленіе, ꙗко же великоꙋмномꙋ ползꙋютъ три̇ вещи царскїи дворы̀, и҆ морское плаваніе, и҆ скорое ко врагомъ противленіе.

Ꙗкоже и҆ елефандꙋ пꙋстынѧ бысть ꙗкоже и҆ царскїи дворы̀*.

Стефаний же речѐ ѐмꙋ **несовещаю** ѿ сего̀ но поиди̇ и҆ твори ꙗкоже хощеши.

Ихнила̀ же шедъ ко львꙋ царю и҆ поклонисѧ ѐмꙋ.

Левъ же царь вопроси̇ ѐгѡ̀ гдѣ пребы̇ ѐси̇ толико времѧ †ꙗкѡ не видѣхъ тѧ никогда̀ пред собою†.

Ихнила̀ же речѐ ѐмꙋ ѡ҆ царю львѐ неѿстꙋпно присѣдѧ̀ царскимъ твоимъ вратомъ надѣѧсѧ тебѣ потребенъ быти, внѣкоей работѣ царствꙋ ***твоемꙋ*** но немогохъ никогда̀ себѣ никакова̀ воздаѧнїѧ ѿ тебѐ полꙋчити и҆ прїидохъ ктебѣ ꙗвственнѣ† знаю*** бѡ ꙗкѡ многажды внѣкихъ вещехъ потребни бываютъ и҆****скꙋдоꙋмнїи**** мꙋ-

жїе множицею и ввеликихъ потребахъ ползѹютъ, ꙗкоже древо* повержено на землю, потребно бываетъ ксѣченїю** та нѣкогда и годно бѹдетъ и кстроенїю.

Сїе же оубо левъ црь слышавъ таковыѧ словеса ѿ ихнилата.

Рече к боѧромъ своимъ, сей блгоразѹмный и словесный мѹжъ, многажды не познаваетсѧX до бесѣдованїѧ егѡ, ꙗко же и сокровенный огнь егда во свѣтъ изыдетъ, воздѹшный пламень творитъ ти іздалеча ѿ многихъ зримъ бываетъ.

Разѹмѣвъ же ихнилатъ, ꙗкѡ оугѡдно бысть лвови, и рече црю, подобаетъ оубо цревымъ рабомъ бесѣдовати црю всѧ подобнаѧ и полезнаѧ, и потомъ воспрїимати ѿ негѡ по достоѧнїю почесть, ꙗко же бѡ различнаѧ сѣмена в земли лежащи. не познаваютсѧ, коѧ сѹть аще*** такожде и члвкъ ѿ своихъ словесъ познаваетсѧ, тако есть подобаетъ оубо црю ниже главнѹю красотѹ примѣшати к ногамъ, ниже ножнѹю ко главѣ, ниже камень честныйXX сѡ оловомъ соплетати себѣ****, паче безчестити нежели бѣсеръ. подобаетъ оубо кнѧземъ разсмотрѧти сѹщихъ поднимъ воеводѣ же воинъ, црю же словесныѧ мѹжи и мѹдрыѧ. не множествомъ бѡ владѣлецъ****. црїе и кнѧзи исправлѧютъ начинанїѧ своѧ. тсирѣчъ, совраги противл енїе, но изрѧднымъ совѣтомъ, достоитъ оубо влкамъ непрезирати меншихъ, иже поднимѝ, и малый бѡ не малъ егда в великихъ ползѹетъ.

Подобаетъ оубо властелинѹ нетокмо доброродныѧ ꙗвленнѡ почитати но достоино и словесныѧ мѹжи добрѣ есть почтити и нетокмо о своихъ *дѣлехъ своими любы* доволнѹ быти но издалеча призывати нѣсть бѡ никомѹ же ближнейши чтѡ развѣе свое тѣлѡ

да егда́ вре́мѧ призове҃ и сі̀е презира́ти та́коже е҄гда̀ боле́знь приключитсѧ е҄мꙋ̀, дале́че на врачева́нїѧ различныхъ былїй и҆лѝ врачей и҆́щетъ и҆ мышеве в҆ доме́хъ црк҃ви сꙋ́ть *но не потре́бни быва́ютъ а҆́ще и҆ близъ сꙋ́ть*, птицы же нарица́емый фалконъ× е҄сть но за потре́бы своѧ̀ призыва́ютсѧ и҆ прие́млютсѧ и҆ в҆ чести вели́цей быва́ю҃ но и҆ на цр҃кихъ рꙋка́хъ седѧ́тъ.

Слышавъ же словеса̀ сїѧ ле́въ оу҆жасенъ бысть и҆ гл҃а ко ѿко́лнимъ своимъ не подоба́етъ властели́нꙋ презирати разꙋмныѧ мꙋжи а҆́ще ** и҆ достойныѧ чт҃и сꙋть комꙋждо досто́йныѧ че́сти дати а҆́ще н҄е́цы и҆ недꙋгꙋютъ**.

Видѣвъ же сі̀е оубѡ и҆хнила́тъ лво́во е҄же кнемꙋ любе́зное оу҆се́рдїе бесѣдова кнемꙋ на е҄ди́нѣ ✝и҆лѝ в҆та́йнѣ✝ гл҃ѧ что̀ се ѿ црю ꙗ҆кѡ во мно́зѣ време́ни пребысть непоколебимъ не преходѧ на и҆́но мѣстѡ.

Совѣта оубѡ левъ сꙋмнїнїѧ ****своей стра́сти**** оу҆таити е҄мꙋ но приключи́сѧ до́ндеже бесѣдовахꙋ и҆ оу҆слыша рыка́нїе те́лчїе и велмѝ ѕѣло̀ пристра́шенъ бысть и҆ ре́къ но боюсѧ сегѡ̀ звѣрѧ ѕла́гѡ да проти́вꙋ гла́са и҆ тѣло е҄гѡ̀ бꙋдетъ а҆ проти́вꙋ тѣла и҆ сила е҄гѡ̀ а҆ проти́вꙋ силы и҆ мꙋдрость, тѣмъ же а҆́ще та́ко бꙋде҃ бѣжимъ ѿсюдꙋ.

Ихнила҃ же восприимъ и҆ речѐ не бо́йсѧ ѿ црю велегла́снаго сегѡ̀ звѣрѧ ****и҆злихї̀ѧ бѡ главы̀ е҄гѡ̀ пра́здны сꙋть**** а҆́ще и велмѝ слышитсѧ.

.д҃.

ПРИ́ТЧА СІѦ́ ГЛЕ́ТЪ Ѡ҆ ЛИСИ́ЦЕ.

Г҃летсѧ ꙗ҆́кѡ лиси́ца т҃алчющит пищи и҆щꙋщи приключи́сѧ є҆́й ве́щъ нѣ́кꙋю ѡ҆брестѝ, тимпа́нъ зовомый на́ древѣ ви́сѧщъ и҆ вѣтро̑ коле́блемъ гла́съ и҆спꙋщаше, се́ же ви́дѧщи лиси́ца, и҆ ѹ҆бо́ѧсѧ прибли́житисѧ, ѡ҆вѡ тимпа́нномꙋ видѣнію дивѧ́щисѧ. ѡ҆вѡже *глас-нагѡ звꙋкꙋ* бо́ѧщисѧ, ѡ҆ба́че **гла́домъ и҆ жа́ждею** побежде́на бы́вшихвсю̀ си́лꙋ свою̀ пѡ҆вигши растерза̀ є҆гѡ̀ и҆ пра́зна ви́дѣвши речѐ. ѿле ка́кѡ хꙋдѣ́йшаѧ тѣлеса величайша и҆ велегласна ꙗ҆в-лѧ́ютсѧ, та́ко ѹ҆бѡ и҆ мы ѿ цр҃ю нн҃ѣ стра́ждемъ такова̀ звѣ́рѧ гласѿ прельща́еми. а҆́ще хо́щеши пойдꙋ кнемꙋ, и҆ ви́дѣвъ како́въ є҆́сть ско́ро возвращꙋсѧ ктебѣ̀.

И҆ посла̀ є҆гѡ̀ ле́въ занѐ ѹ҆го́дно є҆мꙋ [сло*] ꙗ҆ви́сѧ сло́во є҆гѡ̀.

Ѻ҆номꙋ же ***ше́дшꙋ*** мно́гѡ разка́ѧвсѧ ле́въ ѡ҆ посла́ній єгѡ̀ и всебѣ̀ помышлѧ́ше гл҃ѧ. что̀ се сотвори́хъ є҆́же ****посла́хъ и҆хнила́та и҆ ввѣ́рихъ своѧ̀ та́йны****.

Не подоба́е ѹ҆бѡ властели́нꙋ ввѣ́рѧти своѧ̀ тайны т҃и своѧ̀ словеса̀т є҆мꙋ же є҆́сть когда̀** презрѣ́ніе сотвори́лъ. и҆лѝ є҆мꙋ же бога́тство и҆ сла́вꙋ **ѿѧлъ** и҆лѝ несы́тꙋ мꙋ́жꙋ и҆ лꙋкавꙋ. и҆ прот-чимъ таковы̀ и҆бѡ и҆хнила̀ и҆спе́рва мꙋдрѣ́йшій сый. ***и҆ сегѡ̀ ра́ди невѣ́рно порабо́таетъ ми или ѡ҆брѣ́тъ велегла́снаго сегѡ̀ звѣ-рѧ бо́лши менѐ си́лою**** то кнемꙋ ***приложи́тсѧ***, и҆ возве-стѝ є҆мꙋ сіѧ моѧ̀ неможе́ніѧ. и҆ помышлѧющи сіѧ̀ львꙋ.

Явисѧ ихнила҃ єди́нъ грѧдый.

И ꙗкѡ видѣвъ ле́въ ихнила́та ра́достенъ бысть ѕѣлѡ̀ и речѐ кнемꙋ̀ что̀ сотвори́лъ є҆сѝ.

Онъ же речѐ є҆мꙋ̀ ви́дѣхъ ѿ цр҃ю велегла́снагѡ сегѡ̀ звѣрѧ. ꙗкѡ те́лецъ є҆́сть и приближи́хъсѧ є҆мꙋ̀, и бесѣ́довахъ и ни еди́но ми бы́сть повреждені́е ѿ негѡ̀.

Ле́въ же речѐ є҆мꙋ̀ да *нелиши́ши* и мене ꙗкѡ не́мощенъ є҆́сть занѐ тебѣ̀ ничи́мъ невреди́лъ є҆́сть теле́цъ. вели́кій бо вѣ́тръ и бꙋ́рѧ ма́лаѧ древеса̀ не повреждаю́тъ. высо́каѧ же сломи́въ и҆скореневає́тъ.

Ихнила҃ же речѐ є҆мꙋ̀ датебѣ̀ мнитсѧ ѿ цр҃ю. ꙗкѡ таково́е живо́тно си́лнѣйши є҆́сть тебѐ а҆́ще бѡ хо́щеши предста́влю тебѣ̀ є҆гѡ̀ предтобо́ю и в послꙋша́ніи твое́мъ бꙋ́детъ и **пѡвла́стію твое́ю**.

Возвесели́жесѧ ле́въ ѡ̑ си́хъ и повелѣ̀ сотвори́ти є҆мꙋ̀ ѡ҆бѣща́нное.

Ихнила҃ же ше́дъ к телцꙋ̀ и де́рзостно речѐ є҆мꙋ̀. ле́въ мѧ̀ посла̀ к тебѣ̀ привестѝ тебѐ кнемꙋ̀. а҆́ще потщи́шисѧ к немꙋ̀ пріитѝ **простото́ю. прости́тъ тѧ и полꙋчи́ши*** занѐ досе́лѣ ѹ҆косни́лъ є҆сѝ срѣ́сти є҆гѡ̀ ꙗкоже и всѝ. а҆́ще ли неѹскори́ши скажꙋ̀ є҆мꙋ̀ ꙗже ѡ̑ тебѣ̀, †да нека́кѡ по́слѣ раска́ешисѧ†.

Теле́цъ же речѐ є҆мꙋ̀ кто̀ є҆́сть ле́въ посла́вый тѧ комнѣ̀ и гдѣ̀ пребыва́етъ.

Ихнила҃ же речѐ є҆мꙋ̀ цр҃ь є҆́сть звѣре҃ и насе́мъ мѣ́стѣ пре-

бываетъ *совсѣми* своими, тйди азъ же тебѣ покажꙋ егѡ послѣдꙋй митъ.

Телецъ же послѣдова емꙋ до лва оубоѧсѧ словесъ егѡ.

Левъ же видѣвъ егѡ и восприѧтъ егѡ оусердо и вопрошаше егѡ о всемъ.

Онъ же возвести емꙋ всѧ ꙗже о себѣ.

Левъ же обѣщасѧ вовсемъ емꙋ ꙗкѡ да все оучинитъ емꙋ благѡ, и наложи на негѡ всѧкꙋю область, и паче всѣх почти егѡ.

Ихнилатъ же сїе видѣвъ позавѣдѣвъ емꙋ и немогїй терпѣти зависти объѧви дрꙋгꙋ своемꙋ Стефанидꙋ сице глѧ. недививишилисѧ еже содѣѧхъ насебѣ, полезнаѧ бо лвови совершихъ а себѣ оулишихъ*, приведохъ кнемꙋ телца, и бысть **менѧ изѧщнѣе почестию**.

Стефанид же рече емꙋ, что хощеши сотворити.

Онъ же рече емꙋ, паки в первое достоѧнїе тдойти итъ настати.

Подобаетъ оубо мꙋдромꙋ мꙋжꙋ три сїѧ вещи держати.

Первое оубо ***пострадати*** добраѧ же и злаѧ разсмотрѧти.

Второе ꙗже сꙋть повинна добрымъ догонити** злаѧ же ѿбѣгати.

Третїе ꙗкоже и настоѧщаѧ добраѧ, или злаѧ расмотрѧти, что хощетъ потомъ быти, и мыслихъ оубо азъ на первое свое достоѧнїе настати но не ѡбрѣтохомъ подобна пꙋти. тй нотъ точїю***

телца оубити. се бѡ тако же мню добрѣ смыслѧщи полезно есть мнѣ *обаче* же и лвови.

Стефаний же рече ему. како можеши посредѣ лва повредити телцат не видѣ **тебѣ никое зло пребывающее ѿ телца присвоение**.

Ихнилаз рече ему, левъ весь егѡ бысть о прочихъ нерадитъ. шестьми бо* црь небрегомъ есть и низлагаетсѧ.

Первое еже не искати полезнаѧ времени но лютостию ***мѧстисѧ***.

Второе идѣже подобае кротить ту тит свирѣпить.

Третие еже не имѣти разумныѧх и вѣрныѧ совѣтники.

Четвертое еже страшити и крамолити своѧ люди.

Пѧтое еже побежденну быти ѿсловесны похотѣхъ. и побѣздену быти ѩростию.

Шестое же разсмотрѧти временнаѧ преложениѧ.

Стефаний же рече ему, какѡ можеши повредити телца, многѡ тебе силнѣйша и многи други имуща. и ****послушни суть****.

Ихниладъ же ѿвѣща ему, невзирай на мое неможение и мирение, невывает бѡ побѣда силою и мочьюхх тно лестною мудростию и разумомъ и добрымъ совѣтомът. великоумныхъ мужей мнози бѡ ѿ силныхъ немощными побѣдишасѧ.

.є҃.

Притча сїѧ глѣ ѡ вранѣ и о змїи.

Глетсѧ ꙗкѡ вранъ нѣкїи вогнѣздѧшесѧ внѣкоемъ древѣ в горѣ и ѿ нѣкоегѡ змїѧ навсѧко лѣто ѡбилимъ бываше, и птенцы егѡ снѣдаша, ꙗко же оубѡ множицею змїи творѧше таковое, и шедъ вранъ к нѣкоемꙋ своемꙋ дрꙋгꙋ звѣрю, и рече кнемꙋ хощꙋ тебе совѣтника сотворити невѣси вѡ каковаѧ стражꙋ ѿ змїѧ. и мнитъмисѧ полезно быти томꙋ семꙋ спѧщꙋ и мнѣ приближитисѧ и ѡчи емꙋ извертити звѣрь же рече недобрѣ совѣтовалъ еси, но подобаетъ промыслити хитрость инꙋ, ею же ѡногѡ погꙋбиши, тыже невредимъ превꙋдеши да неподобно постраждеши *жеравлю*.

.ѕ҃.

Притча глетъ ѡ жеравли и ѡ ежи.

Глетсѧ ꙗкѡ жеравль нѣкїи при болотѣ пребываѧ исполненѡ блатот рыбъ и ѿ нихъ же питаѧсѧ и состарѣвшисѧ, на ловъ не могїи подвизатисѧ, и гладомъ ѡдержимъ бысть, **востꙋживсѧ** и поиде внѣкꙋю горꙋ, и восходѧ ѡбрѣте ежа во своей скорби. ежъ же рече кнемꙋ, чесо ради печалѣ еси и скорбенъ. ѡнъ же восприимъ рече. и какѡ не скорблю первїе пребывахъ при болотѣ нѣкоемъ, и ѿ рыбъ егѡ питахсѧ многи ѡбилїемъ, ***сꙋще***. днесь оузрѣхъ два рыбарѧ приходѧща на мѣсто то и дрꙋгъ дрꙋгꙋ бесѣдꙋюще, какѡ тꙋ всю рыбꙋ оуловѧ. ежъ же то слышавъ ѿ

жеравлѧ̀. пріиде к рыбамъ и̂ повида и̂мъ ꙗ̂же слыша̑ ѿ жеравлѧ̀. ѻ̂ни́ же пришедше къ жеравлю̀ и̂ рѣша нн҃ѣ хо́щемъ совѣтника тѧ имѣти, оуслы́шахомъ бѡ ꙗ̂кѡ рыбари нѣцый совѣтовахꙋ и̂зловити на́съ жера́вль же речѐ ниеди́но ва́мъ предлежи́тъ хꙋдо́жество, точию прейти ѿ мѣста своегѡ̀ во и́но мѣсто тро́стѧнѡ и̂ во́дно. †и̂дѣже довѡ́лнꙋ пи́щꙋ ѻ̂брѣтше и̂ добрѣ живꙋще и̂зба́витесѧ предлежа́щїѧ бѣды̀†, рыбы же рѣко́ша, пренеси̂ оу҆бѡ ты на́съ на таково́е мѣсто ѻ̂нъ же речѐ и̂мъ бою́сѧ да не пре́жде прⷣложе́нїѧ ва́шегѡ прїи́дꙋтъ рыбарїѧ ѻ̂ба́че е̂ли́ко ми є̂сть мо́щнѡ се сотворю, и̂ *нача́тъ про́тчее* преносити пома́лꙋ рыбы, **кнѣкоей гꙋбѣ на́** брегъ и̂ тамо ꙗ̂дѧше и̂хъ дрꙋгимъ же рыбамъ мнѧщимъ ꙗ̂кѡ впорꙋче́нное мѣсто прено́стъ и̂хъ †ѣже сохрани́тисѧ и̂ соблюсти́сѧ тѣмъ та́мо, и̂ ю̂же и̂скопа̀ ꙗ̂мꙋ безꙋмный са́мъ в̂паде́сѧ вню̀†. во є̂ди́нъ оу҆бѡ ѿ дне́й оу҆моли є̂жъ жеравлѧ̀ пренести̂ и тогѡ̀ ***ꙗ̂коже*** и̂ рыбы, прие́мъ же є̂гѡ̀ жера́вль. и̂ ѿнесѐ на горꙋ, и̂дѣже рыбы снѣдаше, совѣтова же и̂ тогѡ̀ снѣсти ви́дѣвъ же є̂жъ ко́сти рыбныѧ тꙋ лежащїѧ и̂ оу҆разꙋмѣ ле́сть и̂ всебѣ помышлѧше ꙗ̂кѡ нꙋ́жно сме́ртенъ бꙋдꙋ а̂ще проти́влюсѧ жеравлю̀ и̂ли̂ а̂ще покорю́сѧ. є̂ди́нъ сꙋ́дъ прїимꙋ†, нн҃ѣ смыслихъ. да небѡ̀ сч҃тною сме́ртїю ****пострaждꙋ****. но и̂ли̂ до́брѣ жи́ти мнꙋ, та́кѡ бѡ бл҃гоꙋмномꙋ подоба́етъ †(пострада́ти)† и̂ напра́сно **ѻ̂бви́всѧ** жеравле́вꙋ ше́ю оу҆стнама и̂ нꙋ́жно оу҆дави̂ є̂гѡ̀, сегѡ̀ же ра́ди тако́ва́ѧ сказа́хъ тебѣ ѻ̂ вра́нѣ, ꙗ̂кѡ да оу҆вѣси*** и̂бѡ ***враждꙋющїй нѣкогда нѣцыи своими сѣтми̂ ****ꙗ̂ти**** быва́ютъ, но подоба́етъ тебѣ та́кѡ змие́вꙋ поги́бель промы́слити××, смотри̂ дрꙋже насї́ѧ красоты̀ оу҆тварь похи́тїю* и̂ летѣти †по во́здꙋ ме́дленно, дабы̀ вослѣдовали потебѣ человѣцы† и̂ ты ѿне́съ во гнѣздо̀ змїи́но и̂ положи̂ ю̂ є̂го́

же ради по ней послѣдуютъ *члвцы* нѣцыи и обрѣтше змію оубиютъ его еже и бысть, тако вранъ избавленъ бысть ѿ змія.

Рече же ихнила кстефаниду, сія сказахъ да разумѣеши яко мудрость есть болшие крѣпости.

Стефаний же рече ему, аще не бы* противо мужеству **и мудрость** оставилъ оубо быхъ таковая, бесѣдовати тебѣ но вкупѣ схрабростию и разуменъ еси.

Ихнила же рече ему истинну реклъ еси яко таковъ есмь но имамъ низложити его поискушению. дерзаю бо и вѣрую многимъ вещемъ, еже быша во многихъ, иногда бо заецъ лва низложилъ есть.

·Г·

ПРИТЧА СІЯ ГЛЕ О ЗАЙЦЕ И ЛВѢ.

Глется яко левъ нѣкій обѣтоваше травоносно поле и ***водно***, внемже родове звѣрей различни пребываху и обилно ѿ оного поля насыщахуся и веселяхуся, точию же ѿ страха лвова оужасахуся и совѣтъ совѣщавше приидоша ко лву, и рекоша ему, совѣщахо всѝ ѡ црю яко да тебе трудовъ избамимъ** и болѣзней, сами же себя безпечалны сотворимъ ты бо со многимъ ****дерзновеніемъ**** трудишися, единаго ловиши ѿ насъ, накійждо день, мы же паки боящеся твоего ловленія, трепетни всѝ пребываемъ

достóитъ оу҆бѡ нáмъ да на всѧ́къ дéнь оу҆крашáемъ твоѧ̀ трапéзы кромѣ̀ трȣдо́ ѿтвои́хъ, сé же оу҆гóдно ꙗ҆ви́сѧ лвóви и҆ проводи́ша дни̑ мнóги жрéбїѧ творѧ́ще дрȣ́гъ к҆ дрȣ́гȣ и҆ на коегó *ждѡ* жрéбїй бȣ́детъ посылáхȣ е҆гѡ̀ ко лвȣ̀ и҆ ꙗ҆́коже дойде жрéбїи до ѡ҆́ного зáица нѣ́коегѡ. и҆ речѐ тóи зáецъ кловцéмъ*, а҆́ще **пó-шлете** мене ѿ ловцы̀ и҆збáвлю вáсъ ѿ тѧготы̀ сеѧ̀ ***ꙗ҆́же*** стрáждемъ, ѻ҆ни̑ же рѣ́ша ***что̀ е҆́же хóщеши сотвори́ти***, ѻ҆́нъ же речѐ рцы́те ведȣ́щимъ мѧ не скóро вестѝ мѧ ко лвȣ̀, и҆ е҆гдáже бли́зъ бȣ́демъ ѻ҆ни̑ да сокры́ютсѧ, а҆́зъ же да ѿвѣщáю ѻ҆ни́ же тáко сотвори́ша, и҆ ше҆́ зáецъ колвȣ̀ **мéдленнымъ хождéнїе**, ꙗ҆́коже лвȣ̀ разъѧри́тисѧ глáдомъ ѿи ꙗ҆ви́сѧ зáецъ е҆ди́нъ е҆́смъ прише҆́ ктебѣ̀ ѿ црю́ѿ, лéвъ же гл҃а по что̀ досéлѣ оу҆косни́лъ е҆сѝ. и҆ что̀ рáди досéле протчі́й скóрѡ приходи́ли, ты́же е҆ди́нъ пришéлъ е҆сѝ зáецъ же речѐ дрȣ́га своегѡ̀ зáйца влекóхъ ктебѣ̀, и҆ нѣ́кїи лéвъ срѣ́те мѧ, и҆ похи́ти е҆гѡ̀ мнóгѡ же е҆мȣ̀ пригласи́въ и҆ засвидѣ-телствахъ. ꙗ҆́кѡ лвóвъ е҆́сть и҆ не послȣ́ша мѧ. а҆́ще оу҆бѡ хóщеши ведȣ̀ тѧ кнемȣ̀ ѿи ꙗ҆́же хóщеши сотворѝ е҆мȣ̀ѿ лéвъ же разъѧри́сѧ речѐ кзáйцȣ послѣ́дȣю ти гдѣ̀ е҆́сть. и҆ поведé е҆гѡ̀ зáецъ внѣ́кїй ***клáдезь*** ѕѣ́ло глȣбóкъ. и҆ сотворѝ е҆гѡ̀ прини́кнȣти, ꙗ҆́кѡ да лво̀ ѻ҆́ногѡ ви́дитъ, и҆ прини́че сни̑ и҆ речѐ зáецъ кнемȣ̀, ви́диши ли лва̀ и҆́же похи́ти твоегѡ̀ зáйца, сéй же и҆ зáецъ оу҆ негѡ̀ е҆́сть, и҆ показа̀ е҆мȣ̀ ****стѣ́нь**** лвóвȣ и҆водѣ̀, сéже ви́дѣвъ лéвъ и҆ мнѣ́въ ꙗ҆́кѡ тáко е҆́сть. и҆ и҆верже себѐ ***вкл҃адезь и҆ оу҆топе***.

Стефани́т же речѐ е҆мȣ̀, а҆́щех разȣмѣ́еши ꙗ҆́кѡ **неприѧ-тенъ** лвȣ̀ телéцъ и҆ мóжеши е҆гѡ̀ погȣби́ти, ꙗ҆́коже хóщеши дѣ́лѡ начнѝ и҆́бѡ е҆́сть си́це ꙗ҆́коже ты и҆ а҆́зъ и҆ мнóзи е҆смы̀, пре҆ѻби́димы телца̀ рáди присвоéнїѧ и҆ презри́ни, а҆́ще ли се не мóжеши сотво-

рíти, *ѡ҆ша́йсѧ* такова́гѡ начина́нїѧ, препина́нїє бѡ є҆́сть се и҆ престꙋпле́нїе, †всѧ́ко проти́вно мꙋ́жꙋ безꙋмнꙋ†.

Та́коже во еди́нъ ѿ днїи вни́де и҆хнила́ѧ ко́лвꙋ ско́рби и҆спо́лненъ †ѣ̑смъ†.

И вопроси̇ є҆гѡ̀ ле́въ ѡ҆ ско́рби. є҆гда̀ что̀ но́во прилꙋчи́сѧ.

Онъ же речѐ є҆мꙋ нѣ́каѧ ве́щь *не поле́зна тебѣ̀ же и҆ мнѣ̀. но є҆гда̀ кто̀ бесѣ́дꙋетъ комꙋ и҆ †не† разꙋмѣетъ ꙗ҆́кѡ бесѣ́ды є҆гѡ неоу҆го́дны сꙋ́ть †бесѣ́дꙋютсѧ†. послꙋ́шающемꙋ** а҆́ще позна́е ꙗ҆́кѡ прїѧ́тна сꙋ́ть словеса є҆гѡ̀, тогда̀ бл҃горазꙋмнѣ оу҆се́рдно бесѣ́дꙋетъ сни́мъ. ви́дѣхъ бѡ тѧ ѿ цр҃ю ра́зꙋмомъ и҆ мꙋ́дростїю оу҆кра́шена, дерзнꙋ́хъ є҆́же бесѣ́довати, цр҃твꙋ ти ѡ҆ни́хъ же слы́шати нехо́щеши до́брѣ бѡ зна́єши **и҆звести́ть** и҆́стиннꙋ, рабѡ́тꙋ мою̀ и҆ надѣ́юсѧ, ꙗ҆́кѡ и҆́стинни ***сꙋ́т*** гл҃и мо́й †ꙗ҆́же слы́шиши и҆ позна́єши ꙗ҆́кѡ и҆́стинна гл҃емаѧ† на́ша бѡ дш҃а по тебѣ̀ сꙋ́ть цр҃ю да́же и҆ досме́рти и҆ нꙋ́жно ми є҆́сть поле́знаѧ ти и҆ ****оу҆гѡ́днаѧ таи́ти**** не подоба́етъ бѡ рабꙋ ѿ гд҃на своегѡ̀ поле́знаѧ таи́ти, ни болѧ́щемꙋ досто́итъ ѿ врача̀ болѣ́знь свою̀ скрыва́ти. ни оу҆бо́гомꙋ нищетꙋ свою̀ пре́дъ дрꙋ́ги прикрыва́ти, †тѣ́мъ же свидѣ́телствꙋю ти, и҆ гл҃ю и҆́стиннꙋ тебѣ† оу҆вѣ́давъ бѡ ѿ нѣ́коегѡ достовѣ́рнѡ ꙗ҆́кѡ теле́цъ к҆волѧ́ромъ твои̇ бесѣ́дова и҆ речѐ и҆́мъ и҆скꙋси́хъ лва̀ и҆ разꙋмѣ́хъ и҆звѣ́ст҃но мꙋ́жество є҆гѡ̀. и҆ ра́зꙋмъ и҆ ѡ҆брѣто́хъ є҆гѡ̀ во все́мъ непол́езна, и҆ ѿ такѡвы́хъ слове́съ ѿ цр҃ю позна́хъ безтꙋ́дїе є҆гѡ̀ и҆ препина́нїе, ꙗ҆́коже ты превозне́слъ є҆си̇ є҆гѡ̀ толи́кѡ па́че всѣ́хъ, и равноче́сна тогѡ̀ себѣ̀ сотвори́лъ є҆си̇. ѡ҆нъ же помы́слилъ ле́стїю вла́сть твою̀ *°погꙋби́ти°* †и҆ своѐ нача́лство прои҆звести̇. и҆ тѣ́мже на оу҆бїе́ние твоѐ оу҆готѡ́висѧ и҆ непреста́нно семꙋ поꙋча́етсѧ†

подобаѐ оубѡ ѻ то́мъ е҆гда̀ когѡ̀ такова́ѧ и҆спра́вити †хотѧ́щи ꙋ҆зрѧ̑† смертїю е҆гѡ̀ низлага́ютъ. до́ндеже хотѣ́нїѧ своегѡ̀ не соверша́тъ. семꙋ̀ же бывшꙋ̀ вси̑ втншинѣ̀ пребꙋ́демъ. дово́лни бѡ̀ мꙋ́дростїю чл҃вцы всѧ́кимъ ѻ҆бразомъ тщатсѧ, е҆́же невпасти взла́ѧ паде́нїѧ. а҆ ме́ншїи ра́зꙋмомъ и҆ страшли́вїи в̾па́даю̑ оубѡ кѡгда̀ и҆ промышлѧ́ютъ нѣ́какѡ. е҆́же своегѡ̀ и҆збавле́нїѧ и҆мже до конца̀ не поле́зни мꙋ́дростїю, а҆́ще в̾па́даютъ никогда́ же и҆збавле́нїѧ мо́гꙋтъ ѻ҆брѣсти̑ и҆ се подо́бно е҆́сть тре́мъ рыбамъ.

~~~~~~

.и҃.

ПРИ́ЧА СЇѦ ГЛ҃Е, Ѻ ТРЕ́ХЪ РЫБАХЪ.

Гл҃етсѧ ꙗ҆́кѡ внѣ́коемъ бла́тѣ бли̑ рѣки̑ сꙋ́щей три̑ рыбы пребыва́хꙋ. ѿ ни́ же бѧ́ше е҆ди́на мꙋ́дра̀ велми̑, дрꙋга́ѧ же ма́ло мꙋ́дра̀. тре́тїѧ же нека́кѡ и҆мать мꙋ́дрости, приключи́сѧ внѣ́кїи де́нь *двꙋ́мъ рыбаре́мъ* ми́мо и҆тти̑ **такова́гѡ бла́тца**, и҆ совѣща́стасѧ дрꙋ́гъ к̾дрꙋ́гꙋ. ꙗ҆́кѡ е҆гда̀ возвратѧ́тсѧ и҆ ї҆зловѧ́тъ и҆з бла́та ѻ҆́ногѡ рыбы, мꙋ́дрѣйшаѧ оубѡ рыба е҆гда̀ оуслы́ша совѣ́тъ и҆́хъ совѣ́тꙋющихъ ***та́кѡ*** и҆збѣжа̀ и҆збла́та. и҆ по́йде врѣкꙋ̀, про́тчїѧ же двѣ̀ рыбы не радѣ́ша ѻ своѐ спасе́нїи. ѻ҆ста́ша в̾бла́тѣ. Рыба́рїе же оубѡ доше́дше загради́ша бла́тѡ ѿ рѣки̑ соꙋтвержде́нїемъ. се́же ви́дѣвши средоꙋ́мнаѧ рыба раска́ѧсѧ, ка́ко неи҆збѣжа̀ пре́жде и҆ речѐ всеб҃ѣ̀ такова̀ е҆́сть нерадѧ́щихъ кончи́на кото́раѧ оубѡ хи́рость е҆́сть и҆нѣ̀ мое́мꙋ спасе́нїю но а҆́ще и҆ пойдꙋ̀ всꙋ́е по̑щꙋсѧ. ѻ҆ба́че е҆́лико ми
~~~~~~

ѐсть *трє́бѣ* да хитрствꙋю полє́знаѧ. та́же сотвори́ себѐ *ꙗкѡ мє́ртвꙋ. и҆ на водѣ̀ носи́мꙋ бѧ́ше, ѐже вѣ́ровавше ры́барїе. свои́ма рꙋка́ма ꙗ҆́ша ю҆̀ и҆ положи́ша ю҆̀ междꙋ̀ бла́то и҆ рѣко́ю и҆ а҆бїе вє́ржесѧ ѻ҆наѧ ры́ба в рѣкꙋ̀ и҆ спасена бы́сть, безꙋ́мнаѧ же ры́ба не и҆мѣѧ мꙋ́дрости бѣгавъ мно́гѡ **си́мо** и҆ ѻ҆ва́мѡ, ти неоуспѣ ничто́же тѣ нꙋ́жнѡ оу҆ловлена бы́сть.

Лѐвъ же речѐ є҆мꙋ̀, разꙋмѣ́хъ при́чю твою̀ мнѝбосѧ мнѣ̀ ꙗ҆́кѡ нѣ́сть лстѝ втелцы̀ никоеѧ̀ за нѐ нико́е же ѕло̀ пострада́лъ є҆́сть ѿ менѐ.

Ихни́ла же речѐ є҆мꙋ̀ за нѐ нѣ́сть є҆мꙋ̀ ѕло̀ ничто́же ѿ тебѐ, тогѡ ра́ди на тѧ̀ толи́кагѡ лꙋка́вства поꙋча́етсѧ толи́кѡ бѡ є҆́сть є҆гѡ̀ превознє́слъ є҆сѝ ꙗ҆́кѡ ни на є҆ди́нъ степе́нь твою̀ зрѣ́ти є҆мꙋ̀*. то́чїю неи́стовый бѡ мꙋ́жъ смирє́нїе пре́жде показꙋ́етъ до́ндеже и҆ са́нъ нѣ́кїй дости́гнетъ, є҆мꙋ̀ же нѣ́сть досто́инъ и҆ є҆гда̀ дости́гнетъ и҆ хи́трость слє́стїю сплета́ѧ и҆ на дрꙋгі́й са́нъ дости́гнꙋти, и҆ за и́но ничто̀ рабо́таетъ цр҃ю, то́чїю є҆́же полꙋчи́ти своѐ жела́нїе, и҆ твори́тсѧ кро́токъ. до́ндеже дости́гнетъ оу҆пова́нїе. и҆ є҆гда̀ полꙋчи́ па́ки на лꙋка́вый свой ѻ҆браща́етсѧ ѻ҆бы́чай, ꙗ҆́ко же пе́сїѧ ѻ҆пашъ є҆стество́мъ крива̀ сꙋ́щи и҆ неиспра́влена є҆гда̀ же **оу҆́жемъ** свѧ́жетсѧ и҆ протѧ́жетсѧ, тогда̀ пра́ва сꙋ́ть и҆ є҆гда̀ развѧ́зана бꙋ́детъ, а҆бїе крива̀ сꙋ́щи и҆ развраще́нна по своемꙋ̀ ѻ҆бы́чаю быва́етъ, и҆ сїе разꙋмѣ́й ѿ цр҃ю. не прие́млѧй ѿ свои́хъ прїѧ́тель слове́съ прїѧ́телны̀. подо́бенъ є҆́сть болно́мꙋ мꙋ́жꙋ. и҆́же бѡ вра́чъ дады́й болно́мꙋ полє́знаѧ бы́лїѧ, ꙗ҆́кѡ да исцѣлѣ́етъ. болны́й же не прїима́ше ѿ негѡ̀ бы́лїѧ цели́телнаго за̀ не гѡ́рко бѣ̀ ѕѣлѡ̀, и҆ нехотѧ́ше є҆гѡ̀ пи́ти горчины̀ ра́ди, себѣ̀ же здра́вїѧ тако́вый нерадѧ́ше, преслꙋ́шающь врача̀ ѿле ктако́вымъ гл҃етсѧ ꙗ҆́кѡ лꙋ́тчи є҆́сть

пѡ ѻ҆гню̀ змі́ѧмъ хода́ти, не́жели смиренныи҃ мꙋж҃е со злы́ми мꙋ-жи жи́ти.

Левъ же речѐ е҃мꙋ бл҃гоꙋмнѣ гл҃ешн. аще и҆ свирѣпенъ е҃си. но ꙋбѡ а҃ще и҆ вменимъ ꙗ҆кѡ вра́гъ ми бꙋде҃ теле́цъ, но не воз-може вредити мѧ. травꙋ оу҆бѡ ꙗ҆стъ а не мѧ́со па́че же а҃зъ, кро-вомдецъ сый и҆ тогѡ̀ бы́хъ снѣлъ. ѿ ꙗ҆коже и҆ человѣкъ не наꙋче́нъ всѧ́кой премꙋдрости, да ка́кѡ може҃ е҃гѡ̀ ненаꙋ҆че́нный премꙋдро стн. и҆ли̇̀ чи́мъ низложитиѿ.

Ихнила̑ же речѐ е҃мꙋ да сѧ̀ не прелсти́шн таковы҃ по́мыс-ломъ, гл҃етбѡ сѧ, а҃ще кто тѧ оу҆чреди҃ ѿбл҃гаѧѿ. невѣрѧ́ѧ е҃мꙋ своѧ̀ та́йны, до́ндеже ви́дишн вѣрꙋ е҃гѡ̀ и҆ дрꙋжелю́біе не ле́стію, да неподо́бнѡ пострa̍ждешн ꙗ҆коже пострада̀ *кори́да*.

.ѳ҃.

ПРИ́ЧА СІ́Ѧ, Ѻ КОРИ́ДѢ И҆ЛЍ Ѻ ВШИ, И҆ Ѻ БЛОХѢ.

Гл҃етсѧ ꙗ҆кѡ кори́да нѣкаѧ вт҃ѣле велмо́жи нѣкоегѡ, кры́ѧ-шесѧ не ма́ло вре́мѧ, пита́ющнсѧ ѿ крови е҃гѡ̀, ти́хѡ по́лзꙋю-щнсѧ невѣдомѡ. Бѧ́ше во еди́нꙋ же ѿ нощей прі́нде кнейгостьѧ блоха̀ и҆́же напрa̍снѡ безрa̍сꙋднѡ оу҆ѧзвн̀ спѧ́щагѡ, и҆ пробꙋ́дисѧ ѻ҆нъ же ско́рѡ воста́въ ѿ посте́ли и҆зыска́въ ѻ҆брѣте **кори́дꙋ** нѣ-кꙋю и҆ оу҆би̇̀ ю блоха́ же ѿско́чи и҆ ***і҆зба́влена бы́сть***.

Аще бо ты телца̀ не оубоишися, но е̑гда̀ востанꙋтъ на тѧ̀. и̑же оу тебѐ сꙋть тогда̀ всѧкѡ *и̑ оубиютъ тѧ*.

Левъ же таковымъ словесе́мъ вѣровавъ, и̑ речѐ е̑мꙋ чтѡ̀ оубѡ подоба́е творити ѡ̑ си́хъ г҃и мѝ.

Ихнила́тъ же речѐ е̑мꙋ. гнилый зꙋбъ и̑накѡ не и̑зцелѣетъ то́чїю да извлечется. и̑ зла́гѡ ꙗ̑стїѧ ꙗ̑дъ **благово́нїе** прого́нится.

Левъ же речѐ е̑мꙋ ѿ и̑хнила́те ѿсе́ле хо́щеши ли да рекꙋ е̑мꙋ, да и́де а̑може хо́щетъ и̑ та́кѡ и̑зба́влюся. поноше́нїи и̑ печа́ли ничто́же зла̀ возда̑ е̑мꙋ проти́во слꙋжбы и̑ любвѝ е̑гѡ̀ е̑же показа̀. комнѣ.

Ихнила̑ же речѐ зна́ѧ до́брѣ и̑ ꙗ̑кѡ а̑ще побесѣдꙋетъ теле́цъ солво̑ то разꙋмѣетъ ле́сть е̑гѡ. и̑ речѐ колвꙋ. мнимися не поле́зно та́кѡ быти, а̑ще оубѡ оуразꙋмѣе̑ теле́цъ ꙗ̑кѡ ненави́димъ е̑сть ѿ тебѐ напротивле́нїе и̑ на́брань ѡ̑полчится мꙋдрїи бѡ ц҃рїе ꙗ̑вѣ* мꙋча̑ согрѣша́ющагѡ, та́йно же мꙋчатъ та́йно согрѣша́ющагѡ.

Левъ же речѐ е̑мꙋ, е̑гда̀ ц҃рь ***наважде́ниемъ*** нѣкїимъ нанесетъ е̑мꙋ мꙋкꙋ. а̑ не и́стиннымъ сꙋдо̑ и̑ пра́вдою себѐ па́че ѡ̑безче́стїе влага́етъ и̑ ѕѣлѡ ѡ̑ве́ликъ сра́мъ и̑ не́нависть ѿ людей ве́лїѧ бꙋде̑ тогѡ̀ срамота̀.

Ихнила̑ же речѐ е̑мꙋ, е̑гда̀ придетъ ктебѣ теле́цъ гото́въ бꙋди и̑ расмотрѧй пе́рвїе бѡ пѡ̑ст҃їю е̑гѡ̀ разꙋмѣеши ꙗ̑кѡ †зло̀† совѣникъ** е̑сть. оузриши бѡ измене́нїе лица е̑гѡ̀. і̑ тре́петъ оудовъ е̑гѡ, и̑ на́деснѡ и̑ налѣвѡ коле́блющася и̑ рога́ми ѕѣлѡ̀ бости хотѧща. и̑ тогда̀ вѣрꙋй и̑стинны̑ г҃ломъ моимъ.

Лéвъ же речè ємȣ̀ ащє таковáѧ знáменїѧ вижду нанѣ, вѣрую глагóломъ твоимъ.

Восхотѣ же Ихнилаѳ тáйно итти̂ къ телцу̀ и воздвигнути єгѡ̀ на лвà по умыслїи сицє. аще безъ повелѣнїѧ лвóва бесѣдую стелцóмъ. и оуслышавъ таковое лéвъ разумѣетъ лéсть.

И ѿвѣщà ємȣ̀ Ихнилаѳ, аще повелиши ми̂ дандȣ къ телцу̀, и видѣвъ єгѡ̀ *исо́вѣсти*. и неоутаитсѧ совѣтъ* єгѡ̀. ѿ менè ѿ бесѣдъ бо имамъ разумѣти, и повели̂ ємȣ̀ лéвъ пойти къ телцу̀.

И шедъ Ихнилаѳ къ телцу̀ дрѧхлъ и прискóрбенъ.

Телéцъ же срáдостїю прїимъ єгѡ̀ **и окшснїй** вопроси̂ єгѡ̀, что̀ єсть вина̀. єже не прихóдиши кнáмъ.

Ихнилаѳ же речè ємȣ̀ кое добрѡ̀ єсть єже невладѣти собóю, и ходити всегда̀ гдѣ на неистинна и нетверда вѣрѣ.

Телéцъ же речè ємȣ̀ єгда̀ приключисѧ вещъ нѣкаѧ нóваѧ

Ихнилаѳ же речè ємȣ̀ кто̀ мóжетъ оубѣжáти ***сѣчи***, или кто̀ можетъ цр҃емъ рабóтаѧ, и близъ бываѧ ихъ безвреда̀ бȣдетъ, подóбни бо сȣть владȣщїи блȣдныѧмъ женáмъ примѣшáютсѧ, или̂ єгда̀ оучатсѧ дѣти писменéмъ коучителю оубѡ прихоящи. и ѿходѧ дрȣгъ дрȣга карáюще. не вѣси ли дрȣжбȣ и любóвь. ꙗже имѣхомъ посредѣ̀ нáсъ. и ꙗкѡ бы̂ азъ повиненъ тебѣ за нè та̀ и со лвȣ̀ приведóхъ, тогѡ̀ рáди хощȣ благоразȣмнѣ бесѣдовати к тебѣ. речè бо ми̂ нѣкто ѿ вѣрныи истинныи ꙗкѡ лéвъ бесѣдоваше в боля́ромъ своимъ. ****сїє**** ꙗкѡ телцà снѣста хощȣ. занè здесьлѣ.

и оутолстѣ. и сїѧ слышавъ прїидохъ возвѣстити совѣтъ егѡ тебѣ. ꙗкѡ да промыслиши о себѣ.

И ꙗкѡ оубѡ слыша телецъ таковаѧ словеса. и ізумѣсѧ. и мысливъ намнозѣ. и рече что *сотори хъ* лву. или болѧромъ егѡ ꙗкѡ таковаѧ мыслѣтъ о мнѣ инѡ ни чтоже токмо позавидѣша ми иже суть околѡ егѡ, и нѣчто лукавно изрекѡша о мнѣ лукавїи бѡ и завистливи мужїе ни когда добро за добрыхъ бесѣдуютъ.

Ихнила же рече ему, нѣсть ти ни ѿ когѡ вины точїю ѿ о лва присно бѡ той есть нелюбовенъ и нетвердъ в вѣре, и не **не разумивъ** первѣе сладокъ а пото после горекъ.

Телецъ же рече ему добрѣ реклъ еси в кусихъ бѡ сладости егѡ первїе и доспѣхъ бѡ нн҃ѣ и до горкагѡ ꙗда, за не неподобаше ми превати со лвомъ симъ кровождцѣ, травоядецъ сый но несытый мой ѡбычай таковому паденїю приплете мѧ, подобнѡ бѡ пострада безумнымъ пчеламъ имъ же добрѣ мнитсѧ сѣсти на *немфеовъ* цвѣ. и невостаю дондеже листвїе собравшесѧ и подавѧ ихъ иже нѣсть доволнїи о маломъ имѣнїи но простираѧ очи свои на многаѧ и лукаваѧ и далнаѧ*. а не промышлѧѧ о предни но заднихъ пострадаетъ. ꙗкоже и мухи тѣмъ бѡ недоволнѡ лѣтати по цвѣтамъ и по древїю, но множицею вѡоуши елефандовы влетавше и оудавлени бываютъ.

Ихнила же рече ему, остави многаѧ и нынѣшнѧѧ смотрѧи и ізобрѧщеши совѣтъ да избꙋвишисѧ ѿ смерти.

Телецъ же рече ему, вѣмъ азъ лвово помышленїе, ꙗкѡ

блгѡ єсть, нѡ ѻколнїи єгѡ лꙋкави сꙋще *наваживают* єгѡ і таковое творѧще собѡрище. аще и немощнїи сꙋть. но творѧт и неповинныѧ погибнꙋти, ꙗкоже волкъ, и лисица, и гавранъ сотвориша львꙋ и велбꙋдꙋ.

.г.

Притча сїѧ глѥ ѡ волкѣ и ѡ лисицѣ и гавранѣ, и ѡ львѣ и ѡ велбꙋде.

Глѣсѧ ꙗкѡ левъ нѣкїи пребываше вънѣкоемъ мѣстѣ. идѣже бѧше нѣкїи пꙋть близъ єгѡ бѧхꙋ же тамѡ ꙋ тогѡ льва три животна. любѧхꙋ дрꙋгъ дрꙋга. волкъ, лисица, гавранъ. шедше же мимо кꙋпцы. пꙋтемъ мѣста ѻногѡ ѡставиша на пꙋти велкꙋда и ѿидоша. тойже велбꙋдъ пришедъ колвꙋ сказа ємꙋх ꙗже ѡ себѣ. левъ же рече ємꙋ. аще любиши сомною быти не **ѿчюждаю** тѧ. но пребꙋди ꙋбѡ сомною безпечали вовсѧ дни живота своєгѡ покоѧ и пищи снами насыщаѧсѧ, и пребысть тамѡ велбꙋдъ не, мало времѧ. и во єдинъ ѿ днеи. изыде левъ на ло* и срѣтесѧ с єлефандомъ и сразишасѧ. побежденъ бысть левъ, и єгда возвратисѧ раненъ и ѻкровавленъ и лежа болѣзнїю ѻтѧгченъ, ниже ловити могїи ни смѣста понти. ѻскꙋдѣ ємꙋ пища, ѻколнїи же єгѡ не имѧхꙋ что ꙗсти ємꙋ дати поразмысли же ѡ семъ левъ и рече имъ мнѣтсѧ мнѣ ꙗкѡ бѣжати хощете ѿ мене, и рекоша ємꙋ вси мы сами ѡ ***тебѣ*** попецысѧ ****имамы**** и ꙗсти быти*

всѧкѹ бо нѹжнѹю пищѹ ѡбрѧщемъ себѣ нѡ о тебѣ скорбимъ аще како быхомъ возмоглй ѡбрести ползѹ нѣкѹю со ѹсердїемъ содѣѧли быхомъ.

Онъ же рече имъ. не ѹтаимисѧ ваше ѹсердїе. но разыдитесѧ всй ѿсюдѹ, да ѡбрѧщете пищѹ себѣ же й мнѣ. оний же ѿшедше мало нѣгдѣ. совѣщаша дрѹгъ кодрѹгѹ глаголюще. что намъ обещно свелбѹдо симъ травоѧдцемъ. инороднымъ, но аще ны есть годѣ сотворимъ лвѹ егѡ снѣсти.

Лисица же рече немочно есть намъ сегѡ сотворити й не изрещи колвѹ ꙗвѣ имать бѡ левъ ѡбещанїе кнемѹ.

Гавранъ рече имъ пребѹдите вы здѣ на мѣстѣ семъ, мене единагѡ оставите пойти колвѹ, й такѡ ѹбѡ пойде, й ꙗкѡ видѣвъ егѡ левъ рече кнемѹ. что пришелъ еси. егда нѣчто нѡво прилѹчисѧ.

Онъ же рече емѹ, како хощетъ намъ добро быти со иноплеменнымъ симъ велбѹдомъ но аще хощеши послѹшати насъ*, левъ же ни слышати хотѧ прогнѣвавсѧ. й рече емѹ ѿле дерзости й свирѣпства не вѣсѣли ꙗкѡ ѡбѣщанїе любезное, й согласїе кнемѹ сотвори, не подобаше ти таковаѧ бесѣдовати немощно мнѣ сегѡ сотворити, †ѿ писанїѧ бѡ навыкъ не скорѡ бѹди всѹдъ й вотвѣт ѡсѹжденїѧ. соломонѹ глаголющѹ не скоръ бѹди割 всловесѣхъ, апостолъ же не прежде времене сѹдите, азъ готовъ есмь тебѣ й всѧкомѹ дати ѿвѣт моегѡ ѹсердїѧ, приложимъ двери ѹшима во благо времѧ ѿверзати бжимъ глаголомъ й безгода затворѧти. ко влекѹщимъ вреднымъ пѣснемъ ѹправимъ окѡ данеиспаднемъ напраснѡ впохоть†.

Гавранъ же рече́ є̑мꙋ̀ добрѣ сꙋди́лъ є̑си̑ ѿ цр҃ю но є̑ди́на дш҃а за всегѡ̀ до́ма предае́тсѧ, и̑ до́мъ ве́сь ѻ̑градѣ, и̑ гра́дъ ѻ̑ странѣ̑ все́й и̑ страна̀ всѧ̀ ѻ̑ цр҃ѣ. а̑мы̀ оу҆бѡ ни҃ѣ скорби́мъ ѻ̑ тебѣ̑ лише́нїѧ ра́ди бра́шенъ. и̑ тщи́мсѧ да бы́хомъ тебѣ̑ ѻ̑брѣли по́льзꙋ и̑ і҆збы́ли бы́хо поноше́нїѧ. и̑ сї́ѧ ре́къ га́вранъ возврати́сѧ ксвое́й дрꙋжи́нѣ. и̑ сказа̀ и̑̑мъ всѧ̀ є̑ли́ко слы́ша ѿ ѻ̑лва̀ и̑ є̑ли́ко колвꙋ̀ бесѣдова.

Ѻ̑ни́ же слы́шавше и̑ смы́сливше ве́щъ нѣ́кꙋю таковꙋ̀. ꙗ҆́кѡ да всѝ в̑кꙋ́пѣ свелбꙋ́домъ пристꙋпѧ̀ колвꙋ̀. и̑ комꙋ́ждо ѻ̑бѣща́тї себе да́ти лво́ви во снѣ́денїе. и̑ є̑гда̀ є̑ди́нъ ѻ̑ себѣ̑ речѐ хвалѧ̀ себѐ да́ти лво́вѣ во снѣ́денїе, ꙗ҆́кѡ оу҆го́денъ є̑́смъ тогда вторы́й да ѿвѣщае́тъ похꙋлѧѧ гл҃ѧ. ꙗ҆́кѡ нѣ́си ты потре́бенъ напи́щꙋ, до́ндеже сло́во до́йдетъ и̑ до велбꙋ́да. и̑ се̑ смы́слиша, и̑ прї́идоша колвꙋ̀. и̑мꙋ́ще с̾собо́ю и̑ велбꙋ́да, и̑ пе́рвїе оу҆́бѡ га́вранъ, речѐ є̑мꙋ̀, зрю̀ тѧ̀ ѿ цр҃ю ѕѣлѡ̀ немощї́ю ѻ̑тѧгоще́нна, и̑ несы́тїемъ ѻ̑де́ржима, мно́га же бы́ша бл҃годѣ́ѧнїѧ твоѧ̀ на мнѣ̑, но не и̑̑мамъ бѡ ти. что̀ возда́ти проти́вꙋ то́чїю себѐ самогѡ̀ безъмешка́нїѧ снѣ́ждь мѧ̀.

Ѻ̑ни́ же рѣ́ша є̑мꙋ̀ всѝ преста́ни блѧдѣ́ти, поне́же бѡ̀ є̑си̑ ма́лъ бѣ̑ и̑ хꙋ́дъ.

Лиси́ца же речѐ є̑мꙋ̀ а̑́зъ бѡ тебѣ̑ цр҃ю дово́лна на пи́щꙋ бꙋ́дꙋ днє́сь.

Во́лкъ же речѐ є̑й преста́ни оу҆́бѡ и̑ ты̀ смра́дно бо є̑́сть тѣ́ло твоѐ и̑ напи́щꙋ не потре́бно, паче же ꙗ҆́зъ на пи́щꙋ оу҆го́денъ є̑́сть и̑ гото́въ.

Гавранъ же и лисица вкꙋпѣ ѿвещаста, аще кто бꙋдетъ песїѧ мѧса вкꙋсилъ то и твоегѡ вкꙋсити можетъ. аще же и вкꙋситъ то недꙋгъ чревный впасти можетъ.

Инѧше же и велбꙋдъ ꙗкѡ и о немъ тоже возглютъ, и рече велбꙋдъ аще и вси непотребни сꙋть но азъ плоти имамъ мнѡги и на пищꙋ сладокъ есть и на потребꙋ готовъ.

Они же вси вкꙋпѣ *ѿрекоша*. велми велми истиннꙋ реклъ еси ѡ велбꙋде, и **нападе** нанегѡ и расторгоша егѡ напраснѡ.

Боюж же сѧ***и азъ егда*** такожде пострраждꙋ ѿ слꙋгъ львовыхъ, аще бѡ левъ моеѧ погибели и не хощетъ нѡ околнїи егѡ на ѕло дѣло поꙋчаю. каплѧ каплющаѧ частѡ ****оуꙗзвлѧетъ**** камень тѣмже оуготовлѧюсѧ на протївленїе егѡ. нѣсть бѡ полза толика и похвална ни постникꙋ ни млстивꙋ ни молѧщемꙋсѧ еликѡ есть томꙋ иже избавити себе можетъ ѿ смерти, аще и единъ часъ.

Ихнила же рече †емꙋ трꙋдомъ великимъ нѣкогда обоймеши градъ или разорити законъ той день или и прославитисѧ ꙗкѡ при брезѣ вещи стоѧхꙋ пѡ омировой приче глемей близъ бѣды спасенїѧ не бꙋди. исполꙋ мертвъ. ꙗкѡ глеши сице есть добро велми претерпѣ ползꙋетсѧ† не подобаетъ бѡ никомꙋ же о своемъ спасенїи нерадѣти. но подобно есть прежде размотрѧти и хитрити. и потомъ бранѧ готовитисѧ, мрый бѡ мꙋжъ не покорѧетсѧ, дондеже низложитъ врага своегѡ послꙋшай оубѡ мене полезнаѧ тебѣ рекꙋ, иже бѡ ѿ своегѡ дрꙋга не приемлѧй прїѧтнаѧ словеса, пострадаетъ ꙗкоже и желва.

.а҃i.

ПРИ́ТЧА СІѦ̀, О̑ ДВꙊ̀ НОРЦА́ И̑ О̑ ЖЕЛВѢ.

Гл҃етсѧ ꙗ҆кѡ вънѣкоемъ исто́чнице пребыва́хꙋ два̀ норца. и҆ же́лва сними и҆ люба́хꙋ дрꙋ́гъ дрꙋ́га. нѣкогда же поде́хъ мно́гихъ. ѡ҆скꙋдѣ̀ вода́ ѿ и҆сто́чника и҆ стꙋжи́вше сі́и норцы̀ восхотѣ́ша бѣжа́ти ѿ мѣ́ста ѻ҆́ного.

И҆ речѐ и҆̂мъ же́лва, ва́мъ оу҆бѡ печа́ли нѣ́сть ѡ҆ ѡ҆скꙋдѣ́нїи воды̀ вы оу҆бѡ лета́юще крилы̀ свои́ми и҆̂мата ѡ҆бре́сти во́дꙋ. но мнѣ̀ є҆́сть ѡ҆ка́ѧннѣй го́ре занѐ не вѣ́мъ *гдѣ̀ запо́лсти* ми **мола́сѧ оу҆бѡ ва́мъ** да во́змете и҆ мене с̑собо́ю и҆ пренесе́те а҆̂мо же хощете.

Норцы̀ же реко́ша кне́й, а҆̂ще не пре́жде ѡ҆бѣща́єшисѧ на́мъ, ꙗ҆кѡ да не гл҃еши до́ндеже пренесе́мъ тѧ̀ а҆̂ще ли же та́ко необѣща́єшисѧ неи́маши пойти сна́ми.

Ѻ҆на́ же клѧ́твою ѡ҆бѣща́сѧ и҆̂мъ ꙗ҆кѡ да не прогл҃етъ на пꙋти̇̀.

Ѻ҆ни́ же взе́мше дре́во повелѣ́ша є҆́й ***оу҆хвати́тисѧ*** за то дре́во в̾полови́нѣ. и҆ є҆гда̀ оу҆бѡ оу҆ха́пи же́лва дре́во, кра́ѧ дре́во взе́мше воздвиго́ша на возд꙯ꙋ с̑собо́ю же́лвꙋ. и҆ слꙋчи́сѧ нѣ́кимъ чл҃вкѡ пꙋте́мъ тѣ́мъ ми́мо и҆тти̇̀ возрѣ́вше горѣ̀ ви́дѣша же́лвꙋ посредѣ̀ двою̀ норцꙋ ви́сѧщꙋ. оу҆диви́шасѧ гл҃юще ви́дите чю́дѡ и҆ зна́менїе же́лвꙋ оу҆бѡ посредѣ̀ двою̀ норцꙋ на воздꙋ́сѣ ****летѧ́щꙋ****.

Желва же слышавши сїѧ̀ ѿве́рзе оу҆ста̀ своѧ̀, прогл҃ати противо бесѣдѣ и҆́хъ и҆ та́кѡ падѐ на́ землю и҆ сокрꙋшисѧ.

Та́кѡ бѡ быва́етъ и҆́же не совершитъ кто̀ ѡ҆бѣщанїѧ, и҆ дрꙋжни словеса̀ нескрыетъ всебѣ.

Теле́цъ же "да ка́ко" начнꙋ ѡ҆ лво́вѣ погибели.

Ихнила҃ же речѐ, а҆́ще видиши на лвѣ зна́менїе таково́е, вѣрꙋй моимъ словесе҃, си́рѣчь ѻ҆чи ди́вїй и҆ крова́вый и҆ оу҆стремле́нїе неоу҆держа́нно и҆ калеба́нїе ча́сто ѻ҆пашн є҆гѡ̀ тогда̀ разꙋмѣй, ꙗ҆́кѡ на тѧ̀ гото́витсѧ тва́мъ что̀ гл҃ю таковы́хъ дѣлехъ, то́й тебѣ на́добно вѣдати, что́бъ не возноси́лось и҆но тебѣ крѣпкѡ и҆ мнѣ добро ктебѣ гл҃атит.

Той же вниде телецъ ко лвꙋ и҆ видѣвъ є҆гѡ̀ и҆змене́на ѻ҆бразомъ и҆ зна́менїѧ всѧ̀ ꙗ҆́же речѐ є҆мꙋ.

Ихнила҃ паказꙋющи на не́мъ ꙗ҆́рости испо́лнивсѧ, и҆ речѐ лꙋчше є҆҃сть вогнѣздѣ змїевѣ жити. не́жели оу҆ властелина не бл҃го серда и҆ сїѧ̀ речѐ ста на противле́нїе лвꙋ.

Видѣвъ же ле́въ такова́ѧ зна́менїѧ на телцы. и҆́же рече є҆мꙋ и҆хнилатъ прииллете́сѧ сни́мъ набра̀ и҆ оу҆би є҆гѡ̀.

.ві.

ПРИЧА СІѦ ГЛЕ. БЕСѢДЫ КО ИХНИЛАТУ Ѿ СТЕФАНИДА ПОУБІЕНІИ ТЕЛЦА.

Бѧше же тамо стефанидъ. и призва своегѡ друга [стефанида] ихнилата, и рече виждь лесть и злобꙋ *еже* сшилъ еси и кончинꙋ смотрѧй, лва бѡ посрамилъ еси телца же погꙋбилъ еси. и единомыслие нашеѧ дрꙋжбы* погꙋбилъ еси.

Не вѣсіли ꙗкѡ мри оубѡ совѣтники црѧ неоставлѧютъ на брань оустремитисѧ.

А гдѣ миромъ мощно есть оутоленію быти, то тако цре помощъ содѣваютъ паче же оуставити дрꙋжбꙋ.

Аще бѡ и врази противніи и они мꙋдростію побѣжденіе сотворѧютъ и таковымъ мꙋдрость паче силы и брани и многѡ славныхъ побѣждаетъ такожде и силныхъ.

Азъ же ѿнележе видѣхъ твою гордость и **лꙋкавство, разꙋмѣхъ** и познахъ ꙗкѡ не имаши добро творити никомꙋже, ни что же бѡ инѡ погꙋблѧетъ владалца, точію еже послꙋшати и приимати словеса ѿ таковыхъ иже еси и ты †таковымъ оуподобисѧ вилигнилію чтꙋ внꙋтрь согнившꙋ и егда преломитъ егѡ кто. тогда ѧвитсѧ нечистаѧ егѡ ꙗкоже еси и ты†.

Оукрашаю бо сѧ словеса разꙋмомъ а разꙋмъ правдою вправдѣ же тихость и смиреніе и блгозрачіе и образъ дшевныѧ доброты.

богатство бѡ и҆ м҃лтынѧ є҆гѡ̀ ктре́бѹющимъ таковы́хъ бѡ живо́тъ здра́вїѧ и҆ весе́лїе.

Разѹмѣ́хъ бѡ ѡ҆ си́хъ ꙗ҆кѡ м҃дрый всегда̀ ра́зѹмомъ бо́дръ є҆сть безѹ́мный же всегда̀ безѹ́мнемъ ѹ҆пива́етсѧ.

Та́кѡ бѡ стра́ждѹтъ и҆ лѣка́рныѧ ѻ҆чи, и҆̀же пре́жде бо́лны бы́ша и҆ ѿ лѣче́нїѧ по́лзѹ прии҆́мше. и҆ тогѡ̀ ра́ди немо́гѹтъ мно́гѡ ви́дѣти.

Ксѧ́къ бѡ ц҃рь рабы̀ таковы́ѧ и҆мѣ́ѧ, є҆́же є҆сѝ ты подо́бенъ є҆сть водѣ̀ ч҃тѣй и҆ кра́снѣй и҆спо́лненѣй [ннѣ] внѹ́трь ꙗ҆́довиты гадо́въ. к не́й же водѣ̀ живо́тное несмѣ́етъ прибли́житисѧ. а҆́ще и҆ ѕѣло̀ безво́дїемъ ѻ҆палѧ́е кто̀.

Та́ко и҆ тебѣ̀ лсти́ва сѹ́ща кто̀ види́, ка́ко хо́щетъ присво́итисѧ ц҃ревѣ. и҆ вѣ́рно є҆мѹ̀ слѹжи́ти. поне́же ѹ҆̀бѡ никогѡ̀ ви́диши вы́ше же сегѡ̀ твоегѡ̀ степе́ни и҆̀же є҆сѝ ты ѹ҆ лва̀ во че́сти.

Ꙗ҆́ко же бѡ мно́гое мо́ре свои́ми волна́ми стра́шно ꙗ҆влѧ́етсѧ пла́вающимъ. та́кожде и҆ ц҃ртвомъ лю́ди состоѧ́тсѧ.

А тебѣ̀ **безѹ́мномѹ є҆сть** и҆ немы́сленнѡе є҆́же вре́менно люби́ти когѡ̀ и҆ ра́доватисѧ ѿ є҆гѡ̀ ѿ поги́бели дрѹ́жнїи а҆ себѣ̀ по́лзы и҆ска́ти ѿ совѣ́та небла́га, ничто́ же и҆́но коснѣ́йшїи и҆ є҆щѐ же кси вѣмъ ꙗ҆кѡ тѧ́жекъ ти ꙗ҆влѧ́юсѧ, за нѐ такова́ѧ ти бесѣ́дѹю.

Соломо́нъ прем҃дрый ц҃рь є҆врейскїи речѐ. не ѻ҆блича́й злы́хъ да невозненави́дѧтъ тебѐ ѻ҆блича́й прем҃дра па́ки послѹ́шаетъ тебѐ таковы́й.

.г҃і.

Прича сїѧ глє҃. о двꙋ҃ дрꙋзѣхъ.

Глетъ бѡсѧ ꙗкѡ внѣкоей вѐси пребывахꙋ двà сосѣда. є҆динъ простъ а҆ дрꙋгїй лꙋкавъ, и҆мѧхꙋ междꙋ собою дрꙋжбꙋ.

Во є҆динъ же оу҆бо ѿ дней ходѧщимъ и҆мъ по́ полю, и҆ ѻ҆брѣтоша сокровище злата и҆ взѧща ѿ тꙋдꙋ. и҆ скрыша є҆ взємлѝ и҆ совѣщаша совѣтъ є҆гдà требѣ бꙋдетъ коликѡ намъ. тогдà мы̀ да взимаемъ ѿ злата, а҆ прочее взємлѝ ѻ҆ставимъ на сохраненїє и҆ помалꙋ взимаѧ такѡ. донде́же и҆ всѐ и҆знꙋримъ.

Симъ оу҆бѡ ѻ҆бразомъ надолго пребысть дрꙋжба и҆хъ. є҆динъ оу҆бѡ лꙋкавъ сый дрꙋгїй же препростъ, и҆ вѣроваше препростый ѻ҆нъ лꙋкавагѡ совѣтꙋ. скрыша злато ѻ҆нѡ по҆нѣкимъ великимъ дꙋбомъ. и҆ погребше возвратишасѧ воєвоѧси.

По нѣкїихъ же дне҃, и҆зыде той лꙋкавый и҆ прекрадѐ злато всѐ и҆ скрывсе на и҆но҃ мѣстѣ.

И по времени нѣкоемъ речѐ препростый дрꙋгꙋ своемꙋ лꙋкавомꙋ, и҆демъ и҆ возмемъ часть нѣкꙋю ѿ злата. и҆же и҆мамы взємлѝ. і и҆де снимъ дрꙋгъ є҆гѡ̀ лꙋкавый и҆ шедше землю раскопаша и҆ ничтоже ѻ҆брѣтоша.

Начатъ же оу҆бѡ дрꙋгъ є҆гѡ̀ лꙋкавый власы̀ своѧ терзати и҆ впе́рси бити и҆ не оу҆тѣшно вопити на простагѡ ꙗкѡ ты сокровенное злато взѧлъ є҆си.

Препростый же тмами клѧтвами тогѡ оу҆тверждаѧ. ꙗ҆кѡ ничтоже такѡ сотворихъ конечне е҆же кнѣкоемꙋ сꙋдїи тогѡ приведе.

Сꙋдїѧ же кдрꙋгꙋ лꙋкавомꙋ рече, а҆ще дрꙋга своегѡ такѡ ѡ҆клеветаеши даждь *поличное*.

Лꙋкавый же дрꙋгъ рече. дꙋбъ самъ свидѣтельствꙋетъ ѡ҆бнасъ и҆стиннꙋ, а҆ще и҆ безгласенъ е҆сть.

И шедъ лꙋкавый ко ѿцꙋ своемꙋ и҆ сказа е҆мꙋ ꙗ҆же ѡ҆ себѣ. и҆ оу҆моли давнидетъ ѻ҆нъ вдꙋбъ ѻ҆ный і҆ и҆здꙋба, да гл҃етъ. ꙗ҆кѡ препростый дрꙋгъ взѧлъ е҆сть сокровище.

Ѻтецъ же е҆гѡ рече а҆зъ оу҆бѡ сїе сотворю, но блюди на не во своихъ сѣтехъ ꙗ҆тъ бꙋдеши.

И втомъ часѣ ѻ҆ц҃ъ е҆гѡ шедъ вниде вдꙋбъ бѧше бѡ дꙋбъ дꙋпливъ*.

Сꙋдїѧ же пришедъ и҆ вопроси дꙋба и҆ бысть гласъ и҆здꙋба ꙗ҆кѡ препростыи взѧлъ е҆сть сокровище.

Сїе же слышавъ сꙋдїѧ, и҆ разꙋмѣвъ лꙋкавство. и҆ повелѣ дꙋбъ ѻ҆ный ѻ҆гнем запалити, и҆ а҆бїе разгорѣсѧ и҆ дымъ взыде на скрытагѡ ѻ҆ногѡ напраснѡ возопи. і҆ и҆звлеченъ бысть ѻ҆тецъ е҆гѡ, и҆ лесть и҆споведа, и҆ ѕѣло мꙋченъ бысть и ссыномъ своимъ. и҆ ѿꙗша оу҆ нихъ злато. такѡ бѡ повелѣ сꙋдїѧ бити и҆хъ и҆ возвратиша все злато препростомꙋ.

Такова̀ оу̑бѡ є̑сть лꙋка́вагѡ чл҃вка и̑ лстивагѡ кончи́на, а̑зъ оу̑бѡ всегда̀ твоєгѡ̀ ꙗ҆зыка боюся, ꙗ҆коже бѡ зꙋба змі́єва.

До́брѣ бѡ речѐ бѣгай лꙋка́ва мꙋ́жа, а̑ще и̑ сро́дницы и̑ ближ-ні́й бꙋдꙋ, подо́бнѡ сотвори́лъ є̑сѝ *кꙋбическое*.

.д҃і.

Прі́ча сі́ѧ гл҃етъ ѡ̑ кꙋпцѣ̀.

Гл҃е бѡ ся ꙗ҆кѡ нѣкі́й кꙋпе́цъ хотя̀ пойтѝ на̀ кꙋ́плю, и̑ положи́ **зало́гъ** оу̑ нѣкоєгѡ чл҃вка желѣза* и̑ є̑гда̀ возврати́ся ѿ кꙋ́пли и̑ прі́иде кнемꙋ, оу̑него́ же бѣ положи́лъ зало́гъ и̑ речѐ кнемꙋ дрꙋ́же дайже ми желѣзо моѐ є̑́же положи́хъ ти в̑залогъ оу̑ тебѣ̀.

О҆нъ же речѐ є̑мꙋ в̑нѣкоемъ кꙋтѣ †мѣстѣ† до́ма моєгѡ̀ по-гребо́хъ твоѐ желѣзо и̑ то̀ твоѐ желѣзо мыши и̑зꙗ҆до́ша, и̑ не-жа́лиси потѡ̑, поне́же ты кна́мъ здра́во пришє́лъ є̑сѝ. но прі́иди кна́мъ и̑ный дн҃ь да ѡ̑бѣдꙋемъ вкꙋпѣ̀. и̑ пора́дꙋемся ѡ̑ твое́мъ прихо́дѣ.

О҆нъ же послꙋшавъ є̑гѡ̀ шє́дъ и̑ ѡ̑бѣда оу̑ негѡ̀. и̑ пѡѡ̑бѣде и̑зыде хотя̀ пойтѝ в̑ до́мъ свой. и̑ а̑бі́е срѣте сн҃а є̑гѡ̀ тогѡ̀ чл҃вка є̑мꙋ же бѣ положи́лъ желѣзо и̑ ꙗ҆тъ є̑гѡ̀ и̑ ѿведѐ в до́мъ свой и̑ скры̀ є̑гѡ̀ вдомꙋ свое́мъ.

И возвратіся на стóгны своя̀ и̑ ѡ̑брѣте чл҃вка ѡ̑ногѡ. вопрошáюща всѣхъ ѡ̑ сн҃ѣ своéмъ, и̑ тóй речѐ кнемꙋ̀ а̑ще сн҃а своегѡ̀ и̑щеши а̑зъ видѣхъ є̑гѡ на воздꙋ́сѣ носи́ма ѿ ѡ̑рла̀.

Ѻнъ же возопи̑ всѣмъ и̑ речѐ видѣсте гдѣ ѡ̑рла̀ чл҃вка носяща повысотѣ.

Кꙋпéцъ же речѐ є̑мꙋ̀ и̑стиннѡ и̑дѣже мыше́ве желѣзо ꙗ̑дятъ. тáмо и̑ ѡ̑рли̑ чл҃вковъ восхищáютъ на высотꙋ̀.

Ѻнъ же позна̀ бывшее и̑ возврати̑ є̑мꙋ̀ желѣзо є̑ликѡ бяше пріялъ оу̑ негѡ̀ а̑ сн҃а своегѡ̀ взялъ.

Тáко и̑ ты̀ посрамишися ѿ и̑хнилáте занѐ лóжная словеса̀ плетеши.

Но злы́й ѿ таковы́хъ словéсъ ничтóже пріобрѣтáе, ѡ̑бá че да зовéтся ѕóлъ гóрькій плóдъ*.

Аще и̑ мнóжицею помáжется мéдо̑, не ѿлагаетъ своея̀ горчины̀ всладость* похвáлно бо є̑́сть всякомꙋ̀.

Ѹже смꙋ́дрыми любитися и̑ сними бесѣдовати ѿ лꙋкáвыхъ же и̑ лстивыхъ ѿбѣгáти подобáетъ.

Ꙗкоже бѡ вѣтръ смрáдъ вземлѐ и̑ повсю́дꙋ нóситъ и посмражáетъ всѣхъ.

Тáкожде лꙋкáвымъ чл҃вкомъ бесѣдꙋя посмражáется ѿ рѣчéй є̑гѡ̀, тѣмже и̑ є̑ще мнитмися ꙗ̑кѡ тяжекъ ти ꙗ̑вляюся занѐ тя тáко поꙋчáю.

Аще и всю ярость мирскую свести сия тако имъ беседующимъ посредѣ себе.

Левъ же раскаяся по убіеніи телчи.

Ихнилатъ же шедъ колву видѣ его дряхла и рече по что раскаяся о телцы невѣсили яко *уси оснувши* персть нѣкацемъ смертоносіемъ **напрасно отсѣкаются да не все тѣло** обоиметъ и погубитъ. и кто убо пощадитъ своего перста ради своего тѣла.

Слышавъ же левъ сицевая словеса и утѣшися вѣровавъ словесемъ лукаваго ихнилата лстиваго.

Философъ же рече. тако убо црю злый и лукавый мужъ аще себе превозноситъ посредѣ друговъ имѣющихъ любовъ и дружбу и любовъ ихъ во вражду и вмятежъ претворяетъ.

Црь же рече философу извести ми по убіеніи телчи како бысть ихнилатъ.

.еі.

ПРИЧА ГЛЕ ПОУБІЕНІИ ТЕЛЧИ.

Философъ же рече по убіеніи телчи. изыде вонъ леонто пардостъ. иже бяше учитель львовъ, и вѣрный совѣтникъ сей приступи ко братомъ ихнилатовымъ и слыша етефанида .крамо-

лжща и поношающа ихнилата, о нихъ же сотвори на телца яко не оубежиши рече ѿ львовыхъ рукъ аще бо таковая оувѣсть, никако же тя оставитъ вживыхъ.

Сія же слышавъ леонтопардосъ и оуразумѣ все подробну и втомъ часѣ шедъ кматери львовѣ и сказа ей вся елико слыша.

Егда же бысть оутро пріиде левъ кматери своей, и видѣ его мати дряхла, и скорбна кающася о смерти телца и рече кнему ѿ чадо раскаяніа печаль ничтоже ино твори члвку.

Точію тѣлу и оуму помраченіе но бодръ буди и нежалиси. вѣмъ бо и без речей твоихъ, яко за телца жалиши и малодушъствуеши, его же безвины оубилъ еси, и аще оубо праведный црь былъ еси *подобно быти* разъсудити о немъ.

Глѣ бо ся, яко да васъ другъ другу срца но ѡбаче рцы ми вкакой чти имѣлъ еси оу себя телца.

Левъ же рече присно оубо телецъ любовенъ ми бяше, и во всемъ вѣренъ, наказаніе мое пріемля и небяше ми ѿ поученія его ни коеже ѕло.

Нынѣ же паки каюся о мерти его и скорблю понемъ, за не познаваю яко не повиненъ ми бяше, но прелстихся словесы ложными лукаваго и льстиваго ихнилата.

Мати же львова рече. оуслышахъ ѿ нѣкоего достовѣрна ми яко зависти ради оболга ктебѣ ихнилаъ телца.

Левъ же рече кмтри кто есть сказавый тебѣ.

Она́ же речѐ є̑мꙋ подоба́етъ ти таины. любо́вныхъ храни́ти. не хранѧй бѡ та́йны вѣ́рныхъ си̇ ѻ̑безче́ствꙋетъ и̑ посрамлѧетъ свою̀ со́вѣсть.

Лꙋтчѐ є̑сть па́стисѧ ѿ высоты̀ на́ землю не́жели ѿ ꙗ҆зы́ка.

Ле́въ же речѐ, войныхъ прич҃ахъ пи́шетъ подоба́етъ такова́ѧ храни́ти. а̑ и̑дѣ́же ꙗ҆вле́нна ве́щь быва́е ꙗ҆́кѡ да ѻ̑би́димыхъ ѿ мще́нїе ѻ̑брести̇ тѣ́хъ согрѣше́нїѧ неподова́е прикры́ти.

Пр҃вный оу҆бѡ цр҃ь не поклевета́мъ мꙋ́читъ но ѿболга́нїѧ ра́ди томи́тъ да и́стиннꙋ и̑спытꙋетъ. а̑зъ оу҆бѡ сегѡ̀ бою́сѧ да-нека́кѡ та́кѡжде раска́юсѧ ѻ̑ и̑хнила́тѣ ꙗ҆́кѡже и̑ ѻ̑ телцы.

Ма́ти же льо́ва речѐ. не надѣ́йсѧ сн҃е да́сѧ бойши мои́хъ слове́съ.

Ле́въ же речѐ небою́сѧ твои́хъ слове́съ но хощꙋ и̑́стиннꙋ па свѣ́тъ и̑звести̇.

Она́ же речѐ є̑мꙋ бою́сѧ є̑гда̀ мои̇ гл҃ы мно́зѣмъ и̑звѣсти́-ши. и̑ а̑зъ безчл҃вчна ꙗ҆влю́сѧ.

Сїѧ̀ же гл҃ы слышавъ ле́въ ѿ ма́тери свое́й по́дробнꙋ. и̑ призва̀ всѧ̀ *ѻ̑крѡ́лїѧ* своѧ̀. призва̀ же ї и̑хнилата.

Видѣвъ же и̑хнила҃ льва̀ држхла и̑ жа́лости и̑спо́лнена и̑ речѐ ко ближнимъ си чтѡ̀ се зрю̀ льва̀ ско́рбна и̑ жа́лости и̑сполнена.

Ѻвѣща́въ же мт҃и льо́ва речѐ. не за и́но что̀ жалѣ́етъ но то́чїю нетерпи҃ твоє̑гѡ̀ зла̀ молча́нїемъ покры́ти, за нѐ тѧ̀ ѻ̑ста́вилъ є̑сть

досѣлѣ вживыхъ ходити, сотворилъ бо еси его окаянный лестїю телца оубити и самъ своимъ лукавство ему присвоился еси.

Ихнила же рече ксему, вижу яко всякъ *тщится* на благое готовъ есть да и злое постражде того ради.

Разумнїи же чловцы оставиша здѣшнее пребыванїе, еже жити с человки і изволиша паче пустыня.

Азъ бо прїятезь црвѣ сказахъ ему яже о телцыхъ.

Огнь бо сокровенный в камени желѣзомъ изгонится. и согрѣшенія елико испытуются и открыется толико паче же исправятся и аще убо быхъ вѣда яко согрѣшилъ есмь азъ небыхъ убо былъ но внѣкоемъ мѣстѣ сокровеннѣ пребылъ быхъ.

Но молюся црскому величеству, да или иному кому праведну испытателю да повели еже не имать истинну волжу претворити. ниже налица судити. ниже имать послушати моя зависники.

Многи бо таковыя обрѣтохъ и невеликое любленїе еже имѣяши ко мнѣ црь аще ли сїе сотворится о мнѣ не има ко иному прибѣгнути.

Точїю ко благоутробїю бжїю иже испытаетъ срца и оутробы. ксимъ же не боюся смерти, за не *о не оставленїя* всякому смерть.

†Близъ есть конецъ ленивыхъ, да готовится кранамъ†, и аще бы имѣлъ тмами душъ не бы пощадилъ сихъ црва ради оугодїя.

Ѿвѣща́въ же нѣкто ѿ боля́ръ речѐ.

Не бесѣдꙋй таковыхъ ѡ цр҃евѣ любвѝ нѡ̑ о нихъ же безакѡ́новалъ еси ѿвеща́й.

Ихнила̑ же речѐ не вѣси ли *ѡкая́нне* ꙗкѡ нѣсть ничто́ же в живыхъ чт҃ѣйшїй па́че дш҃ъ и́хъ и а́ще а́зъ ѡ себѣ не ѿвеща́ю комꙋ е́сть печа́ль ѡ мнѣ ѿвещева́ти. но прѡявилъ е́сѝ* всебѣ. и показался е́сѝ дрꙋгъ лицемѣрный. и не тве́рдъ вве́ре. ѡста́ви оубѡ е́же прест҃оя́ти цр҃ю и приближитися е́мꙋ.

Сїя̀ же слышавъ боля́ринъ і изыде оуны́лъ.

Ѧвова же мт҃и речѐ ко и́хнила́тꙋ, дивлюся а́зъ твоемꙋ свирѣпствꙋ ѿ и́хнилате, ꙗкѡ такова́я дерзнꙋлъ е́сѝ беззако́нꙗ сотвори́ти, и безсра́мныя гл҃ы кна́мъ бесѣдꙋеши.

Ихнила́тъ же речѐ. почто̀ на мя е́диныѧмъ ѡ́комъ зри́ши не вѣсили ꙗкѡ и́знача́ла ѡ́ба ѡ́на и́маши, но ꙗкѡ вижꙋ по пр҃кꙋ гл҃ющю. оуклони́шася вкꙋпѣ и непотре́бни быша, до единагѡ, и́же и́стиннꙋ любитъ цр҃ь бѡ за и́злишнаѧ своя̀ бл҃гости не ѡбличаетъ ни страши́тъ мя.

Мати же лвова речѐ видите лꙋкавагѡ сегѡ̀, и неистовагѡ ка́кѡ толи́кѡ беззако́нїя содѣялъ. и втакова̀ вели́кая в́па́дъ прегрешенїя. превратити начина́етъ и́стиннꙋ. и хо́щет своегѡ̀ лꙋка́вства словеса́ми всѣхъ прелстити.

Ихнила̑ же речѐ нѣсть лѣпо жена́мъ вмꙋжескїя вещи вхо-дити, нижѐ мꙋже́мъ вже́нскїя.

†Жена́ бо ӕ҆ки на оу́дѣ лестїю мꙋжа привлачи́тъ к себѣ. и ӕ҆ки ѻ҆тра́вою и҆ли̇ волхвова́нїемъ сла́сти ѻ҆бразо́ и ла́сковою бесѣ́дою на дꙋше́внꙋю зовꙋщи па́гꙋбꙋ, а҆́ще и҆ своѧ̀ да́ннаѧ на по-мо́щъ па́гꙋбитъ.

Блꙋ́дница же и҆ чю́ждаѧ нѣ́когда спасетъ.

Мно́гѡ ѻ҆ на́съ на́шъ бл҃гїй гдь творѧ̀ всѣ́мъ попече́нїе же́нское безсра́мїе.

Ꙗ҆́кѡ же оу҆здо́ю нѣ́коею стыдѣ́нїемъ возбрани̇. и҆ а҆́ще бы жена̀ на мꙋ́жа дерза́ла не бы̀ спасла́сѧ всѧ́ка пло́ть†.

Го́ре мꙋ́жꙋ и҆ до́мꙋ є҆гѡ̀, и҆дѣ́же ѻ҆блада́етъ жена̀.

Безꙋ́менъ бо є҆сть и҆́же ѿвѣща́етъ пре̑ цре́мъ безвопро́са, нижѐ зла́ѧ твори́тъ непрїѧ́тенъ никомꙋ́же. ниже ѿража́етъ при-ходѧ́щаѧ зла́ѧ.

Мт҃и же льва реч̀е да́тисѧ мни́тъ ѿ невѣ́рне. ꙗ҆́кѡ оу҆бо оу҆бѣжа́ти и҆́маши ѿ сꙋди́телнаго мꙋче́нїѧ, а҆́ще и҆ многѡсло́вїѧ плете́ши.

И҆хнила̑ же речѐ, каковы̀ сꙋ́ть и҆́же ло́жно творѧ́тъ, и҆ ѿ пра́выхъ оу҆клонѧ́ютсѧ мни́мисѧ нивсловесѣ́хъ нивдѣлѣ́хъ оу҆т-верже́ни.

Видѣ́ши льво́ва мт҃и, ѻ҆ си́хъ льва̀ ничто́же бесѣ́дꙋюща, ни гл҃юща, и҆ речѐ. солга́ша є҆ли́кѡ гл҃аша на и҆хнила́та ꙗ҆влѧ́е̑ бо сѧ ꙗ҆́кѡ и҆́стиннꙋ гл҃ѧ и҆́же пре̑ цре́мъ со дерзнове́нїемъ бесѣ́дꙋетъ и҆ ни ѿкого́ же возбранѧ́емъ, †се́й може̑ и҆́стиннꙋ во́лжꙋ претвори́ти†.

Тогда̀ повелѣ̀ цр҃ь ӥхнила́та втемни́цꙋ вовреещи ӥ ӧкова́ти ёгѡ̀. дондеже ӥспыта́етъ ӧ немъ ӥстиннꙋ.

Иѡ̀ ӧкова́нїй ӥхнила́товѣ, ӥсповѣда мт҃и лвꙋ ꙗ҆кѡ леӧнто пардо́съ сказа̀ ми̇ ёже ӧ ӥхнилатѣ.

Лѣвъ же речѐ ӧста́ви оу҆зри̇ бѡ ёго̀ что̀ хоще пострада́ти.

Нощїю же ко ӥхнила́тꙋ прїиде дрꙋгъ ёгѡ̀ стефани́дъ. ӥ ӧко-ва́на ёгѡ̀ ви́дѣвъ *прослезися* сїѧ̀ сꙋть*. ꙗ҆же ти пре́жде гл҃ахъ, но го́рдостїю ӥ высокоꙋ҆мнемъ побѣжде́нъ бывъ не прїима́ше мо-ӥхъ слове́съ, зри̇ оу҆бѡ **соверше́нїемъ**.

Ихнила̄ же речѐ ӥстиннꙋ ты ре́клъ ёси. непреста́нно нака́-зовалъ мѧ ёси̇ на поле́знаѧ, но а҆зъ не слꙋшахъ тебѐ несытїемъ бѡ своимъ содержимъ быхъ ӧкаѧ̀нны. ӥстинна бѡ ѿ тебѐ рече́сѧ.

Лꙋчше ёсть чл҃вкꙋ свой живо́тъ, не́жели всего̀ мира ӥмѣнїе, подо́бнѡ пострада́лъ болнымъ ӥже зна́ютъ ꙗ҆кѡ неполе́зно ӥмъ ёсть ѿ нѣкоего ла́комства. ѿ ӧно́го ꙗ҆стїѧ, но сластолю́бїемъ своимъ побѣжде́ни вкꙋшающе поврежда́ютъ себѐ. нн҃ѣ же не то́чїю ӧ себѣ̀ боюсѧ но помышлѧ́ю ӥ ӧ тебѣ, да не ра́ди дрꙋжбы ӥ любви̇. ꙗ҆же ӥмѣхомъ ꙗ҆тъ бꙋдеши ӥ ты̇. ӥ нꙋждею ӥсповѣси. ꙗ҆же ӧ мнѣ̀ ӥ ӧ тебѣ̀.

Стефани̇ же речѐ, ӥ а҆зъ такова́ѧ смыслихъ но пѡоу҆ча́ю тѧ ꙗ҆кѡ да ӥсповѣси согрѣше́нїѧ своѧ̀, ѿа не бꙋди ꙗ҆кѡ слѣпъ стрѣле́цъ нейскꙋсенъ, си́це. ӥ оу҆ченикъ. ӥли̇ дрꙋгъ ѿвѣтливъ по-гиба́етъ.

Болши* бѡ ти є҆сть здѣ̀ мꙋ́ченꙋ быти нежели воѡ҆́номъ в̾ бꙋдꙋщѐ вѣце.

Ихнила҃ же речѐ да потерплю̀ до́ндеже вижꙋ что̀ хо́щетъ быти.

Стефанї же. прискорбенъ бысть и҆ пришє вдо́мъ сво́й пристра́шенъ напои̇′ себѐ ꙗ҆́да смертоно́снагѡ и҆ ї҆здше.

На оу҆трї́ѧ же ле́въ призва̀ сꙋдї́ю леѡ́нтопардо́са ї и҆хнила́та ꙗ҆́кѡ давкꙋпѣ бꙋдетъ сꙋдъ. и҆ сошедꙿшимсѧ и҆мъ всѣмъ.

Речѐ же леѡ́нтопардо́съ ѿ во́ини и҆ дрꙋжи́на на́ша. црь нашъ непреста́нно пече́тсѧ оу҆бїе́нїи телца̀ и҆ ѡ҆ и҆хнилатовѣ зло со́вѣсти.

Про́чее оу҆бѡ а҆́ще кто̀ зна́етъ нѣчто̀ ѡ҆ не́мъ да гл҃етъ, не хо́щетъ бѡ црь на́шъ безсꙋда мꙋки навестѝ.

Сꙋдї́ѧ же сый речѐ. да и҆́же вѣсть кто̀ ѡ҆ таково́й ве́щи даисповѣсть.

Зо́лъ бѡ мꙋ́жъ, а҆́ще и҆ оу҆бїе́нъ бꙋдетъ потребле́нїе зло́бы быва́етъ и҆ наползꙋ про́чїи да поꙋ҆чаютсѧ.

Ихнила҃ же речѐ. помолчи́те всѝ а҆ и҆́же зна́етъ ѡ҆ мнѣ нѣчто да гл҃е. и҆ а҆́зъ ѡ҆ себѣ да ѿвещева́ю, а҆́ще же кто̀ не вѣсть начто̀ же да лжꙋ не гл҃е гл҃ѧ бѡ лжꙋ подо́бно пострадаждетъ **не оу҆мѣтелнагѡ** врача̀.

.ѕі.

ПРЇЧА СЇѦ̀ О НЕОУМѢТЕЛНОМЪ ВРА́ЧѢ.

Гл҃етъ бо сѧ. ꙗ҆кѡ нѣкїй вра́чъ прїи́де внѣкїй гра́дъ, прилꙋчи́жесѧ дще́рь властели́на гра́да тогѡ̀ внедꙋ́гъ *впасти*.

И повелѣ̑ нѣкїй вра́чъ премꙋ́дръ но слѣпъ ꙗ҆кѡ да былїемъ оу҆врачꙋ́етъ ѻ҆нꙋю болѧщꙋю.

И прише̑ оу҆́бѡ стра́нный вра́чъ ра́зъсꙋди́ти **ѻ҆ ї҆зоби́лїй** ѻ҆номъ, е҆́же завѣща̀ слѣпый вра́чъ, ***и҆ не ви́дѣнїе*** и҆ но былїе подо́бно томꙋ́ ****разто́ри**** и҆ да́стъ дв҃цѣ пити. ѻ҆нымъ же и҆спи́вши такова́гѡ былїѧ во́ чревѣ болѣзне́нны недꙋ́гъ **взе́мши**. и҆ нꙋ́жнѡ оу҆мре.

Роди́тели же е҆ѧ̀ е҆два̀ принꙋ́диша врачю̀ томꙋ ѿ ѻ҆ногѡ былїѧ и҆спи́ти, и҆ та́кѡ и҆спи́въ смертоно́сное пострада́въ.

†Та́кожде и҆ то́й постра́ждетъ и҆́же бесѣдꙋ́етъ и҆ твори́ лсти́вно ꙗ҆́же и҆ не вѣсть вка́ющихсѧ чинꙋ̀ бꙋ́детъ в̾темни́цѣ гл҃емей и҆ безъоу҆тѣшнойѣ†.

Воста́въ же е҆ди́нъ протомаге́ръ. речѐ про́чее послꙋ́шайте словесѐ моегѡ̀ ѿ дрꙋжи́на. ꙗ҆влѧ́етбосѧ и҆ѧнилатъ лсти́въ мꙋ́жъ и҆ лꙋка́въ гл҃етсѧ*.

Иже ймать кто̀ лѣвое ѻ҆кѡ мáлѡ и҆ мглѝвѡ и҆ *вижди* возвышены. и҆ є҆гдà хо́ди҃ главꙋ̀ до́лѣ преклоня́етъ то́й клеветни́къ є҆́сть и҆ лꙋка́въ сый слꙋхли́въ гро́ма нетéрпитъ. а҆ ѻ҆́чи нé мощнı҃й свѣ́та со́лнечнагѡ зрѣ́ти не мо́гꙋтъ.

Зри́мъ же ѹ҆бѡ ссгѡ̀ ѻ҆каѧ́ннагѡ ꙗ҆́кѡ тако́въ є҆́сть.

Ихнила҃ же речѐ всѝ є҆́сть мы по҃ небѡмъ и҆ никто́же ѿ на взы́де превы́ше не҃съ. а҃ сы́й бесѣ́дꙋѧ таковáѧ мнитъмисѧ ꙗ҆́кѡ мр҃ъ є҆́сть.

Не мнисѧ ѹ҆бѡ ѿ безꙋ́мне ꙗ҆́кѡ мр҃ъ ѹ҆бѡ воѻ҆чı҃ю твое́ю **берно̀** не ви́диши, а҆ и҆́же вѡ ѻ҆чı҃ю брата твоегѡ̀ сꙋче́цъ ви́диши. подо́бно бѡ постра́ждеши ѻ҆́нымъ жена́мъ.

.҃лı.

ПРИ҃ЧА СІ҃Ѧ О҆ ЖЕНА́ХЪ.

Гл҃етъ бѡ сѧ ꙗ҆́кѡ жены̀ двѣ̀ ***сꙋ́же҃*** ѿ плѣ́на избѣ́гши. и҆ на́зи хожда́хꙋ є҆ди́на же ѿ ни́хъ нѣ́кıѧ рꙋ́бы ѻ҆брѣ́те, и҆ сво́й стꙋ́дъ покрыва́ше ****ше́ствꙋющи**** дрꙋга́ѧ же речѐ кне́й, нестыди́шили сѧ ѿ ѻ҆каѧ́ннаѧ си́це безчи́нꙋющи и҆ нага ходѧ́щи всѣ҃ чл҃вкомъ на позо́ръ. точı҃ю малыми рꙋ́бищи срамотꙋ̀ свою̀ кры́є҆ши, ѻ҆на́ѧ же ѻ҆бра́щсѧ речѐ кне́й неблюде́ши ли безꙋ́мна свою̀ наготꙋ̀* поно́сиши, та́кѡжде и҆ вы̀.

Паче же ты ѿ проклѧтый протомагере ѩвилсѧ еси. не зриши ли себѣ каковы струпы имаши и дерзаеши прѣстоѧти црви, и такову рабѡту рукама своима ѡсѧзаеши.

Сїѧ же слышавъ протомагеръ и раскаѧсѧ не мало ѡ нихъ же реклъ есть и проплака злѣ.

Левъ же испытавъ ѩже ѡ протомагерѣ истинну. ѩкѡ такѡ есть ѿлучи егѡ ѿ себѣ и назнаменасѧ той судъ вписанїихъ ко истиннѣ на истѧзанїе*.

И паки затворенъ бысть ихнилатъ втемницѣ.

Нѣкто же другъ ихнилатовъ. прїиде кнему и сказа ему стефаниновѹ смерть.

Ихнилатъ же горькѡ возрыдавъ и речѐ.

Не подобаетъ бѡ ми уже животъ днесь ѩкѡ такѡва друга вѣрна и любовна лишихсѧ.

Добрѣ убѡ учитъ рекїи. ѩкѡ во времѧ искушенїѧ мужу *стичютсѧ* всѧ лютаѧ, ѡкѡ убѡ втѣлѣ или вдуши просвѣщаютъ.

И потомъ паки предста ихнилатъ судищу и видѣвъ егѡ воевода речѐ разумѣхъ ѿ ихнилате дѣла твоѧ. и нѣсть утаилосе ни едино ѿ сихъ.

Аще бы не бы црю блгоутробїе егѡ, велїе и неизчетное. не бы доселѣ ѡставилъ тѧ вживыхъ.

Иχнила҃ же речѐ, а҃ще неи҆зрече́нно є҆́сть ѿногѡ блгⷢ҇ѡу҆тро́біе. но твоѐ срⷣце проклѧ́то є҆́сть и҆ же́стокѡсе́рдо, вижⷣу бѡ̀ твоиⷯ похоте́й жела́ніѧ, ꙗ҆кѡ пре́жде ѡ҆сꙋжде́ниѧ моегѡ̀ сме́ртію ѡ҆сꙋжа́еши мѧ̀ но прерица́ю ти ѡ҆ се́й ве́щи. прⷭ҇но бѡ лꙋка́віи до́брымъ проти́вѧтсѧ и҆ ненавидѧ̀ и҆́хъ.

Сꙋдіѧ̀ же речѐ, преста́ни ѡ҆ сиχъ и҆χнила́те недосто́итъ бо лѧ́ромъ неи́стиннꙋ бесѣ́довати но ѡ҆блича́ти и҆ запрещати ненака́занныѧ мꙋ́жи.

Азъ бѡ поꙋча́ю тѧ̀ ѿ и҆χнила́те ꙗ҆кѡ и҆зво́ленъ здѣ̀ мꙋ́ченъ бы́ти не́же в̾бꙋдꙋщемъ вѣцѣ̀ и҆сповѣ́ждь и҆́стиннꙋ предо всѣ́ми на́ми.

Иχнила́тъ же речѐ, и҆́стиннꙋ ре́клъ є҆сѝ.

Подоба́е бѡ всѧ́комꙋ мромꙋ и҆збира́ти ѿ вре́менныχъ при́сно пребыва́ющаѧ. но не пови́ненъ є҆́смъ ѿ сегѡ̀ прегреше́ніѧ. и҆ неподоба́е ми прича́сникꙋ бы́ти сва́ми ѡ҆ проли́тіи кро́ви моеѧ̀.

Аще бѡ кто̀ накогѡ̀ лже́тъ ме́рзокъ и҆ безстꙋ́денъ ꙗ҆влѧ́етсѧ. колмѝ па́че же на себѐ лже́тъ ку́ю похвалꙋ себѣ̀ прио҆брѧ́щетъ, кто̀ ꙋ҆бѡ чистъ ѿ грѣха̀, а҆́ще и҆ є҆ди́нъ днь живе́тъ.

Блюди́те оу҆бѡ да не пото́мъ разка́етесѧ є҆гда̀, не возмо́жете ничто́же оу҆спѣ́ти, зри́те да непостра́ждете ꙗ҆́коже лжесвидѣ́тели.

.н҃і.

Прит҃ча сїѧ̀ ѻ҆ лжесвидѣ́тели.

Гл҃етсѧ ꙗ҆́кѡ нѣ́кїй крагꙋ́ѧръ *возжлѣ́* женꙋ̀ гд҃на своегѡ̀ є҆́же **лещѝ** снею̀, ѻ҆на́же не ѻбращашесѧ кнемꙋ̀, и҆ рꙁгнѣ́васѧ* крагꙋ́ѧръ, и҆ ѹ҆ловѝ внѣ́кїй де́нь двѣ̀ ***пти́ны зовѡ́мыѧ сѡ́й и҆ нагꙋ́и҆*** и҆ наѹ҆чѝ и҆̀хъ гл҃ати пе́рскї** ꙗ҆зы́комъ ꙗ҆́кѡ ви́дѣвъ є҆ди́нꙋ гп҃жꙋ свою̀ со вратаре́мъ па́дшꙋсѧ, а҆ дрꙋгꙋ́ю наѹ҆чѝ гл҃ати ꙗ҆́кѡ женѣ̀ гл҃ю ничтоже, во є҆ди́нъ ѹ҆бѡ ѿ дне́й приключи́сѧ гд҃нꙋ є҆гѡ̀ спе́рсы бесѣ́довати и҆ слышавше сѡ́й пе́рскимъ ꙗ҆зы́кѡ бесѣ́дꙋюща и҆ полюби́ша и҆̀хъ та́же слова̀. є҆̀же наѹ҆че́ни ѿ крагꙋ́ѧра. бесѣ́довахꙋ сѡ́й, и҆ слышавше пе́рсѧне, и҆сповѣ́даша гд҃нꙋ є҆гѡ̀. крагꙋ́ѧръ же речѐ, и҆ а҆́зъ свидѣ́тельствꙋю, ꙗ҆́кѡ та́кѡ дѣ́лѡ ѻ҆̀но є҆́сть ви́дѣхъ, гд҃нъ же речѐ по что̀ ѡ҆̀ же́но та́кѡ сотворила є҆сѝ разъѧра́сѧ хотѧ̀ женꙋ̀ свою̀, ѹ҆би́ти ѻ҆̀наже ꙗ҆́же о крагꙋ́ѧрѣ ꙗ҆́же сказа̀ своемꙋ̀ мꙋ́жꙋ ꙗ҆́кѡ ле́сть на ню̀ сши́лъ є҆́сть тогѡ̀ ра́ди ꙗ҆́кѡ не послꙋ́ша є҆гѡ̀ на скве́рное дѣ́ло, и҆ гл҃а жена̀ ꙗ҆́кѡ и҆́нꙋ бесѣ́дꙋ не зна́ютъ сѡ́й кромѣ̀ сегѡ̀ сло́ва и҆̀же на ѹ҆чи и҆̀хъ крагꙋ́ѧръ. пе́рсѧне же вопроси́ша сѡ́й ѻ҆ и҆́ныхъ нѣ́кихъ ве́щехъ и҆ ѻ҆брѣтѡ́ша и҆̀хъ ꙗ҆́кѡ ника́коже не **ви́дѧтъ** то́чию лꙋка́вое ѻ҆̀но и҆ ло́жное сло́вѡ прише́дшима ко крагꙋ́ѧрꙋ госпожа̀ є҆гѡ речѐ є҆мꙋ̀ ѡ҆̀ ѻ҆каѧ́нне не бои́шилисѧ бг҃а ꙗ҆́кѡ на мѧ̀ такѡва́ѧ лжесвидѣ́тельствꙋеши та́кѡ ли є҆́сть бы́лѡ дѣ́лѡ. ѻ҆̀нъ же речѐ та́ко є҆́сть дѣ́лѡ бы́лѡ, и҆ сїѧ̀ ре́кшꙋ є҆мꙋ̀. напра́сно вскочѝ гд҃нъ є҆гѡ̀ ко крагꙋ́ѧрꙋ і и҆звертѝ є҆мꙋ̀ ѻ҆́чи.

Такѡ и̂ ты пострáждеши здрꙋжи́ною своéю а҆́ще лжесвидѣ-тельствꙋ́еши на мѧ̀, и̂ никомꙋ́же возмо́гшꙋ и̂ѵхнилáта ѡ̂сꙋди́ти.

И та́кѡ затворе́нъ бы́сть и̂ѵхнилá въ темни́цꙋ. да и̂ *седмъ ю* мт҃и же лво́ва речѐ слы́ши цр҃ю прелéсника сегѡ̀ ко́зни и̂ злохи́трство и̂ всѝ и̂̀же чистотꙋ̀ произволѧ́ющꙋ и̂спра́вить и̂ сохранити́сѧ.

†И повѣ́да мнѣ̀ нѣ́кто ѿ и̂́хъ во́йскꙋ сѐ лтѝ сеѧ̀ бы́вый ѿ пре́лесныѧ бе́здны и̂ мра́чныѧ тмы̀ тéмное вавило́нское сѣмѧ разоре́ннагѡ столпотворе́нїѧ внꙋ́че.†

А҆́ще нечести́вагѡ сегѡ̀ ѿ ѡ̂сꙋжде́нїѧ ѿпꙋсти́ши, позна́й ꙗ̂́кѡ всѝ и̂̀же по̂ тобо́ю е̂́же хотѧ́тъ ѕло̀ сотвори́ти тебѣ̀ и̂ безпеча́ли сотворѧ́тсѧ. и̂звѣ́стїе бѡ прїи́мꙋтъ ꙗ̂́кѡ зла̀ ра́ди не пострáждꙋтъ ничто́же.

И ви́дѣвъ ѹ҆бѡ лéвъ на́стїне мтрне и̂ повелѣ̀ ꙗ̂́кѡ да ѹ҆-бїю́тъ и̂ѵхнилáта.

Та́же речѐ фїлосо́фъ, разꙋмѣ́й ѹ҆бѡ ѿ цр҃ю и̂ познава́й тако-ва́ѧ, ꙗ̂́кѡ всѧ́къ мꙋ́жъ и̂̀же сшива́е лéсть и̂ злѡ̀ на̀ дрꙋги своѧ̀ впа́даетъ вро́въ ю̂́же са́мъ содѣла.

Цр҃ь же речѐ разꙋмѣ́хъ ти таковꙋ̀ при́чю но а҆́ще ска́жеши ми дрꙋгꙋ́ю при́тчю ѡ̂ дрꙋзѣ́хъ, и̂̀же лю́бѧтсѧ въ лю́бви при́но пребыва́ю.

Фїлосо́фъ же речѐ дрꙋгꙋ̀ вѣ́рнꙋ нѣ́сть и̂змѣ́ны вездѣ̀ сꙋ́щи* и̂ да скажꙋ̀ же сїѧ̀ всѧ̀.

.ѳі.

Прича сїа глє, ѡ гавранѣ и ѡ мыши и ѡ сернѣ. и ѡ желвѣ, ѡ любовныхъ друзѣхъ сїа прича глетъ.

Глетъ бысѧ ꙗкѡ внѣкоемъ градѣ мѣсто єсть оугодѡ на ловъ на немъ же мѣстѣ бѧше дꙋбъ *дꙋпленъ* велми высокъ внемъ же вогнѣздѧшесѧ гавранъ.

Во єдинъ оубѡ ѿ дней видѣвъ гавра люта ловца идꙋща и разꙋмѣ* оубѡ мрежи носѧща врꙋкꙋ єгѡ жезлъ держаща и тогѡ видѣвъ гавранъ оустрашисѧ и оумысли себѣ пребывати на томъ мѣсте. идѣже гнѣздѡ єгѡ бѧше дондеже оузритъ что бꙋдѣ єже сотворити хощѣ ловецъ.

Ловецъ же ѻнꙋ мрежꙋ простеръ и поверже внюю зерна пшеничнаѧ. нѣкїи же голꙋбъ болшїи ѿ иныи видѣвъ зерна пшеничнаѧ, мрежи же не оузрѣ впадесѧ внюю и спротчими голꙋбми.

Ловецъ же сїе видѣвъ велми возвеселисѧ ѡ тѣхъ и начаша голꙋбїе во мрежꙋ кождо ихъ смꙋщатисѧ и коиждо ихъ спасенїѧ искати.

Болшїи же на ними голꙋбъ рече имъ не бойтесѧ но вкꙋпѣ дрꙋгъ дрꙋгꙋ поможемъ, ꙗкѡ да возможемъ крилы своими мрежꙋ двигнꙋти.

Оний же тако сотвориша и воздвигоша мрежу на воздухъ, и се видѣвъ ловецъ удивися, и убо не остави ихъ но послѣдова по нихъ многω мнѣвъ ıакω не много имутъ летати.

Гавранъ же все соблюдаше ѿ нихъ дѣйственная по нихъ идяше зря что хощетъ быти.

Рѣша же голуби е всебѣ летяще дру ко дру.

Ловецъ убω послѣдствуетъ намъ да аще по полнымъ мѣстамъ летати имамы не оставитъ насъ ловецъ аще же по горнымъ мѣстамъ летати имамы, то скоро оставитъ насъ, ти ничтоже бжиихъ щедротъ болши есть, тѣмже отчаявыйся самъ ся смерти предастъ.

И аще такω сотворимъ болшiй голубъ рече по непроходнымъ мѣстамъ летанiе сотворимъ, и тако избудемъ ловца, еже и бысть.

Аще же имамы на томъ пути мышъ и аще до нея дойдемъ вскорѣ юзы наша претергнувъ свободитъ насъ.

Се же видѣвъ ловецъ внедоумѣнiи бывъ и внѣчаянiи жалѣя по мрежи остави голуби и возвратися.

Гавранъ же послѣдоваше голубямъ да узритъ дѣлω спасенiя ихъ вкупѣ же и любимую ихъ мышъ. ıакω до идоша голуби до оного гнѣзда мышея и сѣдоша на землю.

Мышъ же изыде изгнѣзда своегω и виде друга своегω голуба, и срадостiю прiятъ егω и рече что тя таковымъ юзамъ приплете любимиче мой.

Го́лꙋбъ же речѐ с҆ча́сть моѧ̀ таковы̑ мѧ ю҆за́мъ лю́тымъ приплетѐ ꙗ҆́кѡ ѡ҆слѣпле́нъ бы́хъ на зе́рна пшени́чныѧ и҆ ѡ҆блако-ми́хсѧ и҆ ѡ҆ се́мъ во мре́жи се́й ꙗ҆́тъ бы́сть, и҆ нѣ́сть ди́вно ѡ҆ се́мъ ꙗ҆́кѡ а҆́зъ впадо́хъ втаково́е паде́нїе и҆бѡ и҆ бо́лшаѧ менѐ вгорнѧѧ впада́е҆тъ *сице* бѡ лꙋ́нꙋю помрача́етсѧ лꙋна̀ же с҆ѣнїю земно́ю покрыва́етсѧ и҆ морска́ѧ ры́ба и҆звлача́етсѧ, и҆ пти́цы нб҃ныѧ ѿ возд꙽ꙋха сво́дѧтсѧ, є҆гда̀ повелѣ̑но и҆́мъ ѿ бг҃а бꙋ́детъ сїѧ̀ же рекшꙋ го́лꙋбꙋ.

На́ча̀ мы́шъ пере҆ѣда́ти ю҆́зы мре́жныѧ.

Го́лꙋбъ же ѿвеща́въ и҆ речѐ. начни̑ пре́жде ѡ҆свободи́ти сꙋ́-щїѧ подомно́ю го́лꙋби и҆ пото́мъ менѐ разрѣши̑.

Мы́шъ же не послꙋ́ша разрѣши́ти всѣ́хъ то́чїю дрꙋ́га свое҆гѡ̀ люби́магѡ болша́гѡ го́лꙋба, и҆ ꙗ҆́кѡ надо́лзѣ простира́ше го́лꙋбъ сло́во и҆ не послꙋ́ша сло́ва є҆гѡ̀ мы́шъ.

Рече́ же є҆́й го́лꙋбъ ни поробщи̑ ни пререкꙋ̑й люби́маѧ ѿ мы́шъ ѡ҆ ни́ же ти бесѣ́дꙋю, поне́же ѹ҆бѡ да́лъ ми̑ є҆́сть бг҃ъ ѡ҆б-ла́сть на̑ тѣ́ми го́лꙋби всѣ́ми и҆ досто́итъ ми, ꙗ҆́кѡ да промышлѧ́ю ѡ҆ ни́хъ вѣ́рно бѡ ми̑ и҆ при́ѧтно порабо́та же, за посо́бствїе, и҆ подо́бствїѧ, є҆́же и҆ поспѣ́шенїе и҆́хъ. бг҃ъ да свободи̑ на́съ ѿ сѣте́й ловѧ́щихъ бою́жесѧ да не менѐ пре́жде развѧза́въ ѡ҆ си́хъ ѡ҆бле-ни́шисѧ лꙋ́чше бѡ ми є҆́сть да а҆́зъ во ѹ҆за́хъ си́хъ бꙋ́дꙋ. ѻ҆ни́же да свобо́дѧтсѧ не́жели а҆́зъ є҆ди́нъ свобо́денъ бꙋ́дꙋ ѡ҆ си́хъ.

.к҃.

Прича глетъ, ѡ мышѣ и ѡ гавранѣ.

Видѣвъ же гавранъ бывшее и сниде кмышъю гнѣзду, и пригласи ѻнъ мышъ, мышъ же рече кто єси ты любимиче.

Ѻнъ же рече азъ єсмъ гавранъ видѣ твоє оусердїє єже имаши кдругомъ твоимъ восхотѣхъ и азъ имѣти дружбу стобою и ѡ семъ прийдохъ ктебѣ.

Мышь же рече кая ѡбщина єсть тебѣ и мнѣ*. подобаєтъ бѡ мудрому силная искати а немощная небрещи иже бѡ таковая начиная, оуподобился єсть мужу иже по водѣ вози кола а по суху корабль, какѡ бо буду тебѣ другъ пища и ѿдеждаѿ тебѣ єсмъ.

Гавранъ же рече, разсуди твоимъ добрымъ помысломъ полезная ти нѣсть бѡ ми ни єдиная полза, аще и съѣмъ тя полезно ми єсть. аще ты вживыхъ будеши и поспѣшествуєши ми ѡ всемъ, не подобаєтъ бѡ ти тща ѿпустити мя ѿчаянїя моегѡ извѣстїє имамъ. ѡ любви твоей, ихъ же имаши кдругомъ твоимъ аще не бы ты показала єси сама мнѣ.

Мра бѡ мужа добродѣтель велїя оуподобися блгоуханїю, иже греческий языкомъ зовется мусхусъ*. иже той мусхусъ покрываємъ является, и не скрывается ради своегѡ блгоуханїя.

Мышъ же рече. велїа є҆сть на́мъ ѻ҆бы́чнаѧ вражда̀, ле́въ бо сы́й с̾ е҆лефа́ндо̑ при́сно вражду́ютсѧ ꙗ҆́кѡ мы́шъ *скꙋ́шкою*, и҆ не подоба́етъ врагꙋ̀ вѣ́ры ѧ҆́тн, вода̀ бо а҆́ще и҆ ѡ҆гне́мъ согрѣва́ема но. сво́й ѻ҆бы́чай не ѿлага́етъ, возлива́ема оу҆бо на ѻ҆́гнь пагаша́е̑ є҆гѡ̀ а҆́ще и҆ оу҆кропъ є҆́сть.

Га́вранъ же речѐ, разꙋмѣ́хъ ꙗ҆́же. гл҃еши. но моѧ̀ любо́въ, ꙗ҆́же и҆́мамъ стобо́ю сотвори́ти, не та́кѡ бꙋ́детъ но тве́рда і҆ и҆звѣ́стна.

Ꙗ҆́коже бо зла́тый сосꙋ́дъ трꙋдо̑ и҆сковаетсѧ *и҆ ѻ то́мъ* не сокрꙋша́етсѧ, скꙋде́лный же оу҆бо сосꙋ́дъ вско́рѣ твори́тсѧ и҆ **оу҆до́бъ** разсыпа́етсѧ.

Та́кожде и҆ сꙋ́щаѧ и҆́стиннаѧ любо́въ є҆два̀ соверша́етсѧ, но нерꙋши́ма пребыва́етъ, не чи́стаѧ же и҆ не и҆стоваѧ любо́въ ско́ро составлѧ́етсѧ и҆ оу҆до́бнѣе разъсыпаетсѧ.

Мы́шъ же ѿвѣща́въ речѐ прїе́млю ти любо́въ за нѐ никогда̀ когѡ̀ молѧ́щихъ ми́сѧ тщи́хъ ѿпꙋсти́хъ. а҆́ще бо вѣ́рꙋ свою̀ несоблюде́ши, но а҆́зъ твои́мъ словесе́мъ вѣ́рꙋ и҆мꙋ̀ вѣ́мъ бо а҆́ще и҆ похва́лишисѧ когда̀ и҆ рече́ши, ꙗ҆́кѡ ѻ҆брѣто́хъ мы́шъ безꙋ́мнꙋ, и҆ прелсти́хъ ю҆̀ и҆ снѣдо́хъ. бе че́стїе ти бꙋ́де̑. и҆ сїѧ̀ речѐ мы́шъ и҆зы́де и҆згнезда̀ но не всѧ̀.

Га́вранъ же речѐ почто̀ неисхо́диши всѧ̀.

Мы́шъ же речѐ и҆́же вжитїи се́мъ сꙋ́т пребыва́ющїи двои́ма ве́щьми, ѻ҆вїи бо лю́бѧтсѧ за́поведи ра́ди бж҃їѧ любо́въ творѧ̀ і҆ дрꙋ́зїи же теле́снымъ ра́ди потребы лю́бѧтсѧ.

Сїй же подобни сꙋть ловцꙋ иже помещꙋ пшеницꙋ *волшве́нїѧ* птица̑ бѡ ползꙋ творѧтъ а̑ не себѣ̑*.

Тыже не зна́еши что̀ любо́въ творю̀ стобѡ́ю то́чїю моле́нїѧ ради твоегѡ̀, и̑ ничто́же но возбраниꙗ́етъ ми и̑зы́ти ктебѣ̑ то́чїю е̑ди́на и̑ли̑ ме́ншїѧ тебѐ га́враны за не̑ боюсѧ и̑хъ ви́дѣти видѣ̑нїемъ бѡ̀ подо́бны сꙋть тебѣ̑ о̑бычаемъ же не сꙋть подо́бны.

Га́вранъ же речѐ не бо́йсѧ си́хъ ра́ди оу̑вѣре́нїѧ бѡ̀ ра́ди любле́нїѧ моегѡ̀ ктебѣ̑. е̑́же люби́ти любо́вныхъ враждова́ти же врагѝ и̑ ꙗ̑́коже а̑зъ люблю̀ тѧ̀ та́кѡ и̑ о̑ни̑** люби́ти тѧ̀ и̑мꙋтъ сїѧ̀ ре́кшꙋ га́вранꙋ.

Изы́де мышъ всѧ̀ и̑згнѣзда̀ своегѡ̀ и̑ любо́въ посредѣ̑ и̑хъ соверши́сѧ.

Во еди́нъ оу̑бѡ ѿ дне́й речѐ кмы́ши га́вранъ зрю̀ до́мъ тво́й ꙗ̑́кѡ бли̑ пꙋтѝ е̑́сть и̑ бою́сѧ да не менѐ ра́ди познана бꙋ́деши и̑ поги́бнеши, новѣ̑ мѣ̑сто ѿлꙋче́нѡ ѿ чл҃вкъ*, и̑ про̑чаѧ разли́чнаѧ пища.

Имамъ же на то́мъ мѣ̑стѣ и̑ же́лвꙋ го́стю и̑ хощꙋ да и ты̀ по́йдеши та́мо ї и̑ма́ши пита́тисѧ и̑ пребыва́ти сна́ми.

Мышъ же речѐ пойдꙋ стобѡ́ю ї а̑зъ возненави́дѣхъ бѡ̀ здѣ̑шнее пребыва́нїе вины̀ ра́ди, о̑ не́й же скажꙋ ти е̑гда̀ до мѣ̑ста о̑ногѡ до́йдемъ и̑же ми е̑си̑ и̑сповѣ̑далъ.

И взе́мъ га́вранъ мы́шъ за о̑пашъ нося́щи, и̑ ѿ несѐ ю̑ консто́чникꙋ о̑нѡмꙋ внѐмже пребыва́ше же́лва.

Желва же видѣвши гаврана мышъ носѧща и оубоѧсѧ мнѧ ꙗкѡ чюжъ есть и скрысѧ вводꙋ.

Гавранъ же положи мышъ на землю и наима желвꙋ призва.

Она же гласъ егѡ познавши. изыде кнемꙋ и вопроси егѡ ѿкꙋдꙋ прїиде.

Онъ же сказа всѧ бывшаѧ о голꙋби и о мыши.

Гавранъ же рече кмышѣ обѣшаласѧ еси ми ꙗкѡ егда доидомъ до мѣста сегѡ и скажеши ми ꙗже о себѣ.

Мышъ же рече азъ первїе пребыванїе имѣѧхъ оу нѣкоего мниха вкелїи, ꙗдѧхъ оу негѡ всѧ потребнаѧ снѣденїѧ, иже онъ имѣѧше вкелїи своей и егда азъ насыщахсѧ. онъ же послѣ мене прочаѧ останки моѧ снѣдаѧ и егда что остави ѿ того. азъ же и тое досталное предаѧхъ на снѣдь прочимъ мышамъ и множицею той мнихъ *развалївааѧ* келїю свою и ово перестави на иное мѣсто мнѧсѧ ꙗко да обрѧщетъ мѧ и не воможе мѧ обрести никогдаже, иногда тоубѡ и кропитъ повѣшаше ѿ мене пищꙋ свою, ꙗкѡ да оубежитъ моегѡ врежденїѧ, и невозможе никакоже бѣжати.

Во единъ же оубѡ ѿ дней, странникъ нѣкїи мнихъ прїиде кнемꙋ и начаша дрꙋгъ кодрꙋгꙋ бесѣдовати мниси. оной же мнихъ тꙋтошной. плещаше рꙋкама своима, страшаше мѧ вопроси егѡ странный онъ мнихъ вины о нихъ же плещаше. онъ же сказа емꙋ, ꙗкѡ мыши ради плещꙋ, есть бѡ мышъ вкелїи моей есть безъсрамнаѧ и бѣ пакоснаѧ и безстрашнаѧ, и многїѧ пакости твори ми но молю тѧ поищемъ пꙋти входа гнѣзда еѧ азъ же тогда слꙋчихсѧ вгнездѣ моемъ. и егда

же оу҆слы́ша҆ а҆зъ таковыѧ и҆хъ гл҃ы и҆збѣго́хъ ѿтꙋ́ды и҆згнѣзда̀ моегѡ̀ воинъ до́мъ внидо́*.

И҆мѣла же вгнѣздѣ̑ мое́мъ ты́сѧщꙋ златни́цъ ꙗ҆́же пости-ла́хъ по̑собо́ю, и҆ мно́гѡ мр̑ствовахъ ѡ҆ ни́хъ ѕѣлѡ. и҆ раскопа́вше оу҆бѡ мниси зе́млю и҆ ѡ҆брѣто́ша вгнѣздѣ̑ мое́мъ златникѝ и҆ взе́м-ше зла́то сра́достїю. и҆ реко́ша себѣ̀ сїѐ зла́то *распала́ше* мы́шъ. и҆ па́кости на́мъ творѧ́ше. но ѿсѣлѣ̑ та̀ мы́шъ посра́млена и҆ сми-ре́нна и҆ кро́тка бꙋ́детъ и҆ ѿ тогѡ̀ часа̀, ꙗ҆́кѡже рекѡ́ша мниси ѿи҆ѧ-сѧ крѣпость моѧ̀ ѿ менѐ. и҆ низложи́сѧ высокоꙋ́мїе моѐ. **и҆ пре́ѡ҆би́дѣна бы́въ ѿ все́хъ тꙋ мыше́й**.

Во́йный же дн҃ь восхотѣ̑хъ а҆зъ вскочи́ти вохрани́лницꙋ ко мни́-хомъ и҆ насы́титисѧ мни́шескаго ꙗ҆́стїѧ. и҆ невозмого́хъ тогѡ̀полꙋ́чити.

Сїѐ ви́дѣвше про́тчїи мы́ши, ꙗ҆́кѡ немо́шна е҆́смъ и҆ во-ста́ша на мѧ̀ и҆ вразѝ мѝ бы́ша а҆зъ же оу҆диви́хсѧ ѡ҆ то́мъ ꙗ҆́кѡ зла́та ра́ди дрꙋ́зи и҆ сро́дницы составлѧ́ютсѧ, и҆бѡ зла́та ра́-ди блага́ѧ со́вѣсть и м҃дрость пребыва́етъ и҆ показꙋ́етсѧ. неимы́й же бога́тства кто, скорбе́нъ е҆́сть всегда̀ и҆ ме́рзокъ всѣ̑мъ ꙗ҆в-лѧ́етсѧ. и҆ безꙋ́менъ и҆ непотре́бенъ.

А҆щели кто̀ оу҆бѡ ни́щъ и҆ оу҆бѡ́гъ мꙋ́жъ а҆ хра́бръ ѡ҆нъ храбръ срѧ́щетсѧ, бога́тїи тогѡ̀ нари́чю̑. безꙋ́мна и҆ бꙋ́ѧ.

А҆щели кто̀ кро́токъ и҆ смире́нъ бꙋ́детъ таковы́й не́мощенъ ѿ бѡга́тыхъ нари́четсѧ.

А҆ще ли бл҃гїѧ бесѣ̑ды бесѣ̑дꙋетъ тогѡ̀ многѡ̀гл҃ива и҆ блꙋ-дика̀ и҆менꙋ́ю*.

А҆ще ли же молчали́въ бꙋ́детъ безꙋ́мѣ̑ таковы́й нарица́етсѧ.

Но лꙋчши ѐсть ѿ сегѡ̀ житїѧ̀ ѿити нѐжели *слнцѐмъ своимъ ѝмѣти срⷣа неимѣнїѧ ра̀ди*. и̑ сїѧ̀ оу҆бѡ ми помышлѧ̀ющꙋ н҆ ви̑дѣвъ стра̀ннагѡ ѻ҆ногѡ мни̑ха, ꙗ҆кѡ раздѣлѝ златѡ мни̑хъ пополамъ со стра̀ннымъ и̑ своѝ ча̀сть внѣкое влага̀лище положѝ и̑ сѐ пѡ̑главо̀ю свое̑ю скры̀ е̑ⷢ.

Азъ же восхотѣхъ ѻ҆тай оу҆ мни̑ха ѿвлещѝ злато. мни̑хъ оу҆бѡ ꙗ҆кѡ ѻ҆нъ сномъ ѻ҆держимъ ѐсть.

Ѻнъ же та̀кѡ лежа̀ а̑ не спа̀ и̑ взѧ̀ рꙋко̀ю свое̑ю, ꙗ҆же ѻ҆брѣте близъ себе **верѐвкꙋ**, и̑ оу҆да̀ри мѧ̀ по главѣ, и̑ а҆зъ поболѣхъ зѣлѡ̀ и̑ возврати̑хсѧ во своѐ гнѣздѡ̀.

И помѣшка̀въ ма̀ло врѐмѧ па̀ки во влага̀лищꙋ злата дерзнꙋхъ и̑ ви̑дѣвъ па̀ки мни̑хъ ѻ҆нъ и̑ оу҆да̀ривъ мѧ̀ па̀ки по главѣ тою̀ же верѐвкою. и̑ напра̀сно кро̀вь и̑зноздре̑й моѝхъ и̑стечѐ. и̑ вѐлїе малодш҃їе бы́сть мѝ. и̑ ѐдва̀ влекїй себѐ до дꙋплины̀ ѻ҆ни дондо̀хъ и̑ безгла̀сна на мно̀ги часы̀ лежа̀хъ и̑ возненави̑дѣхъ толикѡ зла̀то и̑ разꙋмѣхъ ꙗ҆кѡ всѣмъ злы́мъ вина̀ ла̀комымъ со̀вѣсти ѐсть нача̀лѡ и̑же бѡ ла̀комства кто̀ и̑мать мно̀го не можетъ ѿ зла̀ оу҆бѣжа̀ти ни на землѝ ни на̀ мори вѣровахъ бѡ̀ ꙗ҆кѡ нѣсть ничто̀же бо̀лши и̑ злѣйши кромѣ дово̀лнаго и̑мѣнїѧ сегѡ̀ оу҆бѡ ра̀ди премѐнихъ житїе своѐ и̑ пꙋсты̑нное воспрїѧ̀хъ житїѐ.

И разꙋмѣхъ же ꙗ҆кѡ не подоба̀етъ мро̀мꙋ мꙋ̀жꙋ и̑но ничто̀же и̑ска̀ти то̀чїю дово̀лнагѡ и̑мѣнїѧ дово̀лное же и̑но нѣсть ничто̀же ра̀звѣе хлѣба и̑ воды̀.

Аще бѡ̀ и̑ позави̑димъ комꙋ бога̀томꙋ, и̑ речѐмъ ꙗ҆кѡ ѻ҆нъ

сица вл҃ка есть всемꙋ мирꙋ. но не ра́венъ є҆сть то́й ни є҆ди́номꙋ ѿ ме́ншихъ, и҆̀же кто̀ безпеча́лно живо́тъ провожда́етъ.

И сі̑ѧ̀ помысливъ а҆́зъ всебѣ̑ и҆ послѣ̑доваҳъ тебѣ̑ дрꙋжкꙋ̀ прио҆брѣто́хъ же́лвꙋ.

Же́лва же возпрі́имши речѐ разꙋмѣ̑хъ всѐ є҆̑лика и҆зрекла̀ є҆сѝ, до́брѣ же и҆ премꙋ̑дре но вижꙋ тѧ. ꙗ҆́кѡ непреста́нно и҆̑маши всебѣ̑ па́мѧти о҆ни́хъ же є҆сѝ пострада́ла.

Тогѡ̀ ра́ди подоба́етъ вѣ̑дати ꙗ҆́кѡ словеса̀ оу҆краша́ютъ дѣ́ла, и҆ болный а҆́ще неврачѐвнаѧ былі̑ѧ о҆брѧ́щетъ всꙋ̑е є҆мꙋ̀ є҆сть ра́зꙋмъ. за нѐ не мо́жетъ себѣ̀ лехчинꙋ приобрестѝ недꙋ́гꙋ своемꙋ.

Не пецыйсѧ оу҆бѡ о҆ бога́тствѣ великѡꙋ́мный бѡ̀ мꙋ́жъ, и҆ без бога́тства почита́етсѧ.

Ꙗ҆кѡ бѡ̀ ле́въ лю́тый ѕвѣ̑рь є҆гда̀ спи́тъ не стра́шенъ є҆сть* и҆ бога́тъ безче́стенъ є҆сть. и҆ нижѐ о҆ свое́мъ стра́нствіи помышлѧ́й.

Ꙗ҆ о҆ разꙋмныхъ бѡ ничто́же оу҆бѡ а҆́ще и҆ безпокро́вна є҆сть ничто́же ѿ премꙋ́дрыхъ чл҃вкъ *стра́шенъ* є҆сть. не помина́й оу҆бѡ мы́ше преднѧ́ѧ своѧ̀. и҆ не гл҃и ꙗ҆́кѡ и҆ногда быхъ сла́венъ. нн҃ѣ же быхъ безсла́венъ чтію. є҆ли́ко бѡ сꙋть вжи̑тіи се́мъ бога́тій всѝ **вотре́ній** и҆ ми́мо хожде́ній сꙋть.

Гл҃етъ бѡ сѧ. ꙗ҆́кѡ ***и҆ сі̑ѧ̀*** сꙋть ѿи̑ныхъ **не ѿста́внаѧ** о҆́блачнаѧ сѣ̑нь и҆ безꙋмныхъ мꙋже́й любо́вь и҆ же́нское раче́ніе. и҆ ло́жное хвале́ніе. и҆ бога́тство всѐ сі̑ѐ бы́ша ми́мѡ и҆дꙋща.

Ꙗ҆мр҃н бѡ мꙋ́жіе, ***и҆*** о҆би́ліи бога́тствъ ра́дꙋютсѧ. ***и҆***

ѻ ꙋмаленїи скорбѧтъ не хотѣнїѧ ни имѣнїѧ но паки снискаютъ истовое цѣломꙋдрїе.

И ꙗко же оубѡ гавранъ слыша сїѧ бесѣды ѿ желвы, и ѿ мыши и возвеселисѧ ѻ нѣхъ ѕѣлѡ. и рече воистиннꙋ нѣсть ино ничтоже болши сегѡ. точїю *дрꙋжинѣ подобїе и срадованїе*. никто же бѡ мрꙋомꙋ способствꙋетъ точїю паки мꙋдрый же ꙗкоже оубѡ и єлефандꙋ падшꙋсѧ, и не воздвижетъ єгѡ инъ никтоже точїю паки і иный єлефандъ подыметъ єгѡ.

И сице таковаѧ гавранꙋ бесѣдꙋющꙋ и се оубѡ серна нѣкаѧ напрасно прїиде. ꙗкѡ оувидѣ єѧ гавранъ возлетѣ на древо и желва вводꙋ скрыйсѧ, и мышъ вниде вдꙋплинꙋ.

Ѕерна же мало воды напивсѧ ста ѕѣло пристрашна сѣмѡ и ѻвамѡ ѻчи свои ѻбращающи.

Гавранъ же возлетѣ на высотꙋ смотрѧше єгда нѣкїй звѣрь. или ловецъ гонитъ сернꙋ, и всюдꙋ смотрѧше, гораздо, и ꙗкѡ небысть ничтоже, и сниде гавранъ на землю, и призва желвꙋ и мышъ и сказа имъ ꙗже ѻ сернѣ.

Желва же видѣвши сернꙋ ꙗко не смѣетъ пити воды, и рече кней пей любимаѧ моѧ серна, безопасенїѧ. никтоже бѡ сѣмѡ приходитъ. и скажи намъ нн҃ѣ ѿкꙋдꙋ* идеши.

Ѕерна же рече разомъ гонима быхъ **до нн҃ѣ** ѿ нѣкихъ ловецъ ѿ мѣста вмѣсто бѣгающи и дойдо҇ ***сѣмѡ***.

Желва же рече дерзай любимаѧ и пей водꙋ никогда бѡ

ловцы сѣмѡ приходѧтъ. и вкупѣ снами здѣ живи себѡ прележа ти пищи ѡбилныѧ и воды чистыѧ.

И ізволи серна пребывати тꙋ сними вкꙋпѣ. и творѧхꙋ беседы своѧ на всѧкъ днь оу нѣкоегѡ дꙋба.

Во единъ же ѿ дней собрашасѧ по ѡбычаю своемꙋ на бесѣдꙋ подꙋбъ ѡнъ.

Гавранъ же и желва и мышъ ѡжидахꙋ сернꙋ. и оуразꙋмѣвше іакѡ *всѣтѣ* есть.

И возлетѣ гавранъ высѡ, и видѣ сернꙋ соплетеннꙋ всѣтехъ. и возвратисѧ сказа дрꙋжинѣ своей видѣніе еже видѣ ѡ сернѣ.

Желва же к мышѣ рече на тебѣ лежи нашеѧ серны спасеніе, ѡ мыше.

Мышъ же єликѡ мощно бѧше теченіе скоро сотвори, и сернꙋ достиже.

И рече кней серна любимаѧ, како мра сꙋщи таковыми сѣтьми себе соплела єси.

Серна же рече, кто может оумꙋдрити ѡ себѣ єгда реченное на немъ хощетъ исполнитисѧ. и сіѧ мышѣ и сернѣ бесѣдꙋющимъ.

Пріиде книмъ и гавранъ вкꙋпѣ же и желва снимъ.

Серна же рече кжелвѣ почто пришла єси азъ бѡ єгда разрѣшена бꙋдꙋ ѿ мыши побѣгнꙋ скоро и ѿбѣгꙋ, такѡжде и

га́вранъ на возду́хъ ѿлетѝ. ѝ мышъ ѡбрѧще̑ пещѐру ѝлѝ ду́плинꙋ ѝ внидетъ тꙋ ты же е̑ди́на ловцꙋ на снѣденїе бꙋдеши.

Же́лва же речѐ лꙋчше мѝ е̑сть оу̑мрети не́же содрꙋжи́ны своеѧ̀ лишитисѧ ѝ сїѧ̀ ѝмъ бесѣдꙋющїй разрѣшѝ мышъ се́рнꙋ ѿ оу̑зъ.

И сѐ напра́сно на́йде лове́цъ на ни́хъ, ѝ се́рна оу̑бѡ оу̑бѣжа̀, га́вранъ же ѿлетѣ̑ ѝ мышъ внѝде вдꙋплинꙋ ѝ сохрани́шасѧ же́лва же е̑ди́на та́мѡ о̑ста́сѧ на землѝ ѝ оу̑дивисѧ лове́цъ о̑ бывшемъ. ꙗ҆кѡ вѝдѣ е̑ди́нꙋ же́лвꙋ о̑ста́вшꙋюсѧ на землѝ ѝ ѝ̑земъ ю҆̑ свѧза̀.

Га́вранъ же ѝ се́рна ѝ мышъ вѝдѣвши бывшее ѕѣлѡ̀ печа́лни быша. ѝ речѐ га́вранъ *ѡ̑ каковы̀ скорби всегда̀ непреста́нно внасъ, но довлѣетъ мѝ е̑же оу̑бѡ о̑ не́мъ е̑же е̑стества̀ своегѡ̀. лиши́тисѧ ѝ ѿ сро́дникъ ѝ ѿ бога́тства лишитисѧ̀ ѿпа́днꙋти, не́жели бы̀ нн҃ѣ* лиши́тисѧ любимыѧ моеѧ̀ же́лвы. ꙗ҆кѡ бѡ̀ о̑на̀ до́брѣ со мно́ю хранѧ́ше любо́вныѧ оу̑ста́вы но бо́лши е̑сть да не бы̀ было **оу̑мерщве́нное** моѐ тѣло мно́гими бедами соста́влено.

Се́рна же речѐ прискорбнаѧ твоѧ̀ словеса̀ гл҃ющаѧ на́ша любо́вна е̑сть по ѡбычаю но зѣлна печа́ль нн҃ѣ е̑сть мышѣ ѝ мнѣ̑. ѝ се́рнѣ. а̑ще ѝ разꙋмно ѝ ра́достїю вѣща́юща но же́лвѣ бѡ та̀ твоѧ̀ гл҃ы ничто́же посо́бствꙋютъ никакѡже но о̑ста́ви сїѧ̀ бесѣ̑довати, ї ѝзобрѧщемъ хи́трость нѣ̑кꙋю о̑ любимѣ̑й на́шей же́лвѣ. ꙗ҆кѡ да ѝзбавимъ е̑ѧ̀ ѿ сме́рти о̑ныѧ ѝ погибели належа́щей на неѧ̀.

Глетъсѧ ꙗкѡ храбрый воинъ во времѧ рати познаваетсѧ, вѣрный же дрꙋгъ вбѣдахъ познаваетсѧ.

Мышъ же рече такѡ оубѡ быти полезно нн҃ѣ на сп҃сенїе. любимыѧ нашеѧ желвы ꙗкѡ да пойдеши ты серна на пꙋти, и да лѧжеши, ꙗкѡ мертва ловцꙋ идѣже емꙋ прейти.

Гавранъ да сѧдѣ на тебе. ꙗкѡ на мертвꙋ, и даѧстъ* твоѧ хитроснѣ и ꙗкѡ такѡ надтобою оувидитъ ловецъ бывающее, и мнитсѧ емꙋ ꙗкѡ мертвꙋ ти быти поистиннѣ и ѿложи лꙋкъ свой и стрѣлы и ктебѣ пойдетъ и егда ты оузриши егѡ приближающасѧ ксебѣ. воставши медленно побѣги, и ꙗкѡ да надѣетсѧ чл҃вкъ постигнꙋти тѧ имать. и егда начнетъ тѧ достизати ты же абїе ѿскочи быстростїю ногъ твоихъ и дондеже бѣгаеши ты ѿ негѡ гонима, а азъ вто времѧ, разрешꙋ желвꙋ ѿ юзъ сихъ.

Серна же повелѣнное ѿ мыши сотвори симъ ѡбразомъ, и желва разрѣшисѧ, ѿ мыши, и цѣлы всѣ вдомы своѧ поидоша или возвратишасѧ.

Тако оубѡ истинною и правдою кто любитсѧ скѣмъ и тѣмъ дрꙋгъ дрꙋгꙋ пособствꙋетъ.

И рече цр҃ь философꙋ мр҃о сїе изрекъ еси ми и добрѣ оуразꙋмѣхъ всѧ реченнаѧ тобою ѡ любви, но азъ оубѡ тоже смыслихъ ѡ любви и їстиннѣ. слышахъ твоѧ словеса и притчи и оуразꙋмѣхъ ꙗкѡ дрꙋжнее пособствїе оутверженїе есть вѣрно бѡ и мꙋдро есть. еже сними бесѣдовати. и водворѧтисѧ, а врагꙋ тайны не ꙗвлѧти ꙗкѡ не полезно есть.

Но прѡчее скажи ми притчю какѡ подобаетъ блюстися врагá иже лицемѣрїемъ истиненъ прїятель ꙗвляется.

Философъ же рече. а иже ктò врагꙋ вѣрꙋетъ такѡже пострáждетъ ꙗко же и выплеве пострадáша.

.кa.

Притча глаголемая ѡ гáвранѣхъ и ѡ выплехъ.

Глаголется, ꙗкѡ внѣкоей горѣ. бяше дрéво великое нѣкое. и превелико и высокѡ ѕѣлѡ нанéмже гáврани пребывáхꙋ тысяща ихъ имъ же старѣйшина гáвранъ éдинъ.

Бяхꙋ же близъ тогѡ мѣста выплевей тысяща же ихъ. имяхꙋ же и тїи éдинагѡ выпля старѣйшинꙋ оу себè. имяхꙋ же выплеве враждꙋ з гáвраны, éдиною бо нóщїю, нападóша выплеве на гáвраны и мнóгихъ ѿ нихъ оубиша. дрꙋгїя же рáниша, заоутраже гáвраномъ царь собрà своя си гáвраны прóчая и собóръ сотворѝ. и рече видѣтели колико выплеве злѡ намъ содѣяша и какѡ нáшꙋ силꙋ побѣдиша и колицемъ пéрня исторгóша и се éсть гóршее. и оукóрно нáмъ éже дерзнꙋти нá нихъ преобидѣти нáсъ имꙋтъ, и колико éсть срамотà нáмъ тогдà бꙋдетъ. тогдà разсмотрите оубо нынѣ послѣднее да непострáждемъ злѣйши пéрвыхъ.

Бѧхꙋ же бѡ оу црѧ тогѡ совѣтникъ пѧть ѿ нихъ же первый рече. и ни чтоже ино спасе насъ точїю еже бѣжати ѿ мѣста сегѡ во иное мѣсто, и оставити здѣшнее пребыванїе наше. за неже не можетъ противитисѧ врагѡ нашимъ.

Вторый же рече не полезно есть такѡ быти, ıакѡже реклъ еси, еже ѿ единой побѣды смиритисѧ и отечество наше оставити, и вчюжей земли быти и жити но ꙋготовимсѧ. на бра и вмꙋжество ѡблечемсѧ. и аще когда враги наша нападꙋтъ на насъ и мы сразимсѧ сними, и аще победимъ ихъ бгꙋ блгодаренїе воздадимъ о томъ, или паки аще они побѣдѧтъ насъ то по реченномꙋ*.

†Iакѡже землѧ испещренна различными цвѣты такѡ и мы оузримъ на себѣ кровавы раны и без срама, первы и вторый свой совѣтъ совершимъ†.

Третїй же рече. недобрѣ ѿ црю оба сїи глю но подобаетъ намъ добрѣ оубѣждати аще хощꙋтъ врази наши любитисѧ снами, сотворимъ мирнаѧ почести и дары пошлемъ книмъ. и сегѡ ради безпечално житїе поживемъ прно. ї инїи царїе пекꙋтсѧ о своей земли златомъ соблюдаютъ, сирѣчъ. неплáменемъ пламень подобаетъ гасити но водою, такѡ оу враговъ подобаетъ дарми оутолѧти. враждꙋ ихъ.

Четвертый же рече, не добрѣ и ты совѣтъ даеши. но лꙋчши есть втѣснотѣ и вбедѣ жити, нежели толико врагомъ не противитисѧ ї имъ подложитисѧ. понеже бѡ мы болши ихъ есть и чнѣйшїи и дары принесемъ имъ и о нѣдѣ доволны бꙋдꙋтъ о

сихъ но изли́ше на́съ начнꙋтъ ратовати. ꙗ҆́кѡже бо̀ ма́лаѧ, и҆лѝ велика́ѧ чт҃ь несꙋть да́ръ воѡ́чию безꙋмнагѡ.

Страшли́вый бѡ̀ во́инъ оу҆страша́етсѧ трꙋбы̀ назнаменꙋющїѧ бра́нь.

Гл҃етсѧ, ꙗ҆́кѡ мд҃рый кото́рый црь пре́жде бра́ни враго́въ свои́хъ оу҆толѧ́е дарми́ и҆ а҆́ще ли чре́зъ да́ръ ѡ҆полча́етсѧ на негѡ̀ то неоуклонѧ́етсѧ кни́мъ, но смире́нїе. и҆ терпѣ́нїе и҆мѣ́етъ смꙋдростїю, и҆ на́ бра́нь тши́тсѧ со всѧ́цѣмъ ѡ҆рꙋжие. та́ко и҆ на́мъ посемꙋ̀ подоба́етъ сни́ми твори́ти сопротивле́нїе и҆̑мъ.

Пѧ́тый же речѐ. не́мощно бѡ̀ проти́витисѧ, си́льнѣйши бѡ̀ ѡ҆нѝ сꙋть на́съ, и҆̑же бѡ̀ ктѡ̀ набо́лшаѧ противлѧ́етсѧ, то́й себѣ̀ вреди́тъ.

Безꙋмны бѡ всегда̀ враго́въ свои́хъ* нари́чютъ. а҆ страшли́вїй бѡ̀ на́ бра́нь не исхо́дитъ, а҆́зъ же всегда̀ и҆ нн҃ѣ и҆ пре́жде врага̀ бою́сѧ.

И҆бѡ не подоба́етъ мд҃ромꙋ мꙋ́жꙋ враго́въ свои́хъ не боѧ́тисѧ а҆́ще бѡ и҆ дале́че пребыва́етъ *во всѧ́кой ве́щи*. ꙗ҆́стїе и҆ пи́тїе и҆ бога́тство и҆́щетъсѧ. а҆ во бра́ни ни ѡ҆ че́мъ же мысли́ кто̀ то́чїю ѡ҆ дш҃и свое́й ко́йждѡ.

Ца́рь же речѐ. а҆́ще бра́ни не повелева́еши бы́ти, что̀ и҆́нѡ повелева́еши бы́ти.

Ѻ҆нъ же речѐ подоба́етъ оубѡ ѿ црю ѿ свои́хъ ти совѣ́тникъ и҆мѣ́ти разꙋ́мныѧ мꙋ́жи.

Понеже оубо добрый совѣтъ болши есть тмы воинъ. ибо воспоминаетъ смотренїе полезное, ꙗкоже бо мрый мужъ. познавается вражїю немощъ и силу и мудрымъ совѣтомъ и начинанїемъ низлагаетъ ихъ.

Понеже и ты црю совѣтника мѧ поставилъ еси себѣ. и азъ хощу ти наединѣ бесѣдовати а прѣнародомъ не бесѣдую ти.

И пойде црь схоластико сирѣчъ соуединенныи особъ и рече ему оуединенный сего нашъ законъ не бесѣдуетъ. сему насъ гдъ не наоучилъ есть. ꙗко не творити с ними брани и дань имъ дати. и вповиновенїи оу нихъ быти.

Великоумный бо мужъ избираетъ паче славную смерть нежели безчесное житїе.

Смотри оубо ѿ црю. ꙗже вмысли своей азъ имамъ. и хощу бесѣдовати тебѣ наединѣ елико слышалъ есмъ ѿ древнїи мужей глемаѧ.

И сїе ѿ него слышавъ црь воста и бесѣдова снимъ наединѣ. и вопроси его о нихъ же имать кнему бесѣдовати.

Онъ же ѿвеща и рече, начало вражды ꙗже имамы свыпли. сѐ есть оубо ꙗко нѣкогда собрашасѧ весь родъ птицамъ, і избраху себѣ црѧ и поставиша его, еже царствовати надними.

И тутъ же оу птицъ прилучисѧ гавранъ. нѣкїи и рече имъ почто вы остависте чтныѧ птицы. и не постависте ѿ нихъ на цртво, но избрасте смрадную сїю птицу. ꙗже и душевную до-

брѡ́тꙋ погꙋбѝ, и҆ безꙋ́мна є҆́сть и҆ немꙋдра̀ и҆ гнѣвли́ва се́же го́ршее всѣ́хъ.

Сїѧ̀ же ѿ га́врана слы́шавше ве́сь пти́чей ро́дъ, и҆ низложи́ша вы́плевꙋ вла́сть и҆ ꙗ҆́кѡ низложе́нъ бы́сть вы́пль: и҆ речѐ к̾ га́вранꙋ не вѣ́мъ ѿ га́вране, и҆ не по́мню ꙗ҆́кѡ бы тебѣ̀ когда̀ ѕло̀ нѣ́что сотвори́хъ. ꙗ҆́кѡ ты̀ таково́е воздаѧ́нїе показа́лъ є҆сѝ на мнѣ̀.

Но позна́й семꙋ̀, ꙗ҆́кѡ а҆́ще дре́во сѣки́рою ѹ҆сѣче́но бꙋ́детъ но не и҆ско́рене тоѐ па́ки сраста́етсѧ.

Та́кожде посемꙋ̀, и҆ ꙗ҆́зва стрѣ́лнаѧ и҆сцеле́ваетсѧ и҆ загла́живаетсѧ когда̀ в̾ тѣ́лѡ быва́етъ но ѧ҆зы́чнаѧ стрѣла̀ не изце́лна є҆́сть никогда́ же.

Поне́же бо̀ каса́етсѧ посредѣ̀ срⷣца са́могѡ̀ и҆бѡ ѻ҆́гнь погаша́етъ вода̀. та́кѡ и҆ ꙗ҆́зва вели́каѧ ѹ҆враче́ваетсѧ бы́лїемъ враче́бнымъ, а҆ зло́бный ѻ҆́гнь прⷭ҇но живо́тенъ є҆́сть и҆́же сѧ є҆́сть всѣ́ѧлъ посредѣ̀ ва́съ и҆ на́съ.

Ѻ га́вране дꙋ́бъ бѡ вели́кїй никогда́ же и҆скоренѧ́емъ и҆ подви́жимъ. сїѧ̀ же речѐ вы́пль и҆ ѿи́де ꙗ҆́рости напо́лненъ.

Га́вранъ же раска́ѧсѧ ѕлѡ̀ печа́лисѧ ѕѣлѡ̀ и҆ ѿ то́лѣ и҆ до ны́нѣ пребыва́етъ вражда̀ посредѣ̀ на́съ.

Црⷭ҇ь же речѐ разꙋмѣ́хъ ѡ҆ си́хъ про́чее ѹ҆бѡ рцы́мѝ ѡ҆ предлежа́щихъ. что̀ подоба́етъ ѹ҆бѡ нн҃ѣ твори́ти проти́вꙋ и҆́хъ.

Ѻнъ же ѿвеща́въ. є҆́же ра́товати не преста́ю ти̇ гл҃ѧ нижѐ

повелеваю быти семꙋ ꙗкѡ не быти брани но инакѡво ни какѡ можемъ что оуспѣти ради великїѧ брани сꙋдиχъ оубѡ азъ ѡ семъ [ꙗкѡ полезно бꙋдетъ семꙋ быти] ꙗкѡ полезно бꙋдетъ семꙋ быти ꙗкѡ да прогнѣваетсѧ на мѧ величество твое всѣмъ взрѧщимъ и повелѣ бити мѧ не милостивно пред всѣми ꙗкѡ ѡ кровавтимасѧ ѿ множества ранъ таже и перїѧ моѧ извлекꙋтъ и ѡпашъ и даповерженъ бꙋдꙋ близъ древа сегѡ, и егда сїе бꙋдетъ на мнѣ такѡ и ты ѿ иди ѿсюдꙋ со всѣми своими вкꙋпѣ менеже ѡстави лежати здѣ.

И сотвори над ними црь тако и ѿ иде ѿтꙋдꙋ со всѣми своими вкꙋпѣ дивѧсѧ премрости егѡ и многимъ клюкамъ лꙋкавствꙋ егѡ.

И се нощїю тою выплеве ктомꙋ древꙋ дошедше, и не ѡбретоша тꙋ ни когѡ же точїю тогѡ единагѡ оубїеннагѡ гаврана лежаща и сказаша ѡ немъ црю своемꙋ.

Онъ же приближивсѧ к немꙋ и вопроси егѡ ѿкꙋдꙋ еси.

Гавранъ же рече. ѿ сегѡ мѣста есмъ.

Црь же рече. гдѣ сꙋть прочїи гавране.

Гавранъ же рече не вѣмъ какѡ оубѡ могꙋ, втаковыχъ бѣдаχъ разꙋмѣти ѡ неχъ тайны.

Црь же рече, поистиннѣ сый есть первый совѣтникъ гавраномъ. вопросите оубѡ егѡ коеѧ ради вины таковаѧ лютаѧ пострадалъ есть.

Гавранъ же рече́ кнемꙋ мое́ совѣтованіе таковымъ приплете́ мѧ є҆гда̀ бѡ побежде́ни быша ѿ ва́съ гаврани совѣтъ сотвори́ша и҆ ко́йждо оу҆разꙋмѣ́ совѣтоваше, а҆зъ же дерзнꙋхъ ѡ҆ ва́съ и҆ реко́хъ. ꙗ҆кѡ силнѣ́йшіи сꙋть гавранъ выплеве и҆ бл҃городніи.

Тогѡ̀ ра́ди подоба́етъ на́мъ ми́ръ и҆ска́ти и҆ да́ни и҆мъ даѧ́ти, и҆ а҆́ще пріи́мꙋтъ да́ры и҆ смиритсѧ сна́ми бг҃ꙋ сла́ва ѡ҆ то́мъ. но нелѣ́ть оу҆бѡ є҆́сть на́мъ и҆мъ противитисѧ.

И слы́шавше сі́ѧ гавране ѿ мене и҆ воста́ша на мѧ̀. и҆ мнѣ́ша ꙗ҆кѡ ѡ҆ ва́шей по́лзы бесѣ́дꙋю и҆мъ такова́ѧ и҆ ꙗ҆рости напо́лнившесѧ. и҆ таковы́мъ ѡ҆сꙋжде́ніемъ мене́ ѡ҆сꙋдиша. и҆ сицевы́мъ злы̑ преда́ша мѧ̀ и҆ за то̀ пострада̑ ѿ ни́хъ.

И сі́ѧ слы́шавъ ѿ гаврана цр҃ь выплемъ и҆ речѐ к нѣ́коемꙋ ѿ пе́рвыхъ совѣтникъ свои́хъ. что̀ подоба́е҃ ѡ҆ не́мъ творити.

Онъ же ѿвеща̀ ско́ро да оу҆бїе́нъ бꙋдетъ. поне́же оу҆бїе́нїе є҆гѡ̀ посо́бїе на́мъ ве́лїе бꙋдетъ. і҆ и҆збавимсѧ ѿ лꙋка́вства. и҆ хи́трости є҆гѡ̀ є҆́же всегда̀ хитри̑ ѡ҆ на́съ.

† Ма́лою бѡ̀ сква́жнею пла́мень вхо́дитъ. и҆ пото́мъ разы́детсѧ и҆ всѧ̀ растлѣва́етъ и҆ погꙋблѧ́етъ.

Ма́лый бѡ̀ перстъ, когда̀ ѿ змі́ѧ оу҆хапленъ быва́етъ то̀ вскорѣ́ ѿсѣка́етсѧ, да не всѐ тѣ́ло вско́рѣ погꙋбитсѧ. ꙗ҆коже и҆ се́й хо́щетъ на́съ и҆скꙋсити злохи́тріемъ свои́мъ.

Гл҃етъ бѡ сѧ ꙗ҆кѡже бѡ̀ кто̀ достиза́етъ сп҃се́нїѧ. то́й пре́жде ѡ҆ себѣ̀ нера́дитъ. а҆́ще и҆ ве́лїѧ ско́рби слꙋча́тсѧ є҆мꙋ понестѝ всѧ̀ терпи́тъ до́ндеже жела́емое полꙋчи́тъ.

Аиже пострадати не хощетъ спасенія приобрести то никакоже сего постигнетъ таковый.

Тако же и сей гавранъ оубиты искушая насъ скорби на себѣ поя лестію.

Якоже бо волкъ овчею кожею покрытъ есть, а словеса и мысли яко огнь суть ѕѣло поядаетъ препростая сущая овца. вижду его яко огнь горящее древо испепелеваетъ.

Тѣмже образомъ и сіе насъ хощетъ низложити. велика бо слову сила неразумѣющимъ прелести.†

Вторый же нѣкто ѿ первыхъ совѣтникъ цревыхъ рече неподобаетъ того оубити.

Писано бо есть яко *трость сломленная скорене паки никогда сламляется вторицею, дондеже положитъ сосудъ его на земли* паче же праведно есть миловати и щедрити его за не таковыя пострада беды. и заоушенія таковая поятъ. и подобаетъ оубо того хранити. еже бо питати враги своя. велія есть похвала.

И повелѣ оубо црь счестію и говѣніемъ пребывати оу себе гаврану.

Первый же совѣтникъ онъ иже оубити его повелѣвый, и рече понеже того нынѣ не оубіете. но да будетъ крѣпцѣ всохраненіи блюдомъ. и пребываетъ оу насъ яко врагъ назираемъ. азъ бо его вѣмъ яко сей гавранъ лукавъ и лсти* есть и мнитъ

мисѧ ꙗкѡ прелщенїѧ ради здѣ пришелъ ѥсть кнамъ. †ꙗкоже бѡ змиѧ питающагѡ ю погꙋблѧетъ такѡ и сей насъ.

Вопроси бѡ нѣктѡ нѣкоегѡ ѿ видѣти могꙋщихъ. чегѡ ради бгъ нѣкїимъ паденїемъ провѣдѣ дарованми и чюдесы оукраси.

Онъ же рече. ꙗкѡ да и прочаѧ дꙋховнаѧ оутверди. и самовласное поженетъ и безѿвѣтныѧ пашаѧ на сꙋдѣ твори ѿ црю борствꙋи и опасꙋи слꙋхъ и очи тѣмъ бо всѧ стрѣлы грѣховныѧ входѧтъ.†

И начатъ гавранъ тꙋтъ пребывати свыпли и беседовати наединѣ и снили любитисѧ.

Во единъ же оубѡ ѿ дней. рече книмъ гавранъ, слыша бѡ ѿ древнихъ глаше. аще кто себе ввержетъ вѡ огнь не милостиво то скорѡ ѿ бга млость прїимет. хощꙋ бѡ и азъ таковое сотворити и оумолити бга скоро и млость полꙋчю. ꙗкѡ да преложитсѧ естество мое на *выпльское* видѣнїе, и да сотворю свами брань вкꙋпѣ на гавраны. и воздамъ имъ таковаѧ же. ꙗже они на мнѣ содѣѧша немилостивно.

Бѧше же *той* выпль, иже на оубїенїе егѡ совѣтоваше и рече емꙋ.

Подобна сꙋть сїѧ твоѧ словеса точїю исполнена смертоноснагѡ ꙗда.

Аще не сожжемъ тѧ огнемъ то неможет естество твое преложитисѧ на выпльское.

Пребысть же оубω гавранъ свыпли не малое число смотрѧ начинанїѧ ихъ всѧ. и помалѣ отолстѣ и отѹчнѣ. и возрастоша емѹ перїѧ всѧ, ꙗкω же и прежде бѣ.

И нѣкогда времѧ блгополѹчно обрѣтъ, и оубѣжа ѿ нихъ. кпрежнимъ своимъ гавраномъ.

И рече ксвоемѹ царю гавранъ радѹйсѧ ѿ црю. оужеты слѹжбѹ свою совершихъ и желанїе свое исполнихъ себω всѧ выплеве внѣкоемъ мѣстѣ скрышасѧ востанемъ оубω всѧ гавраны и пойдемъ к выплемъ. вземше койждо насъ сѹчїѧ. елико может понести и положимъ на оустїѧхъ ꙗзвины, и огнь положимъ и крилы *розомѣ*. ꙗкω быти пламени воздѹшинѹ и симъ образомъ овїй внѹтрѣ вси, дымомъ оудавлени бѹдѹтъ. овїй же исходѧще опалени бѹдѹтъ.

И сотвориша гавраны такω и до конца враги своѧ победиша, и возвратисѧ гавраномъ црь во своѧ обители побѣдоносецъ нарицаѧсѧ. и рече к гавранѹ какω терпѣ еси выплемъ беседованїѧ ихъ неподобнаѧ.

Гавранъ же рече мроѹмный бω мѹжъ аще вбеды впадаетъ то покарѧется и хѹдымъ дондеже совершитъ желанїе свое.

Црь же рече скажи ми разѹмъ выплевъ каковъ есть.

Гавранъ же рече. не видѣхъ ни единаго выплѧ разѹмна точїю рекша на мое оубїенїе.

Прочїй же бѧхѹ далече ѿремѹдрости, не подобаетъ бω

цр҃емъ тайны своєѧ̀ повѣ́дати соблюда́ти и҆ чюжда́ѧ неѡ҆ставлѧти ни коегѡ̀ кписа́нїемъ є҆гѡ̀ приникнꙋ́ти и҆лѝ кводѣ̀, и҆з неѧ̀ же хо́щемъ и҆змытисѧ и҆лѝ кпосте́ли и҆лѝ ко ѡ҆де́ждѣ и҆лѝ ко ѡ҆рꙋ́жїю, и҆ к ꙗ҆́стию и҆ питїю̀. нѣсть бѡ̀ мо́чномꙋ никогда̀ згордостїю враги̑ своѧ̀ погꙋби́ти.

Горде́ливый бѡ ма́лꙋ побѣ́дꙋ составлѧе҃ а҆ и҆̂же совѣтники своѧ̀ твори́. безꙋ́мный неоу҆до́бъ нѣкогда ѿ поги́бели та́кѡвый сп҃се́нїѧ а҆́зъ же смири́хсѧ пре҃ враги. ꙗ҆́кѡ и҆ змі́й подложи́вшсѧ жа́бѣ.

.к҃в.

Прит҇ча гл҃е. о҆ змі́й и҆ о҆ жа́бы.

Гл҃етсѧ ꙗ҆́кѡ змі́й нѣкі́й замотарѣ* состарѣвсѧ, невозмо́же лови́ти на пи́щꙋ себѣ. и҆ недоꙋмѣва́шесѧ всебѣ. и҆ пополза́въ сѣ́мѡ и҆ ѡ҆ва́мѡ и҆ до́нде до бла́та нѣкоегѡ и҆спо́лнена жа́бъ. и҆дѣже пе́рвїе ловѧ́ше. и҆ показасѧ оу҆ны́лъ и҆ ско́рбенъ ѕѣло̀ и҆ се̑ бѣ та́мо бли́зъ простре̑ жа́ба же нѣкаѧ рече̑ кнемꙋ̀ почтѡ̀ скорби́ши ѿ змі́ю. о҆́нъ же рече̑ ка́кѡ да не скорбѧ̀ бꙋ́дꙋ пре́жде бѡ ѿ сегѡ̀ бла́та. пи́щꙋ си̑ взима́хъ. нн҃ѣ же прокл҃ѧ мѧ̀ нѣктѡ ѿ постни́къ* и҆ немогꙋ̀ лови́ти. оу҆́же бѡ̀ хощꙋ̀, да бꙋ́дꙋ ꙗ҆́кѡ ко́нь ѣзда́лны цр҃ю ва́шемꙋ.

И сѐ слы́шавъ жа́бамъ црь и҆ прїѧ҆ е҆гѡ̀ и҆ ѣ҆здѧше на не́мъ. ꙗ҆́кѡ на конѣ̀. и҆ дава́ше е҆мꙋ̀ пи́щꙋ на всѧ̀ де́нь по́ двѣ жа́бы. та́кѡ и҆ а҆́зъ таковы́ѧ ра́бѡты ра́ди скорбно вре́мѧ злѣ̀ пострада́хъ.

Црь же речѐ разꙋмѣ́хъ и҆ ви́дѣхъ ꙗ҆́кѡ хи́тростїю и҆ ра́зꙋмомъ лꙋ́тчи е҆́сть побѣжда́ти не́жели противлє́нїемъ. ѻ҆́гнь бѡ е҆́сть горѧ́чъ и҆ сꙋ́хъ. но точїю ꙗ҆́же на земли́ погꙋблѧ́етъ. вода̀ же е҆́сть тиха̀ и҆ стꙋдена̀ и҆ внꙋ́трь по̀земле́ю хо́дитъ ї и҆скоренева́етъ ꙗ҆́же на не́й.

Глетъ бѡ сѧ ꙗ҆кѡ не подоба́етъ нерадѣ́ти ѡ҆ четы́рехъ си́хъ ве́щехъ си́рѣчъ ѻ҆гнѧ̀. болѣ́зни. врага̀. до́лга.

Га́вранъ же речѐ вели́ка нн҃ѣ и҆справлє́нїѧ бы́ша твои́мъ на-ро́комъ ѿ црю̀. бг҃ꙋ же бл҃годаре́нїе ѡ҆ то́мъ возда́мы †неоу҆ѧзвлѧ́емы бѡ̀ во́й и҆ ѿ ра́тныхъ не всѧ́кѡ венча́етсѧ а҆ и҆́же ѿ слꙋча́ющихъсѧ паде́нїе и҆знемога́ѧ то́й а҆́нгелъ ꙗ҆́кѡ ратобо́рецъ прославитсѧ†.

Црь же речѐ ѡ҆брѣто́хъ тѧ̀ сло́вомъ и҆ дѣ́ломъ и҆скꙋ́сна прїѧ́телѧ своегѡ̀ вѣ́рна про́чїи же то́кмѡ слове́сы̀ хвалѧ́тсѧ безꙋ́мными. тебѐ бѡ̀ ра́ди вели́ка бл҃гдать на́мъ бы́сть; со́нъ бѡ сла́докъ и҆ пи́ща тобо́ю дае́сѧ на́мъ.

Глетсѧ ꙗ҆́кѡ ѿра́дꙋ вели́кꙋ ѡ҆брѣта́етъ и҆́же ѻ҆гни́ща и҆зба́витсѧ. сѐ бѡ вре́мѧ тѧ́жкѡ ѿложи́вый. ї и҆́же ѿ враго́въ свои́хъ и҆збѣжа́вый. ѡ҆ба́че скажѝ ми вы́пльскагѡ црѧ̀ пребыва́нїе ꙗ҆́кѡ ви́дѣлъ е҆сѝ.

Ѻ҆́нъ же речѐ ско́тцкое пребыва́нїе и҆ лꙋка́вѡ и҆ не гла́дко и҆ безчи́нно. и҆ и҆жѐ подо́бни сꙋ́ть е҆мꙋ́же кїѧ под ни́мъ вы́пли. раз-

вѣє є̑ди́нагѡ тогѡ̀ выпла́ и҆́же на моѐ оу҆бі́є́нїє совѣтовавшагѡ той бѡ̀ ѿ всѣхъ мр҃ейшїй мни́тсѧ быти.

Црь же речѐ к фїлосо́фꙋ. разꙋмѣхъ всѧ̀ реченна́ѧ при́тчи тобѡ́ю. є҆́же ре́клъ ми̑ є҆си̑. про́тчее.

Скажи̑ ми̑ фїлосо́фе ка́кѡ кто̀ когда̀ дости́гнетъ желанїѧ своегѡ̀ и҆ а҆́бїє па́ки погꙋби́тъ є҆̀.

Фїлосо́фъ же воспрі́имъ речѐ.

.к҃г.

При́тча сї̀ѧ гл҃етъ. ѡ҆ пификѣ и҆ ѡ҆ желвѣ.

Гл҃етсѧ ꙗ҆́кѡ пи́фицы нѣ́цыи црѧ оу҆ себѐ и҆мꙋ́щє состарѣвшасѧ ѕѣлѡ̀ и҆ замотари́вша мно́гими лѣ́ты и҆ ста́рости є҆гѡ̀ ра́ди и҆згна́ша ѿ цр҃кїѧ вла́сти.

Онъ же всѧ́кимъ недоꙋмѣнїємъ бывъ и҆ сра́ма ра́ди ѿи҆де ѿтꙋ́дꙋ. и҆ прі́иде къ нѣ́коей смоко́вницѣ стоѧ́щей при брезѣ морстѣ́мъ и҆ пребыва́ше оу҆ неѧ̀ и҆ ꙗ҆дѧ́ше ѿ плода̀ єѧ̀ при́сно.

Во є҆ди́нъ же ѿ дне́й ꙗ҆дꙋ́щꙋ є҆мꙋ̀ смо́квы и҆ падѐ и҆з рꙋки̑ є҆гѡ є҆дина смо́ква и҆ ю҆́же прїѧ̀ ди́вїѧ же́лва ї и҆зъѧдѐ и҆ оу҆диви́сѧ же́лва сла́дости смоко́вной ѡ҆ се́мъ же пи́фикъ посмѣѧ́сѧ,

и҆ ѿтꙋдꙋ ѻ҆на́ѧ жє́лва сла́дкꙋю пи́щꙋ ѻ҆брѣ́тши нєпрєста́ѧшє пита́ющисѧ смо́квами тогѡ̀ ра́ди и҆ до́мъ сво́й забы̀ и҆ по́дрꙋга своєгѡ̀ ѻ҆ста́ви.

И҆ ѡ҆ се́мъ по́дрꙋгъ є҆гѡ̀ малодꙋ́шествоваше ве́лмѝ і҆ и҆ска́ше при́тчю ка́кѡ пи́фика погꙋби́ти а҆ по́дрꙋга своєгѡ̀ вдо́мъ сво́й возврати́ти.

Є҆ди́ною ѿшє́дши жє́лва вдо́мъ сво́й и҆ ѻ҆брѣ́тє по́дрꙋга̀ своєгѡ̀ ско́рбна и҆ рєчѐ кнємꙋ̀ почто̀ ви́жꙋ тѧ̀ ско́рбна и҆ дрѧ́хла и҆ бо́лна сꙋ́ща.

Ѻ҆нъ жє оу҆мы́сли и҆ рєчѐ. в҆болѣ́знь лю́тꙋ впа́лъ є҆́смъ и҆ нѣ́сть ми и҆сцѣлє́нїѧ ѻ҆брѣ́сти, а҆́щє нє полꙋчꙋ̀ срⷣцє пи́фиково.

Ѻ҆нъ жє нєдоꙋмѣ́вєсѧ ѡ҆ се́мъ и҆ помышлѧ́шє всєбѣ̀. ꙗ҆́кѡ и҆́но срⷣцє нє и҆́мамъ ѻ҆брѣсти то́чїю го́стѧ своєгѡ̀ пи́фика. є҆́жє прєстꙋплє́нїю и҆ пре́лєсти бы́ти оу҆разꙋмѣ́вши и҆ водѧ́шєсѧ помышлє́нми нєдоꙋмѣ́ѧшєсѧ что̀ сотвори́ти, и҆ пришє́дъ къ пи́фикꙋ пригласи є҆гѡ̀.

Ѻ҆нъ жє вопроси є҆ѧ̀ ѻ҆коснє́нїи.

Жє́лва жє ѿвѣща́вши ни ѡ҆ чє́мъ жє оу҆мєдли́ то́чїю за нѐ посрамлѧ́юсѧ тєбѣ̀ нє и҆́мамъ досто́йна воздаѧ́нїѧ ѡ҆ бл҃годѣѧ́нїи твоє́мъ возда́ти тєбѣ̀.

Пи́фикъ жє рєчѐ нє помышлѧ́й такова́ѧ нѣ́сть а҆́зъ тако́въ є҆́жє ѿ свои́хъ любѡ́вны и҆ска́ти воздаѧ́нїѧ па́чє жє ты̀ мнѣ̀ бл҃годѣ́тєлицє была̀ є҆сѝ такѡвы́ми бѣда́ми ѡ҆дєржи́ма сꙋ́щи оу҆тѣша́ющи мѧ̀.

Жє́лва же речѐ хощꙋ̀ оу҆твердити любо́въ посредѣ̀ на́съ сꙋ́щ оу҆твержда́ютбосѧ тремѝ вещъмѝ. сирѣ́чъ є҆̀же втóмъ же дрꙋ́жне́нїй вхожде́нїє и҆ сро́дникомъ зрѣ́нїє и҆ посѣще́нїє. ї и҆̀же вкꙋ́пѣ пребыва́нїє.

Пификъ же речѐ ѿ дрꙋ́шка та́кѡ составлѧ́етсѧ любы̀. и҆̀же вслáбости житїѧ̀ своегѡ̀ врéмѧ живꙋ́щїй.

Жє́лва же речѐ, и҆́стиннꙋ рéклъ є҆сѝ. достóитъ бѡ̀ дрꙋгóмъ совершéннꙋю лобóвъ и҆мѣ́ти и҆ сердéчнꙋю ѿ свои́хъ дрꙋгóвъ и҆с-ка́ти. а҆ и҆̀же ради за нѣ́кихъ житéйскихъ потрéбъ любóвъ состав-лѧ́ти, ꙗ҆́кѡ на нетвéрдемъ ѻ҆снова́нїй зи́ждетъ. понéже бѡ̀ ѿ лю-бóвныхъ неподоба́етъ и҆̂но ничтóже и҆ска́ти. тóчїю срⷣца прóста и҆ вѣ́ры пра́вы ї и҆́стинны.

Аще телéцъ без млека̀ мрⷭ҇ь свою̀ с҇ сéтъ прогнѣ́ваетъ ю и҆ прогна́нꙋ є҆мꙋ̀ быва́етъ ѿ неѧ̀. а҆̂зъ же хощꙋ̀ ꙗ҆́кѡ прї́идеши вдо҇ мóй живꙋ̀ же а҆̂зъ во ѡ҆стровѣ̀ травонóснѣмъ. и҆ тма́ми и҆спóлне-номъ бл҃гихъ плодóвъ ꙗ҆̂же оу҆готóва бг҃ъ любѧ́щимъ є҆гѡ̀ и҆ сла́вꙋ мою̀ оу҆зриши, та́мѡ. а҆̂зъ бѡ̀ на ра́мѡ своѐ вземши ѿнесꙋ̀ тѧ̀.

И вѣ́рова пи́фикъ взы́де на жéлвꙋ и҆ ноша́шесѧ по пꙋ́чинѣ морстéй ѿ неѧ̀.

И є҆гда̀ бы́ша на средѣ̀ пꙋ́чины кóсно пла́ваше жéлва ста̀ помышлѧ́ющи ка́кѡ погꙋби́ти пи́фика.

Видѣвъ же пи́фикъ коснéнїе жéлвинѡ, и҆ оу҆разꙋмѣ̀ лéсть, и҆ гл҃аше всебѣ̀. є҆да̀ на мѧ̀ нѣ́чтѡ злѡ̀ оу҆мы́слила є҆сѝ жéлва. и҆ та́кѡ речѐ вижꙋ̀ тѧ дрꙋ́жко жéлко впопечéнїй и҆ в҇ размышлéнїй

и҆ болѣ́знѹю ѻ҆ то́мъ за тѧ̀ повѣ́ждь мѝ любе́знаѧ что̀ оу҆́бѡ є҆́сть попече́нїе твоѐ. и҆ коснѣ́нное пла́ванїе, ка́кѡ не повѣ́си мнѣ̀ тако-вѹ дрѹ́гѹ вѣ́рнѹ тѝ сѹ́щѹ молю̀ тѧ оу҆́бѡ ѻ҆ се́мъ да повѣ́си мнѣ̀ и҆́стиннѹ.

Же́лва же ѿвѣща́въ речѐ печа́ль мѝ є҆́сть ѕѣло̀ вели́ка. ꙗ҆́кѡ доше́дъ вдо́мъ мо́й и҆ неѡ҆брѧ́щеши всѧ̀ досто́йнаѧ ꙗ҆́коже хощѹ̀ а҆́зъ на ѻ҆дрѣ̀ бѡ лежи́тъ и҆ болѣ́знѹетъ ве́лмѝ подрѹ́гъ мо́й.

Пи́фикъ же речѐ. не пецы́сѧ ѻ҆ се́мъ. ни что́же бѡ по́лзѹетъ печа́ль но пецы́сѧ па́ки ѻ҆ враче́бныхъ былі́ѧхъ.

Же́лва же речѐ. гл҃ютъ враче́бстїи ѻ҆́троцы ꙗ҆́кѡ пи́фиково срⷣце мо́жетъ и҆сцели́ти болѣ́знь ѻ҆нѹ̀.

И сѐ слы́шавъ пи́фикъ свою̀ поги́бель всебѣ̀ рыда́ше гл҃ѧ ѿле моегѡ̀ безѹ́мїѧ. ꙗ҆́кѡ нѣ́сть мѝ сего̀ оу҆зна́лъ. паче же и҆ ста́рѹ ми сѹ́щѹ втаковы́хъ злы́хъ менѐ вложѝ и҆ пре́блазнѝ сїѧ̀ же́лва и҆́же бѡ̀ в ма́лыхъ тесно́тⷯ и҆ вскѹ́дости пребыва́ѧ безъпе-ча́лно житї̀е живе́тъ. жела́ѧжъ чтⷭ҇ь и҆ простра́нства в҆ безскорбї́и небыва́етъ, и҆ кже́лвѣ речѐ вскѹ́ю ѿ люби́маѧ моѧ̀ не сказа̀ мѝ таково́е сло́вѡ пре́жде да́же не и҆зыдо́хъ и҆з до́мѹ моегѡ̀, ꙗ҆́кѡ да срⷣце своѐ є҆собо́ю взѧ́лъ бы́хъ, зако́нъ бѡ̀ є҆́сть на́мъ си́це да є҆гда̀ к любо́вномѹ и҆дѐ. то срⷣце своѐ до́ма ѻ҆ставлѧ́емъ, длѧ̀ тоѧ̀ ра́ди вины̀ дабы̀ нѣ́что лѹка́во в се́рцѣ оу҆ дрѹ́га сѣдѧ́щи не по-мы́слити.

Сїѧ̀ же слы́шавши же́лва возврати́сѧ вспѧ̀, и҆ пловѧ́ше ры-да́ющисѧ и҆ донесѐ пи́фика на́ брегъ.

Ѻнъ же на сѹ́шѹ и҆зы́де и҆ на смоко́вницѹ взы́де.

Желка же далече стоѧ̀ и̑ вопїѧше сни́ди ско́ро дрꙋже ꙗ̑кѡ да по́йдемъ.

Пификъ же ѿвеща́въ, и̑ речѐ а̑ще сни́дꙋ до конца̀ срⷣце своѐ не прио̑бращꙋ.

И та́кѡ и̑зречѐ философъ.

Разꙋмѣ́й ѿ црⷭ҇ю, и̑же бѡ кто̀ жела́нїе своѐ по хотѣ́нїи своему найдетъ гл҃гѡ*, не совершитъ е̑ и̑ вре́мѧ ми́мѡ и̑детъ и̑ ничто́же оу҆спѣетъ па́ки.

И речѐ црⷭ҇ь филосо́фе разꙋмѣхъ сїѐ е̑же гл҃ши при́тчю но е̑ще скажи̑ ми̑ при́чю, комꙋ е̑сть подо́бенъ таковый и̑же тщитсѧ либѡ на нѣкое дѣлѡ, а̑ не и̑скꙋси̑ егѡ̀ прежде начина́нїѧ.

Философъ же воспрїимъ речѐ.

. Гл҃етсѧ. ꙗ̑кѡ мꙋжъ нѣкїй вкꙋпѣ со своею жено́ю живѧше.

И вникїй день речѐ к жены̀ своей, же́но бл҃гонаде́женъ е̑смъ. ꙗ̑кѡ мꙋжескїй полъ ѿроча̀ родитсѧ на́мъ, и̑ е̑гда̀ возрастетъ со ꙋсе́рдїемъ пораба́таетъ на́мъ и̑ смотри̑ каково̀ и̑мѧ нарече́мъ е̑мꙋ.

Она́ же речѐ е̑мꙋ преста́ни мꙋжъ блѧдословити. подо́бенъ е̑си̑ ты̑ мꙋжꙋ пролїѧвшемꙋ ме́дъ и̑ ма́сло.

.кд.

Притча сїѧ глетъ. О мужє пролиѧвшємъ мєдъ и маслѡ.

Глетсѧ, ꙗкѡ мꙋжъ нѣкїй ѿ оубогихъ имѣѧше оу себе внѣкихъ сосꙋдѣхъ медъ и масло идѣже спаше в ложницѣ своей.

И во единꙋ ѿ нощей помышлѧѧ в себѣ и глѧ хощꙋ сїе медъ и масло продати на пѣнѧзи. и тѣмъ кꙋплю десѧть козъ. и тїй родѧтъ ми толикѡ же козъ за пѧ мцъ. и пѧтьми лѣты составлю ихъ седморицею пѧдесѧтъ и ꙗкѡ тїй оу мене оумножатсѧ, прода ꙗ ихъ и кꙋплю *пѧть кравъ воловъ пѧтерицею пѧ сотъ*, и сими посѣю нивы и ѿ прочихъ плодовъ велми пребогатъ бꙋдꙋ и домы си воздвигнꙋ. три кровны и четверокровны и златоверхи и рабы различныѧ искꙋплю, и женѣ припрѧгꙋсѧ, и роди ми сына и нарекꙋ имѧ емꙋ пангелъ* еже сирѣчъ все добрѣ, и накажꙋ егѡ всемꙋ, ꙗко же подобаетъ ми. аще ли нерадѧща егѡ вижꙋ, симъ жезломъ бїю егѡ сице и взе предлежащїй емꙋ жезлъ, и внезапꙋ оударии имъ по сосꙋдомъ. в нихъ же бѣ медъ и масло. и разби ихъ напрасно и пролиѧсѧ медъ и масло.

Таже роди жена егѡ отрока, и по нѣкихъ днехъ рече жена егѡ кмꙋжу своемꙋ, присѣди мало здѣ оу отрока сегѡ дондеже шедъ возвращꙋсѧ.

И ѿйде жена̀ є҆гѡ̀ мꙋ́жъ же є҆ѧ̀ позванъ бысть ѿ властелина и҆ пойде ѡ҆стави дѣтище є҆дино.

И приключисѧ а҆біе пресмыкатисѧ змїй. на дѣтища ѡ҆ногѡ.

И видѣвши жена̀ брата є҆гѡ̀ невѣстка ѕмїю. и҆скочивши и҆зсѣче зыбы змїю̀ и҆ ѹ҆би ю҆ рꙋка́ма своима и҆ разтерзавъ и҆ ѡ҆крѡвависѧ змииною кровїю.

Пришедъ же паки мꙋжъ ѡ҆нъ и҆ видѣвъ невѣсткꙋ ѡ҆кровавленꙋ змїиною кровїю. и҆ мнѧше сѐ ꙗ҆кѡ ѡ҆троча̀ є҆гѡ̀ ѹ҆била є҆сть и҆ не стерпѣ дондеже видитъ ѡ҆троча̀, ѹ҆дари сїю̀ по главѣ̑ немилостиво и҆ ѹ҆мре ѿ тогѡ̀. вшедъ же во храминꙋ и҆ ѡ҆брѣте ѡ҆трока цѣла и҆ змїѧ содроблена, и҆ ѕѣлѡ̀ раскаѧсѧ. плакасѧ горкѡ.

Такѡ ѹ҆бѡ. тщашесѧ кто̀ на многїѧ вещи безъразсꙋжденїѧ се́й согрѣшаѥ҆. ꙗ҆кѡ тщеславенъ и҆нокъ пакость прїиметъ сꙋгꙋбѡ тѣло своѐ и҆зъсꙋшитъ мзды̀ не приемлѧ. и҆ кто не посмѣетсѧ тщеславномꙋ дѣлателю. и҆же кто̀ тщеславїѧ ради своегѡ̀ сотворѧетъ, а҆ не дш҃евнагѡ ради спасенїѧ.

И речѐ цр҃ь разꙋмѣхъ философе ѡ҆ семъ ꙗ҆же мѝ є҆сѝ реклъ. но прочее скажѝ мѝ причю.

Какѡ подобаетъ цр҃ю црс҃вовати и҆ цр҃ьство своѐ соблюдати не враждебно во всемъ, и҆ в конихъ паче незлобивым ли нравомъ. и҆ бл҃гою совѣстїю и҆лѝ подаѧнїемъ.

Философъ же восприимъ речѐ. не враждебно всегѡ̀ болши є҆сть мд҃рость и҆ терпѣнїе. и҆ к симъ же добрыхъ совѣтниковъ поспѣшенїе. таже и҆зрѧднаѧ и҆ мд҃раѧ жена. є҆сть же цр҃ю и҆ндѣйскомꙋ приключишеесѧ.

.кє.

Прича гл҃е ѡ ѡсмй сна҄ йндѣйскаго цр҃ѧ.

Глетсѧ сице ꙗкѡ той црь йндѣйскій во єдинꙋ ѿ нощей видѣвъ ѻсмъ сновъ страшныхъ й оужасныхъ й оубоѧвсѧ пробꙋдисѧ. й призва своѧ философы й ꙗже видѣ во сни сказа ймъ всѧ.

Ѻни же рѣша видѣніє єже видѣлъ єси досточюдно єсть. й подобаетъ намъ седмъ дней. єже ѡ нихъ смотрѣти йзшедше же ѿ црѧ и беседовахꙋ дрꙋгъ со дрꙋгомъ. й рѣша. немногѡ ѿ йде времѧ ѿ нележе сей црь тмꙋ ѿ насъ йзби. й нн҃ѣ ѻубѡ бж҃ественное промышленіє єже вложи єгѡ в рꙋки наша. й подобаетъ намъ подвизатисѧ. ꙗкѡ да погꙋбимъ єгѡ. сїѧ достоитъ намъ совѣтовати ємꙋ, ꙗкѡ да сына своєгѡ погꙋбитъ. й женꙋ снимъ же й *присника* своєгѡ, й первосовѣтника. єже єсть старѣйша книжникомъ. єще же й бѣлагѡ єлефанда на немъ же ѣздѣтъ самъ й дрꙋгаѧ два єлефанда великаѧ. й конѧ й велбꙋда. й кровь йхъ всосꙋдъ собрати ꙗкѡ да тою кровїю оумыемъ єгѡ й пропоемъ врачебныѧ пѣсни. ꙗкѡ да избавимсѧ ѿ всєгѡ зла.

И такѡ совѣщавшесѧ пристꙋпиша к црю й рѣша йспытахомъ в писаніихъ й ѻбрѣтохомъ сїѧ ѻнаѧ же ѻни оумысливша, нѣсть ти йнъ пꙋть спсенїѧ точїю єже сотворити сїѧ.

И речѐ црь не хощꙋ оубѡ а̂зъ сегѡ̀ сотворити, ꙗ҆кѡ цѣлꙋ быти мѝ є҆диномꙋ, а̂ толикѡ любо́вныхъ всѣхъ ѿстати.

Онѝ же рѣша црю ничто́же є҆сть болши своей дши всегѡ̀ бѡ̀ дражайши глава̀ своѧ чловкꙋ. творѝ оубѡ та́кѡ є҆же ти рече́мъ.

Слышавъ же сїѧ црь ѿ философѡвъ свой и҆ приско́рбенъ бысть ѕѣлѡ̀, и҆ ницъ лежа́ше. на о̂дрѣ свое́мъ и҆ помышлѧше что̀ сотворити.

И слышано бысть по всѣмъ людемъ црьства є҆гѡ̀. ꙗ҆кѡ печа́ленъ бысть црь.

И сѐ оувидѣ пе́рвый совѣтникъ є҆гѡ̀ и҆ ле́сть оуразꙋмѣвъ. но невозмо́же о̂ си бесѣдовати црви. и҆ приступѝ ќ црце, и҆ речѐ, зрю̀ бѡ црѧ приско́рбна сꙋща ѕѣлѡ̀. и҆ боюсѧ є҆гда̀, ка́кѡ лжи́ви сꙋть философи ле́стїю свое́ю сотвори́ша ѕло́бы ра́ди, є҆же потреби́ти є҆гѡ̀ до конца̀ совѣтꙋюще. но ше́дъ вопросѝ є҆гѡ̀ ты̀ црце, что̀ є҆сть вина̀ є҆ѧ же ра́ди толикѡ скорбѝ црь. и҆ є҆гда̀ ска́жетъ тѝ повиждь мнѣ.

Она́ же воста́въ ї и҆де ќ црю. и҆ сѣди при главѣ црвѣ, и҆ речѐ возвестѝ мѝ црю. что̀ приско́рбенъ є҆сѝ ѕѣлѡ̀ и҆ чтѡ̀ реко́ша философи твои всовѣте.

Црь же к не́й ѿвѣща̀, не прилага́й ќ ѧзва̂ ꙗ҆звъ. не подоба́етъ бѡ тѝ, о̂ таковыхъ вопроша́ти менѐ поне́же бѡ̀ не мо́жеши злꙋю бꙋрю разрѣши́ти.

Црца же речѐ не надѣѧхсѧ а̂зъ тогѡ̀ ѿ тебѐ ѡ҆ црю. ꙗ҆кѡ да оутаиши та́йнꙋ свою̀ нн҃ѣ ѿ менѐ. ꙗ҆кѡже є҆сѝ никогда̀ пре́жде

сегѡ̀ что̀ ѿ менѐ оу҆таилъ. и҆ аще ли мнѣ̀ сеѧ̀ та́йны своеѧ̀ не ѿкрые́ши но виждь ка́кѡ и҆но́мꙋ комꙋ̀ ѿкрые́ши.

Онъ же речѐ к не́й. что мѧ̀ вопроша́еши ѡ҆ же́но о свое́й поги́бели и҆ всѣ̀хъ любе́зныхъ мои́хъ.

Она́ же речѐ. а҆зъ и҆ про́чїй не оу҆бежи́мъ е҆́же бы́ти ѡ҆ тебѣ̀ и҆змѣне́нїе. чтѡ̀ бѡ̀ е҆́сть на́мъ чтнѣ́йшїй. па́че тебѐ цр҃ѧ. но мо-лю́тисѧ цр҃ю мо́й по сме́рти мое́й не вѣ́рꙋй ни комꙋ̀ ѿ фило-со́ѳъ свои́хъ. и҆ ниже оу҆бива́й когѡ̀ по словесе́мъ и҆́хъ до́ндеже свои́мъ прави́телемъ проѧви́ши совѣ́тъ сво́й. и҆же ти̇ ѡ҆ни̇ что̀ со-вѣ́тꙋю. не вѣ́си бѡ̀ ꙗ҆́кѡ враждꙋ́ютъ филосо́ѳи на тѧ̀ за нѐ до-во́лно то́ликѡ мно́жество ѿ ни́хъ пре́жде ма́ло вре́мени погꙋби́лъ е҆си̇ и҆ не мню̀ ꙗ҆́кѡ забы́ши сꙋ́ть. оу҆бїе́ннїй неподоба́етъ бѡ ни на-ча́ло сна̀ своегѡ̀ повѣ́дати и҆́мъ но а҆́ще послꙋ́шаеши менѐ. вопро-си̇ ѡ҆ си́хъ снѣ́хъ свои́хъ ѡ҆́ногѡ сꙋ́щагѡ по́сника *ста́рца оу҆твер-жда́ющагѡ хр҃тїѧны*.

Цр҃ь же а҆бїе на ко́нь сво́й всѣ́де и҆ по́йде кѡ ѡ҆́номꙋ по́ст-никꙋ и҆ ꙗ҆́же что̀ ви́дѣ во снѣ́хъ сказа̀ е҆мꙋ̀ всѧ̀.

По́стникъ же речѐ да не оу҆бои́шисѧ ѡ҆ цр҃ю ни что́ же тебѣ̀ ѕло̀ бꙋ́детъ повѣ́даю бѡ пе́рвое. ꙗ҆́кѡ двѣ̀ ры́бы е҆́же ви́дѣлъ на ѡ҆паша́хъ ходѧ́щихъ то̀ посла́нницы к тебѣ̀ прїи́дꙋтъ ѿ вели́кихъ цр҃ей и҆ приве-дꙋ́тъ ти̇ два̀ е҆лефа́нда. а҆ ꙗ҆́же два̀ **скворца̀** ви́дѣлъ е҆си̇. лѣта́юща ѡ҆кр҃тъ тебѐ, и҆ то знаменꙋ́етъ, ꙗ҆́кѡ пе́рстїй посла́нницы два̀ конѧ̀ и҆з-рѧ́днаѧ приведꙋ́тъ ти̇. а҆ ꙗ҆́кѡ же ви́дѣлъ е҆си̇ ѕмі́й пресмыка́емый по тебѣ̀ то̀ ме́чъ принесꙋ́тъ ти̇. сказꙋ́етсѧ ꙗ҆́кѡ никто́же ви́дѣ е҆гѡ̀ кѡгда̀. а҆ е҆́же ви́дѣлъ е҆си̇ ꙗ҆́кѡ тебѣ̀ кро́вїю креща́тисѧ, то̀ ꙗ҆влѧ́етъ ꙗ҆́кѡ по́слетътисѧ да́ръ свы́ше, ри́за багрѧ́на сїѧ́ющи вотмѣ̀. а҆ е҆́же

водо́ю ѡ҆мыва́нїе творилъ то показꙋетсѧ, ꙗ҆кѡ различнаѧ ѡ҆дѣѧнїѧ принесꙋтъ ти сѧ, а҆ е҆же на горꙋ бѣлꙋ вшелъ е҆си то и҆стиннѣ оу҆вѣре́нїе е҆сть ꙗ҆кѡна бѣла е҆лефа́нда всѧдеши, а҆ е҆же на главѣ своей видѣлъ е҆си ѡ҆гнь. то приписꙋетъ ꙗ҆кѡ вѣне́цъ многоцѣнный на главѣ своей прїи́меши, ѿ нѣкоегѡ црѧ велика. а е҆же *глава̀ твоѧ̀ ꙗ҆кѡ птищъ бысть*. то́ бѡ ннѣ сказꙋетъ малꙋю нѣкꙋю скорбь и҆ ѡ҆беща́нїе любимагѡ ѡ҆браза и҆ сїѧ̀ всѧ̀ збꙋ́дꙋтсѧ по седми́хъ дне́хъ и҆ бысть. та́кѡ по седми́хъ дне́й ꙗ҆кѡ же проречѐ ста́рецъ ѻ҆нъ по́сникъ.

И҆ прїидо́ша посла́нницы носѧще всѧ̀ цреви постарчю рече́нїю, и҆ видѣвъ цр҃ь ѿ любо́вныхъ свои́хъ словеса̀хъ, и҆ ѿбѣща́сѧ прїима́ти **тою̀** и҆ речѐ не подоба́етъ ми̑ ѿ си́хъ да́ръ ничто́же взѧти, но вы̀ прїѧтелїе мои̑ возми́те сїѧ̀ вкꙋпѣ со блгоꙋмною моею сожи́телницею, свою̀ бѡ̀ дш҃ꙋ за мѧ̀ положисте.

П҆е́рвый же совѣтникъ речѐ не подобаетъ на́мъ рабомъ таковы́ѧ дары прїимати. но па́че пр҃вно е҆сть сро́дникомъ твои́мъ таковы́ѧ дары прїимати.

Цр҃ь же речѐ ты̀ моемꙋ спсе́нїю повиненъ е҆си́. и҆ тма́ми досто́инъ е҆сѝ блгодѣѧ́нїю ѿ мене.

Т҆а́же взѧ̀ цр҃ь себѣ бѣлагѡ е҆лефа́нда, сы́нꙋ своемꙋ да́стъ е҆ди́нагѡ конѧ̀.

П҆ервосовѣтникꙋ же своемꙋ многоцѣнный ме́чъ и҆ про́чаѧ повелѣ первосовѣтникꙋ взѧти и҆ нестѝ в до́мъ жена́мъ свои́мъ.

Б҆ѧхꙋ же оу҆ црѧ двѣ жены̀ люби́мѣйшїи е҆ди́на е҆мꙋ совѣтоваше ѡ҆ по́сницѣ, и҆ дрꙋга́ѧ про́чаѧ и҆ прише́дъ цр҃ь кни́мъ. и҆ предложи́въ предни́ми вѣне́цъ и҆ багрѧни́цꙋ, и҆ речѐ кпе́рвой совѣт-

ницѣ избери си ѿ обою ѐже хо́щеши вене́цъ и̂ли багрѧни́цꙋ, а̂ ѻ̂ста́вшее дрꙋга́ѧ си да во́зметъ.

Ѻна́ же недѡꙋмѣ́ѧшесѧ ко́е взѧ́ти и̂ возрѣ. кпервосовѣтникꙋ.

Ѻнъ же помава́ѧ се́й ѻ̂комъ ѐже взѧ́ти багрѧни́цꙋ.

И слꙋчи́сѧ тогда̀ црю воздви́гнꙋти ѻ̂чи свои̂, и̂ ви́дѣ первосовѣтника помава́юща к женѣ ѐгѡ̀ ѻ̂ багрѧнѣцѣ.

Ѻна́ же разꙋмѣвъ ꙗ̂кѡ не оу̂таисѧ ѿ црѧ помава́нїе. и̂ не взѧ̀ багрѧни́цꙋ но взѧ̀ вѣне́цъ.

Первосовѣтникъ же ѿто́лѣ преклони́въ ѻ̂ко своѐ до четы́редесѧти лѣтъ. да мнитсѧ црю ꙗ̂кѡ ѻ̂ко ѐгѡ̀ таковꙋ стра́сть и̂мать и а̂ще не бы̀ та́кѡ сотвори́лъ то живо́тъ сво́й погꙋби́лъ бы̀.

Во ѐди́нъ же оу̂бѡ ѿ дне́й ꙗ̂же вене́цъ взе́мшаѧ жена̀* сїѧ̀ притчи кнѣкоторымъ писа́телемъ но недописаны сꙋ̑. но ꙋ̂же вре́мѧ возлю́бленнїи сладкꙋю ѻ̂нꙋ бесѣдꙋ ѻ̂те́ческихъ словесъ сократи́ти.

Бгъ же чл҃вколюби́вый да покры́етъ на́съ свое́ю бл҃годатїю и молитвами всѣхъ стыхъ а̂ми́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Д. означаетъ текстъ «Стефанита и Ихнилата,» изд. Даничичемъ; Б.—бѣлградскій списокъ; К—карловацкій списокъ). | Страницы текста.

1. Наказательныꙗ словесы отца дѣтꙗмъ, стр. 1—2.

(Ср. Штарка, p. 4 — 8; нѣмецкій текстъ, изд. Голландомъ «Das Buch der Beispiele der alten Weizen,» S. 21—22; Толстовскій списокъ, 3. 45, л. 76).

Словесенъ Д. — Стр. 1.

*възраштаеми; К. възвраштаемы. У Штарка: Ὦ τέκνα, λέγων, ὁ ἐν τῷ βίῳ τούτῳ ἀναστρεφόμενος, τριῶν δεῖται πραγμάτων.

*Д. о немже. Смыслъ таковъ: людямъ добрымъ въ будущей жизни пребываніе съ праведными. Ср. Штарка, — καὶ ἐπιτυχίας τῶν ὑποταμιευομένων ἐκεῖσε τοῖς δικαίοις ἀγαθῶν. Во французскомъ переводѣ басенъ Пильпая (см. «Политическія и Нравоучительныя басни Пильпая,» переводъ Бориса Волкова, стр. 47) эта третья цѣль понимается, какъ «снисканіе небесныхъ благъ.» Въ нѣмецкой редакціи всѣ три цѣли выражаются такимъ образомъ: «Narung sin selbs ein eerlichen staut by den lüten und sich wissen zu bewaren.» Относительно путей, какими могутъ быть достигнуты эти цѣли, всѣ редак- — Стр. 2.

ціи согласны. Ихъ выраженіемъ служатъ индійскія понятія dharma (справедливость), artha (пріобрѣтеніе), kâma (наслажденіе) и moksha (блаженство).

Въ «Anwâr-i Suhaili» при этомъ вставлены нѣсколько разсказовъ «о скрытомъ сокровищѣ,» «о дервишѣ» и «о промотавшейся мышѣ» (Benfey, Pantschatantra, B. I, S. 97—98).

богатство Д.

благодѣтельствовать Д.

**вм. Нище. Д. въ обоихъ спискахъ исправляетъ: ништь.

***Д. Сопоуси. Въ нашемъ текстѣ правильно сапози. Въ греческомъ текстѣ οἱ σωλῆνες (canales), — весьма остроумная замѣна трубъ водопровода, въ которыхъ просачивается вода, дырявыми сапогами.

****Б. обрѣштеть, обрѧщеть.

††Замѣчательно, что нравоученіе это, недостающее въ спискахъ Даничича и Штарка, въ нашемъ текстѣ указываетъ на обязательность ручнаго труда въ иноческомъ быту.

---

2. Сказаніе ō кꙋпцехъ, стр. 3—4.

(Ср. Штарка, p. 8—12. «Das Buch der Beispiele,» S. 22—23; Pantschatantra, строфы 22—26; сирійскій переводъ, Kalilag und Damnag,» S. 2—3).

Стр. 3. *Кола* Д.

*въ тинѥ Д.

въгльбноути--Б; оугльбнѫти—К.

**Д. и въ звєдоше єго штъ кала, что ближе къ греческому (см. p. 8) и нѣмецкому текстамъ, въ которыхъ не упоминается о выпряжкѣ тельца, такъ не упоминается объ этомъ въ санскритскомъ и сирійскомъ.

водоносно же и травноД.

***Б. ногама; К. рогма; также и въ греческомъ спискѣ: κέρασι.

†Въ нѣмецкой редакціи вмѣсто этого наставленія, кото-

раго мы не находимъ ни въ греческомъ, сирійскомъ, въ «Anwár—i Suhaili,» ни даже у Даничича, разсказывается басня о человѣкѣ слишкомъ часто ходившемъ въ лѣсъ по дрова и набревшемъ на стаю волковъ. Спасаясь отъ нихъ, скиталецъ попадаетъ на сломанный мостъ и бросается въ воду, хотя и не умѣетъ плавать. Рыбаки вытаскиваютъ его изъ воды и укладываютъ близь стѣны. Но какъ только онъ началъ разсказывать о томъ, какъ попалъ онъ въ воду, и спасся оттуда, на него обрушивается стѣна и убиваетъ его. Тотъ же мотивъ на тему о неизбѣжности смерти въ нѣсколько иной обстановкѣ повторяется и въ арабскихъ редакціяхъ, С. де Саси (см. объ этомъ Benfey, B. I, § 28). Ср. Pantchatantra, II кн, строфы 860 («unglücklich ist Tapferkeit, wenn feindlich das Schicksal.») и 880 (Das Schicksal ist Herr von Glück und Untergang).—Любопытно при этомъ замѣтить, что въ русской редакціи совсѣмъ измѣненъ смыслъ наставленія, выраженнаго въ 24-й строфѣ Панчатантры по поводу того обстоятельства, что быкъ, брошенный своимъ хозяиномъ, не пропалъ, а напротивъ, раздобрѣлъ на волѣ. Тогда какъ въ Панчатантрѣ говорится, что «wer unbeschützt, findet sich vom Geschick beschützt; was wohl beschützt, kömmt vom geschick geschlagen um; am Leben bleibt, der in dem Walde hülflos lag; trotz aller Mühe stirbt der im Haus Verpflegte,») славянорусскій текстъ, отказавшись отъ такого фатализма, пользуется примѣромъ быка, чтобы предостеречь иноковъ отъ неумѣреннаго пользованія земными благами и бездѣятельнаго образа жизни.

дроуѕы Д. Стр. 4.

лѣдь помрьзшаа Д. У Штарка: ὥσπερ πεπηγότα (velut afixum loco suo).

катадневноу Д. По гречески καθημερινήν.

3. Притча сія глетъ о пиѳикѣ (объ обезьянѣ), стр. 5—10. (Ср. Штарка p. 12—86; «Das Buch der Beispiele,» S. 23—29;

Anwár-i Suhaìlì, p. 86; «Kalilag und Damnag,» s, 3 — 8; Pantschatantra, 1-я басня до 121 строфы; Толст. л. 87).

Стр. 5. *цѣпєшта* Д.

цєпиті Д.

*Д. моудꙍмь жє єго въ дрѣвєноую цѣпиноу въшадшємъ, и клини нѣвєдєніємъ извлѣкшоу (К.— съключи сє дрѣво) и дрѣвомъ єтомь бившимь моудꙍмь єго, по салоучаю малодоушаствовашє, и дрѣводѣли дошьдшоу моучєнь быс́ть вѣлми. Ни въ греческомъ, ни въ нѣмецкомъ текстахъ такихъ подробностей нѣтъ. Въ Панчатантрѣ сказано просто: «es waren aber seine Hoden in die Oeffnung des Balkens gerathen,» а въ сирійскомъ «пиѳикъ лишился чуствъ.» (Seine Besinnung schwand).

еи Д.

**Въ обоихъ спискахъ Д.: нє зарадн житєйскіє пиштє, что вполнѣ соотвѣствуетъ смыслу рѣчи.

Нъ Д. Совершенно согласно съ 27-й строфой Панчатантры, гдѣ говорится: Seinen Freuden Nutzen zu schaffen seinen Feinden Schaden zu thun, behehrt der weise des königs Nähe.» Ср. также Гитопадеса, II, 34.

***нє до нижниχъ Д. Ср. стр. 10 Панчатантры «leichtzufrieden gemeine Menschen» и пр.

Стр. 6. *страстань* Д.

**таци оубо єсмы и мы тѣмь да лобизаємь число нашє Д.

*Сравненія съ камнемъ въ Б. спискѣ нѣтъ, тогда какъ въ К. оно выражено такимъ образомъ: ꙗко жє бо и камєнь оудобнѣ ꙍть горныχь съχодити нєжє въсχодити. — Въ нѣмецкомъ: ein schwäre bürdin ist hart in die höhe zu bringen, aber von ir selbs mag sy von der höhe in die nydern vallen.» Въ греческомъ: Ὥσπερ, ὁ λίθος δυσχερῶς μὲν ἄνω φέρεται, ῥαδίωσπρὸστὰ κάτω χορεῖ (quemadmodum lapis magna vi vix in sublime agi potest, sed sponte deinde relabitur). Въ сирійскомъ также сохраняется это сравненіе.

съматраю его по прѣложенію Д. Стр. 7.

*ѥсть наоучиль. Д.

ѡтъ себѣ Д.

**та бо Д.

нь знаю Д.

×Притча объ отрокѣ, пріобрѣтшемъ скромностью дружбу царя, въ Погодинскомъ спискѣ составляетъ отдѣльную главу, именно третью (ср. «Очеркъ» Пыпина, стр. 161).

****ꙗкоже и изрѣдни**** Д.

***приличьни врѣменоу Д.

*Въ Б. рѣце. Въ другихъ упомянутыхъ выше редакціяхъ недоступность царя уподобляется горѣ (см. Штарка, p. 26; Kalilag und Damnag, s. 5). Стр. 8.

иже бо Д.

×У Д. царское слоуженіе. Сир. «Mächtigen dienen;» нѣм. «dem künig dienen;» Штаркъ, ὀυδεὶς (regia nimirum ministeria).

**Въ русскомъ спискѣ смыслъ совершенно затемненъ, тогда какъ у Даничича и въ другихъ редакціяхъ онъ вполнѣ ясенъ. У Д. две бо мѣсте ѡтьлоучишъ (е) се великоумномоу моужоу, царьсци двори и еже въ поустиньахъ ѡть постникъ прѣбиваніа: ꙗко же и елефандоу поустинѧ и царсци двори. Тоже въ греческ. αἱ βασίλειαι αὐλαί, καὶ αἱ ἐν ἐρήμοις παρὰ τοῖς ἀσκηταῖς διατριβαι. Ὥσπερ καὶ τῷ ἐλέφαντι ἥτε ἔρημος, καὶ ἐὐ τοῖς βασιλείοις διαγωγή. Совершенно одинаково въ сирійскомъ и въ нѣмецкомъ спискахъ.

не пристаю ти Д.

ти Д.

*** Въ К. вѣмъ; Штаркъ, εἰδώς.

****хоуди**** Д.

*дрѣво малоѥ Д. Стр. 9.

**У Д. к чесанію оуҳоу, что̀ согласно съ сирійскимъ «im Ohre kratzen,» съ греческимъ—πρὸς ὠτὸς κνησμὸν (ad aures scal-

pendos). Въ нѣмецкомъ упоминается о зубочисткѣ (sin zen zû rumen), а въ Панчатантрѣ и то, и другое «Zähnereinigen und zum Ohrenkitzeln» (строфа 81-я). Только въ арабскомъ («Das Buch der Weizen,» v. Philipp Wolff, s. 17. Z. I. V. U.) не указано назначеніе дерева.

Хıаковь кєсть. Д.

***нє ѡть землкє въсіıаютъ. Д.

ХХД. и бисєрь. Это слово ниже встрѣчается въ нашемъ текстѣ (бѣсєръ).

****Д. (,) передъ словомъ «себѣ.»

****Д. владалци. Штаркъ, οἱ ἡγεμόνες.

людєхь Д.

Стр. 10. *Въ К. нѫ нєпотрєбни бываѫть аштє и близь сѫть; въ Б. нѣтъ.*

Хаштє и диви кєсть. Д.

и ѡть долніє чєсти соуть, нь комоуждо по достоѩнію даѩти ашти и нєціи нє годоуютъ. Д.

Совѣтова Д.

****своє**** Д.

****излихсѧ гласи; праздни бо соуть**** Д.

4. Притча сіѩ глєтъ ѻ лисицє, стр. 10—14.

(Ср. Штарка, p. 36—60; «Das Buch der Beispiele,» s. 24—35; Pantschatantra, s. 21—56; Kalilag und Damnag, s. 8—12. Толстов. л. 92).

Стр. 11. *Гласноє вѣличіє* Д.

Гладєнь жєланієм Д.

ХУ Д. пристоупити дрзноу. и ıако приближисє къ тоумпану, мнєшь ıако мнѡго обиліє мѣсѡмь полоучить, н тако видєніємъ прѣлаштєна бив(ш)и.

*Д. таковоє

ѡтьшадшоу Д.

****къ ихинлатоу своıа словєса вьвѣрихь**** Д.

**Д. бєз правди

ѡтьєть Д.

***Д. прѣдь моими врати поврьжєнь бє.

****Въ Б. силою не находится, а въ К. ѿть мєнє силоѫ

присвоит сє Д.

мниши Д. Стр. 12.

под ѡбластіюД.

простиню полоучиши Д.

съ дроугы Д. Стр. 13.

*также въ Б. а въ К. оскѫдѣхь.

мнє изєштьнь почастію Д.

Въ русскомъ текстѣ, какъ равно и въ спискахъ Даничича, пропущена басня о брахманѣ, по собственной недальновидности, потерявшемъ деньги; о шакалѣ, убитомъ по собственной несообразительности и о своднипѣ, лишившейся носа. Въ Панчатантрѣ разсказъ ведется отъ лица Даманаки (Ихнилата); въ арабскомъ, нѣмецкомъ и сирійскомъ — Каратакой (Стефанитомъ). Въ греческомъ текстѣ басню эту также разсказываетъ Стефанитъ, но разница отъ другихъ списковъ въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ разсказъ непосредственно слѣдуетъ за раскаяніемъ Ихнилата, тогда какъ въ греческомъ онъ приведенъ въ заключеніе разсматриваемой темы. Этотъ разсказъ особенно любопытенъ въ томъ отношеніи, что сюжетъ его, съ тѣми или другими измѣненіями, повторяется нетолько въ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго истокахъ индійскаго памятника, но и почти во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ востока и запада, которыя, какъ выше указано (см. введеніе стр. 28 и слѣд.) находятся въ связи съ,, Стефанитомъ и Ихнилатомъ" (см. подробности объ этомъ Benfey, Pantschatantra, Bd. I, S. 137—158). Вотъ самое содержаніе этихъ басенъ, передаваемое нами по переводу Бориса Волкова:

Нѣкій царь подарилъ монаху богатое платье. Воръ, узнавши объ этомъ, явился къ монаху и предложилъ ему себя въ услуженіе до конца своей жизни. Монахъ принялъ его охотно; а воръ при первомъ удобномъ случаѣ укралъ платье и ушелъ. Монахъ отправился въ ближайшій городъ его розыскивать. На дорогѣ онъ увидѣлъ двухъ барановъ, бившихся рогами, и лисицу, которая подлизывала кровь, лившуюся изъ ихъ ранъ. Въ это время одинъ изъ барановъ такъ сильно ударилъ лисицу, что она упала мертвой. Монахъ такъ засмотрѣлся на это зрѣлище, что по прибытіи въ городъ нашелъ ворота запертыми. Видя его въ затрудненіи, одна женщина, занимавшаяся сводничествомъ, предложила ему свой домъ для ночлега. Монахъ согласился. Въ числѣ жившихъ у нея дѣвушекъ была одна любовница молодаго дворянина, крайне ревниваго, котораго она нестолько любила, сколько боялась. Наученная другими своими поклонниками и желая отдѣлаться отъ своего любовника, она напоила до пьяна своего ревнивца и во время его сна вдунула ему въ носъ ядъ, но онъ сильно чихнулъ, и ядъ попалъ въ ротъ любовницы, которая его проглотила и умерла. Видя это, монахъ испугался и поспѣшилъ уйти изъ опаснаго мѣста; онъ пришелъ въ домъ къ сапожнику, у котораго была жена, имѣвшая любовника. Сапожникъ принялъ его любезно и, приказавъ женѣ угостить его, самъ ушелъ на пиръ. Какъ только ушелъ мужъ, жена сапожника черезъ жену цырюльника, женщину очень ловкую, помогавшую ей сноситься съ любовникомъ—дала знать этому послѣднему, что мужъ ушелъ со двора и что ей удобно будетъ съ нимъ видѣться. Любовникъ тотчасъ явился, но въ то же время возвратился и сапожникъ, который, увидя его у своихъ воротъ, разсердился и войдя въ домъ, избилъ жену, а потомъ привязалъ ее къ столбу и легъ спать. Пока онъ спалъ, прибѣжала жена цырюльника, незнавшая о случившемся, и ска-

зала сапожницѣ, что любовникъ уже давно ее дожидается. Послѣдняя упросила жену цырюльника привязаться на ея мѣсто къ столбу, а сама отправилась на свиданіе. Но лишь только жена сапожника ушла, какъ послѣдній проснулся и сталъ громко звать ее. Жена цырюльника, боясь, чтобъ онъ неузналъ ее по голосу — не отзывалась. Тогда онъ въ бѣшенствѣ схватилъ ножъ и отрѣзалъ ей носъ. На разсвѣтѣ возвратилась сапожница и увидѣвъ свою вѣрную пріятельницу безъ носа,—просила у нея прощенія и отвязавъ ее, сама привязалась къ столбу, а жена цырюльника пошла домой. Потомъ спустя нѣкоторое время жена сапожника стала взывать, поднявъ руки къ небу: „Боже Всемогущій, которому всѣ тайны извѣстны, Ты знаешь, что я честная жена, докажи же мужу нелѣпость его подозрѣній, возврати мнѣ носъ по прежнему.“ Сапожникъ, услыхавъ это, закричалъ: „какъ смѣешь ты своими нечистивыми устами произносить молитву; ты знаешь, что изъ оскверненыхъ устъ молитва не доходитъ до престола Божьяго.“ „Тиранъ,“ закричала вдругъ жена „встань и удивляйся величію Божію и чрезмѣрной Его благости; Богъ, видя мою невинность, возвратилъ мнѣ носъ.“ Сапожникъ, увидѣвши, что на лицѣ его жены нѣтъ никакого признака его безчеловѣчнаго дѣянія, разскаялся въ своемъ подозрѣніи, просилъ у нея прощенія и умолялъ забыть его безчеловѣчіе. Между тѣмъ, жена цырюльника, возвратившись домой, легла потихоньку подлѣ мужа. Проснувшись, онъ велѣлъ ей подать себѣ готовальню съ бритвами, чтобы идти брить одного человѣка; жена встала и нарочно долго искала, а когда замѣтила, что онъ начинаетъ сердиться, подала ему только одну бритву; цырюльникъ со злости, бросилъ бритвой въ жену, тогда она стала громко кричать и упала на землю. Сбѣжались сосѣди, и видя ее въ крови и безъ носа—стали ругать цырюльника и повели его къ судьѣ. Судья, выслушавъ дѣло,

спросилъ цырюльника, зачѣмъ онъ такъ безчеловѣчно поступилъ съ женой. Цырюльникъ незналъ, что на это отвѣтить, вслѣдствіе чего судья осудилъ его на смерть. Но въ это же время въ судъ зашелъ монахъ, знавшій правду о всемъ случившемся; услышавъ приговоръ, монахъ тотчасъ закричалъ: „отложите свой приговоръ, и выслушайте слѣдующую загадку: не воръ укралъ у меня кафтанъ; не баранъ убилъ лисицу; не молодой дворянинъ отравилъ ядомъ свою любовницу; также и не сапожникъ отрѣзалъ носъ у жены цырюльника; но сами мы привлекли на себя несчастья." Тогда судья, оставивъ цырюльника въ покоѣ, просилъ монаха истолковать ему эту загадку. Монахъ расказалъ все, что видѣлъ и сказалъ: „Еслибъ я изъ честолюбія не взялъ кафтана, то воръ не укралъ бы его; еслибъ лисица изъ жадности не бросилась между баранами,—то не была бы убита; еслибъ любовница не пожелала отравить ядомъ молодаго дворянина, то сама не умерла бы; и еслибъ жена цырюльника не была бы сообщницей сапожницы, то не былъ бы у ней и носъ отрѣзанъ. *Потому то всякій, кто дѣлаетъ худо, тотъ не долженъ ждать и себѣ добра*».

ꙗже пострада Д.

** Въ Б. да држить; въ К. да гонить.

Стр. 14. ***Д. єжє льстію

пачє Д.

никоєго зла прєбивающта львоу ѡть тѣлча присвоєніꙗ Д.

*Т. е. вєштми Д.

оуметчати сє Д.

×и моудріє Д.

****послоушникы**** Д.

××У Д. тѣлєсною.

5. Прича сїꙗ глєт ѡ вранѣ и о змїи, стр. 15.

(Ср. Штарка, р. 60—62; Панчатантра, 57 стр.; «Kalilag und

Damnag,» S. 12; Holland, S. 35; Толст. л. 97. Подробный анализъ этой басни, см. у Бенфея, I т., § 58).,

жеравово Д. Стр. 15.

6. Притча гл҃етъ о жеравли и о ежи, стр. 15—17.

(Ср. Штарка, р. 62—70; Панчатантра, 7-й разсказъ «журавль и ракъ,» стр. 61; Holland, S. 35; «Es war ein vogel, der het sin wonung etc; «Kalilag und Damnag» S. 12: «Es war einmal ein Fischredherer. etc; Толст. л 98).

до стоужи сiи Д.

Соуштiимь Д. Стр. 16.

и наче сь таковою притчею Д.

в некы горни брегь Д.

тамоуже Д.

****Въ Б. подимоу****

Хили добре оумрѣти ми Д.

обзиноувь Д.

како множицею Д.

****Ети**** Д.

ХХаште бо можеши високо возлѣтети. Д.

*Д. долоу женскоую красотоу чьстнѣйшоую, и похытию, что согласно и съ Толст. Сбор. (ср. стр. 335 «Очерка» г. Пыпина).

ти Д. Стр. 17.

*тѣлець. Д

моударь Д.

7. Притча сiя гл҃е о зайце и лвѣ, стр. 17—20.

(Ср. Штарка, 70—82; Holland, s. 37: «Es was low,» Pantschatantra, 8-й разсказъ; «Kalilag und Damnag», s. 14: «Es war einmal ein Wald,» Толст., л. 101).

водоносно Д.

**избавимъ

****троудамь и потомь **** Д.

Стр. 18. *же* Д.

*Въ К. къ дроужинѣ своеи звѣринскои.

послоушаете Д.

юже Д.

еже хощеши сотворимь Д

късншмь ходшмь Д.

кладенаць Д.

****свою сень****

кладенаць и оудави се

×Д. не

непріꙗтель Д.

Стр. 19. *очай*

*Въ Б. также, а въ К. съ отрицаніемъ.

**У Д. къ томоу же глаголати не смеешь аште ли за пользоу послоушаюштаго боудешь.

извѣстно Д.

ꙗветь се Д.

****и удобна не оутаити ти**** Д.

****похитити**** Д.

8. Прича сїа глє, о трехъ рыбахъ, стр. 20—22).

(Ср. Штарка, p. 82—90; Holland, s. 39: «man sagt, es syen dry visch»; Pantschatantra, 14-й разсказъ; «Kalilag und Damnag,» s. 15, «In einem Teiche»; Толст., л. 100—107.

Стр. 20. *два рыбара* Д.

при таковомь блатціи Д.

таковое слово Д.

Стр. 21. *моштно* Д.

само Д.

*(.) Точка неправильно передъ точію. У Д. за этимъ словомъ слѣдуютъ на твои и затѣмъ уже точка.

Б. южемь; К. ꙗжемь.

въшка Д. Стр. 22.

9. Прича сїа. о коридѣ или о вши, и о блохѣ.

(Ср. Штарка 90 —102; Holland, s. 41: «Man sagt, es sy ein lus»; Pantschatantra, 9-й разсказъ; «Kalilag und Damnag,» s. 17: «In dem Bett eines Vornehmen»; Толст., л. 111).

въшкоу Д.

спасе се Д. Стр. 23.

оубоиши се Д.

блюванїемь Д.

*іаве Д.

по наваде Д. Греч. ἐξ ὑπολήψεως *)

**съвѣтникь

съвѣть Д. Стр. 24.

*Д. замѣчаетъ, что можно читать и съвѣсть

и о кьснени Д.

речи Д.

****си**** Д. При этомъ, вм. (.) точки передъ сїе, (:) двоеточіе послѣ си.

*сътворихь*Д. Стр. 25.

Б. ни разоумливь; К. неразоумичень.

нимфеювьД.

* и далѣчнааД. Стр. 26.

разждизають Д.

10. Прича сїа гле о волкѣ и о лисицѣ и гавранѣ, и о лвѣ и о велбуде, стр. 26—29.

(Ср. Штарка, p. 102—114; Holland, s. 47: «Man sagt, es sy gesin ein löw, der het dry mitgesellen»; «Kalilag und Damnag», s. 21: «Es gibt einen Wald, der in der Nähe.»; Панчатантра, 11-й разсказъ; Толст., л. 117).

·Хвса Д.

Въ Б. опоуждаю; въ К. штьганѣа.

---

*) Въ этомъ мѣстѣ послѣ слова «паче» въ текстѣ пропущены, вслѣдствіе типографскаго недосмотра, слѣдующія слова: ѿбезчестїе влагаетъ ѿзлѣ.

Стр. 26. ***себѣ*** Д.

****Д. можемь**** Д.

*Д. и сити бити.

Стр. 27. *Д. поразди его не ходити съ нами.

Стр. 29. *възапише* Д.

нападьше Д.

да не і азь Д.

****извагаеть**** Д.

+Не находящееся у Д. мѣсто весьма любопытно. Въ виду положенія тельца и его размышленія о необходимости постоять за себя Ихнилатъ припоминаетъ, что нѣкогда обнимали съ трудомъ великимъ городъ, нарушивъ законъ, прославились въ тотъ день лучше, чѣмъ стоя мудро у берега по притчѣ Гомеровой. Слова эти соотвѣтствуютъ слѣдующему мѣсту въ Сирійскомъ текстѣ: denn man sagt, dass man durch sorgfältihe Vorbereitung, Stärke und durch langes Aufschieben nicht so viel erreicht wie durch raschen Entschluss. Denn wenn einer im Kampfe stirbt, so ist er wohl aufgehoben, tödtet er aber seinen Feind, so erlangt er Ruhm». Такимъ образомъ смыслъ въ обоихъ текстахъ аналогиченъ: рѣшимость часто полезнѣе мудрой обдуманности.

Слова близъ бѣды спасенія не буди. исполу мертвъ не есть ли намекъ на слѣдующее мѣсто въ I-мъ посланіи ап. Павла къ Өессалонянамъ: «миръ и безопасность тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба». (Гл. V-я, 3)? Подобный же намекъ на слова ап. Павла виденъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ мыслей Ихнилата. Такъ, доказывая справедливость своихъ соображеній, онъ прибавляетъ: ты тоже говоришь, что добро пользуется много претерпѣвшій. Ср. Претерпѣвый до конца, той и спасенъ будетъ. (Ев. отъ Матөея гл. 24, 13).

Въ нашемъ текстѣ, а равно и въ спискахъ Д. нѣтъ басни о птицѣ алкіонъ, которая находится у Штарка (p. 114—116), въ Панчатантрѣ (12-й разсказъ: «Der Strandläufer und das

Ocean», въ «Kalilag und Damnag» (s. 24. Ein Strandläufer nistete» etc.) и въ «Das Buch des Beipiele» (s. 51: «Es waren zwen vogel an des meres staden» etc.).

11. Притча сїѧ̀, ô двꙋ норцаͯ и̂ ô желвѣ, стр. 30—31.

(Ср. Штарка, 116 127; Holland, s. 52: «Es waren by einem veld»; «Kalilag und Damnag», s. 24: «Es gibt eine Wasserquelle» etc.; Панчатантра, 13-й разсказъ; Толст. л. 123).

*камо запльзети*Д. Стр. 30.

молю ви се оубоД.

оухапатиД.

****носима лѣтить****Д.

*рече: не тако бѣстоудьно*Д. Стр. 31.

12. Пр҃ича сїѧ̀ гл҃е бесѣды ко и̂хнилáтꙋ ѿ стефани́да по ꙋбїе-нїи телца̀, стр. 32—33.

(Ср. Штарка, p. 124—128; Holland, s. 54; «als nun Kellila dis gesehen» etc; «Kalilag und Damnag» s. 26: «Als nun Kalilag den Löwen blutbefleckt». См. въ Панчатантрѣ, строфы 420—430.

юже Д. Стр. 32.

*Въ Б. единомислїе дроужинїи.

Въ Б. лакоми разоумь; К. лакомство и разоумь.

тако бо страждоуть и лилıакове очи, за нıе прѣз дıень не могоу видѣти, того ради въ ноши лѣтають Д. Стр. 33.

Это сравненіе въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается въ притчѣ «о дву норцахъ» (см. 11-ю притчу). Въ другихъ спискахъ вм. «лекарныя очи» находится «лелѣковы очи» (ср. «Очеркъ и пр.» г. Пыпина, стр. 163), что ближе подходитъ къ греческому «τὰ τῶν νυχτερίδων ὄμματι» (Штаркъ, p. 126). Сирійская редакція намъ вполнѣ объясняетъ первоначальный смыслъ этого мѣста. Тамъ оно находится въ связи съ уподобленіемъ мудреца, исправляющаго людскія ошибки, врачу, который исцѣляетъ недуги. «Aber ein Thörichter» — говорится

далѣе — «wird immer aufgeblasener, *gleich der Fledermaus*, deren Augen durch das Licht verfinstert werden, welches allen andern Wesen Sehkraft verleihet» (s. 27). Такимъ образомъ русскій переводчикъ, не зная, что здѣсь рѣчь идетъ о птицѣ «лелекъ» (полунощникъ, козодой, caprimulgus, см. «Толковый Словарь» Даля. Ср. также Потта въ «Zeitschrift für d. Kunde des Morgenlandes, IV, s. 31 подъ словомъ «Storch»), измѣнилъ разсматриваемое мѣсто въ томъ смыслѣ, какъ будто бы говорится о залеченныхъ глазахъ.

Стр. 33. **бѣзоумно бо ѥсть**Д.

*рече бо некто ѿть моудріихъ*Д.

Въ поученіи о томъ, что безполезно наставлять упрямыхъ, въ сравниваемыхъ нами текстахъ, кромѣ издаваемаго, помѣщена басня объ обезьянахъ и воронѣ («Pantschatantra, 1 кн., 17-й разсказъ; Holland, s. 55; Bickell, s. 28: Штаркъ р. 128—130), которую мы воспроизводимъ по тексту Даничича; «глаголѥтъ бо се яко нѣціи питиціи (пиѳикъ) въ некоей горѣ прѣбиваюште въ зимно врѣме и тешкою зимою одрьжиміи бивьше трѣпетахоу, и некаковь камень (id. у Штарка, въ другихъ же спискахъ «свѣтящійся червячекъ», а въ Панчатантрѣ плодъ дерева «Gundscha») обрѣтьше се сіяюштъ, мнѣхоу яко огьнь ѥсть, и начеше доути (въ К. дихати) непрѣстанно. Гаврань же мимо лѣтевъ, и видѣвъ празно троудеште се, рече къ нимъ: не льстите се вы; нѣсть бо огьнь прѣдлежеште вамъ нь камень. Они же не вероваше его. И это видѣ гаврань яко не послоушаютъ его, сънide ка нымь — видевь же его некто съходешта рече: не троуди се, ѡ гавране; не можеши бо криваго исправить, бѣзоумнаго наказати и оумоудріити, никто же бо свои мачь на камени испитоуеть. Гаврань же не покори се наказанію его приближи се къ питикѡмь иже, и похитивше растрьгоше и ты (говоритъ Стефанитъ Ихнилату) грьдостію и лоукавьствѡмъ побѣжденъ бысть, не послушаеши

наказанiа, и подобно постраждеши лоукаваго моужа, иже бѣше дроугъ съ прѣпростiимъ».

Любопытно замѣтить, что нашъ текстъ, опуская эту басню, упоминаетъ объ изреченiи премудраго *Соломона*. Въ связи съ этимъ можетъ находиться и «некаковь камень» въ спискѣ Д., соотвѣтствующiй въ нѣмецкой и сирiйской редакцiяхъ «свѣтящемуся червячку.» Что это за „червячекъ", станетъ ясно, если вспомнить о томъ волшебномъ червячкѣ, передъ которымъ, по понятiю талмудистовъ, не устоитъ ничего твердаго и который старался добыть Соломонъ при постройкѣ своего храма (см. Zauber-Bibliothek, von G. C. Horst, 4—te Theil, s. 353—355, Mainz, 1823 г., гдѣ указаны и источники для знакомства съ исторiей этого животнаго). Называлось оно *шамиромъ*, хранителемъ котораго въ сказанiяхъ о Соломонѣ является то удодъ (еврейскiй nagartura,—что значитъ камнетесъ—сближаемый г. Веселовскимъ съ русской птицей *ноготь* (см. объ этомъ „Славянскiя сказанiя о Соломонѣ и Китоврасѣ", стр. 212—216), то глухарь, или какъ въ библейско-мусульманскомъ разсказѣ о Соломонѣ, *воронъ* (ibid., стр. 108 и 131). Ср. текстъ Д., гдѣ воронъ также выставляется знающимъ свойства „некакова камня".

13. Прича сiа гле о двоу дроузѣхъ, стр. 3 —36. Стр. 34.

(Ср. Штарка, p. 130—134; Holland, s. 56 «Es sind gesin zwen»; Bickell, s. 29 «es waren einmal in irgendeiner Stadt zwei kaufleute»; Панчатантра, 19-й разсказъ; Толст., 11-я притча, л. 129).

поличiе Д. Стр. 35.

*Б. доупань; К. шоупль.

коупьчскоє Д. Стр. 36.

Въ нашемъ спискѣ, какъ и у Даничича, недостаетъ притчи, которую разсказываетъ отецъ лукаваго друга о журавлѣ и змѣѣ (см. Штаркъ, 134—138; Holland, s. 57 «es was ein

vogel»; Bickell, s. 30 «es war ein Reiher». Ср. также въ Панчатантрѣ «Kranich, Krebs und Ichneumon», s. 118).

14. Притча сіа глетъ о кѹпцѣ, стр. 36—38.

(Ср. Штарка, р. 140—146; Holland, s. 60 «es was ein kouffman, der het»; Bickell, s. 31 „er war einmal ein armer Kaufmann", Панчатантра, 21-й разсказъ, s. 120; Толст. Л. 132).

Стр. 36. **пологь** Д.

*железо за р. сребреникъ. Д.

Стр. 37. *у Д., какъ и въ другихъ спискахъ, слова горьки плодь и имъ соотвѣтствующія («ein boum bitterfrüchtig» у Holland'a; «Die Früchte eines bittern Kurbisses», у Bickell'я и пр.) входятъ въ составъ слѣдующаго предложенія, которое поясняетъ сказанное Стефанитомъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить и о словахъ: похвално бо есть всакомѹ.

У. Д. Стефанитъ такъ поясняетъ безполезность увѣщаній, обращенныхъ къ Ихнилату: ненавидет бо присно безоумни моуже моудріе, и ненаказани наказаніе, и зли незлобивіе, и развраштени благіе.

Стр. 38. *оуклосноувьши* Д.

напрьстка (К. напрьтка) прысть нечіи (К. неціи) на напрасно прьсть штсекаеть (К. отсѣкажть) се Д.

Слѣдующія четыре притчи, которыми сопровождается судъ надъ Ихнилатомъ, не имѣютъ соотвѣтствующихъ въ Панчатантрѣ, а также и въ сирійскомъ текстѣ. Онѣ аналогичны по содержанію съ разсказами 6-й главы арабской редакціи С. д. Саси и ея дальнѣйшихъ истоковъ (см. подробности объ этомъ у Benfey'я», I Bd., § 109). Въ нашемъ спискѣ, какъ и у Даничича, согласно со Штаркомъ, недостаетъ лишь притчи о «купеческой женѣ и живописцѣ», которая находится въ нѣмецкой редакціи Holland'a (s. 67).

15. Прича глє по ѹбіеніи телчи, стр. 38—45.

(Ср. Штарка, p. 146—168; Holland, s. 63 «es begab sich uff ein zyt, das diser lӧpart»; Толст. 135.)

подобаше Д. Стр. 39.

окольніє Д. Стр. 40.

тьштєн Д. Стр. 41.

× Д. и облчихь злїи сьвѣть єго. аштє бо испитаєть царь о тѡмъ, и обрѣштєт ꙗко истиноу сказахь ємоу ꙗжє о тѣльци.

ніє оуставлєна Д.

ѡ бѣзоумнє Д. Стр. 42.

*прѣд васєми зависть южє єси имєль. Д.

проплака сє Д. Стр. 44.

*Точка (.) не на мѣстѣ, такъ какъ сїѧ суть относится къ юже ти прѣжде глахъ.

съврьшеніє Д.

*Въ нѣмецкомъ текстѣ «dann besser ist» (Holland, s. 72) Стр. 45.

Въ Б. также; въ К. неискоуснаго.

16. Прича сїѧ о нєоумѣтєлномъ врачѣ, стр. 46 и 47.

(Ср. Штарка, p. 168—172; Holland, s. 73: «man sagt, es sy in einr statt zü Indien»; Толст. л. 156).

въпадноути Д. Стр. 46.

о били Д.

онь жє нєвєдєніємь Д.

****растворивь**** Д.

въпадьши Д.

*Передъ глєтсѧ должна быть (.) точка.

вѣжди Д. Стр. 47.

брьвно Д.

17. Прича сїѧ о жєнахъ, стр. 47—49.

(Ср. Штарка, p. 172—178; Holland, s. 76 «es ward ein statt gewunnen von iren finden», Толст. л. 148).

*** съ моужємь*** Д.

****възвративьши сє**** Д.

Стр. 47. *нь тоуждоую наготоꙋ Д.

Стр. 48. *Въ нѣмецкомъ текстѣ этому предшествуетъ удаленіе протомагера (повара).

Любопытно при этомъ упомянуть, что Бенфей, доказывая не—индѣйское происхожденіе 6-й главы арабской редакціи С. де Саси, попутно сопоставляетъ роль протомагера съ ролью хлѣбодара въ исторіи Іосифа (кн. Бытія, гл. XL).

сътѣкоут се вса зла Д. Слѣдующей же фразы «око оуѡ втѣлѣ или вдꙋши просвѣщаютъ» у Д. не находится.

18. Прича сїа ѡ лжесвидѣтели, стр. 50 и 51.

(Ср. Штарка, 178—184; Holland, s. 80: «man sagt, es sy in einr grossen statt zü India»; Толст. л. 151)

Стр. 50. *възждеде* Д.

облѣжати Д.

*Д. прогневавь те се о семь крагоуарь (ловчій, custos falconum).

две сон Д.

**У Holland'а «jn edomischer sprach» (s. 80)

ведеть Д.

Сст. 51. *дьни.з.* Д.

† У Holland'а этимъ словамъ соотвѣтствуетъ показаніе матери льва о томъ, что про виновность Ихнилата она слышала отъ леонтопардоса (леопарда).

*Д. дроуга вѣрьна нѣсть измѣнено ємоу въ усрьдьци ничьтоже.

19. Прича сїа гл҃е, ѡ гавранѣ, и ѡ мышѣ и ѡ серинѣ, и ѡ желвѣ, ѡ любовныхъ дрꙋзѣхъ сїа прича гл҃е, стр. 52—54.

(Ср. Штарка, р. 184—194; Holland, s. 82: „es sind gewesen jn einer prouintz grosser wäld"; Bickell, s. 33: „in dem Lande Dechschibath liegt eine Stadt"; Панчатантра, книга II-я строфы 1—26; Толст. л. 154).

Стр. 52. *доупань* Д.

*на раме Д.

сльнцє Д. Стр. 54.

20. Прича глєтъ, о мыши и о гавранѣ, стр. 55—66.

(Ср. Штарка, p. 194 до конца 3-й τμῆμα; Holland, s. 84: „dis sach der rapp alles“; Bickell, s. 35: „darauf rief er die Maus“ до конца отдѣла (стр. 47); Панчатантра, съ 26-й строфы до конца II-й книги; Толст. л. 157).

Эта притча составляетъ продолженіе предъидущей и вмѣстѣ съ нею соотвѣтствуетъ отдѣлу Панчатантры „о пріобрѣтеніи друзей“. Хотя многихъ басенъ, которыя находятся въ индѣйскомъ памятникѣ и въ ближайшихъ къ нему редакціяхъ, недостаетъ въ славянорусскомъ, согласно съ греческимъ спискомъ, но сущность морали разсматриваемаго отдѣла сохранена (см. подробности объ этомъ у Benfey'я, I Bd., s. 308—334). Въ греческомъ спискѣ Штарка удержалась басня о волкѣ (ср. Панчатантра, „der allzugierige Schakal“, s. 174), которой нѣтъ ни въ изданномъ текстѣ, ни у Даничича.

*Д. мнѣ же и тєбѣ. Стр. 55.

** Въ Б. масхωє; въ К. москось.

кодкою Д. Стр. 56.

* и к тому нє* Д.

скорѣє

вь льштєніє Д. Стр. 57.

*Д. нє птицамь бо пользоу творить нь єєбѣ.

и моа дроужина Д.

*Д. на нιємьжє соуть рибы довольни.

разори Д. Стр. 58.

распалιашє Д.

** и прѣобидєнь быхь ωть мишєвь** Д.

*Въ Б. блѣдниxь имєноуєт сє; въ К. блддніка и соуєсловца имєноуѧть єго.

сльньцє имѣти срамоу свѣдѣтѣлια и пачє аштє нєкьто къ нѣкоємоу ωть мьньшіхь прошєніє творить Д. Стр. 60.

Стр. 60. **вѣнкоу** Д.

Стр. 61. *Д. такожде и. безоумьнь.

странань Д.

въ тлѣніи Д.

ина Д.

** несъставьнаа** Д.

ни Д.

Стр. 62. *дроужное пособьствіе* Д.

*Въ Б. ꙗже; въ К. ѡть кждоу.

до селе Д.

ѕде Д.

Стр. 63. *въ сетѣхь ꙗта бысть* Д.

Стр. 64. *ѡ како въ скрьбы непрѣстано въпадаю въсегда! не довлѣеши бо ми еже отьчьства своего лишити се, и ѡтъ сърodникь и ѡть богатьства ѡтьпадьноути, нь лишихь се ньнꙗ* Д.

мрьтьвное Д.

*Д. и да ꙗсть пльти твое хитростію.

21. Притча глѥ̃ ѡ̃ гавранѣхъ и ѡ̃ выплехъ (совахъ), стр. 66—76.

(Ср. Штарка, p. 236—306; 3-я книга Панчатантры, кромѣ разсказа 15-го, который приводится ниже; Bickell „Das Thor von den Eulen und Raben", s. 60—78, за исключеніемъ s. 75; Holland, 5-я глава, за исключеніемъ s. 120; Толст. л. 172.

Въ нашемъ спискѣ, какъ и у Даничича, опущены нѣсколько басенъ, которыя находятся въ другихъ сравниваемыхъ редакціяхъ. Таковы: о бездождьѣ и слонахъ (Штаркъ, p. 254; Панчатантра, 1-й разсказъ; Holland, s. 104; Bickell, s. 63); о зайцѣ и скіурѣ (Штаркъ,p. 262; Панчатантра. 2-й разсказъ; Holland, s. 107; Bickell, s. 65); о монахѣ, у котораго украли козла (Штаркъ, p. 270; Панчатантра, 3-й разсказъ; Holland. s. 109; Bickell, s. 67); о старомъ мужѣ и молодой женѣ (Штаркъ, p. 278; Панчатантра, 8-й разсказъ; Holland, s. 111, Bickell, s. 69 «Erat senex quidam dives.»); о монахѣ, кото-

раго искушали дьяволъ и воръ (Штаркъ, р. 282; Панчат., 9-й разсказъ; Holland, s. 112; Bickell, s. 70 „Es war einmal ein Ascet"); о мастеровомъ, обманываемомъ женою (Штаркъ, р. 286; Панчат. 11-й разсказъ; Holland, s. 113 «es was ein Zymmerman;" Bickell, s. 71 „erat vir quidam, qui uxorem fabri lignarii adamabat") и о пустынникѣ, обратившемъ мышь въ дѣвушку (Штаркъ, р. 296; Панчат., 12-й разсказъ; Holland, s. 116 „man sagt, es wär ein einsidel"; Bickell, s. 72: „es war einmal ein gerechter Ascet").

*У Д. бєз срама прьви свѣть да съврьшимь. Стр. 67.

*У Д. нємоштьни нарачєт Стр. 68.

въсакои бо вѣшти Д. Такимъ образомъ въ нашемъ текстѣ (.) точка неправильно стоитъ передъ „всѧкой вє́щи"

+У Д. все это мѣсто до стр. 73 замѣняется словами: глаголють бо сє: ижє нєрадить о своєи пользє, єгда врємѣ полоучить, дроугоє нє вьзможєшь постигноути. Стр. 72.

трьсть съкроушєнь да нє низложиши Д. Стр. 73.

Въ Б. виплєво; въ К. випльскоє Д. Стр. 74

*У Д. тоу.

Въ Б. раздоуємь; въ К. развѣємь Стр. 75.

22. При̑ча гл҃є ѡ҆ змі́й и҆ ѡ҆ жа́бы, стр. 76—78.

(Ср. Штарка, р. 306; Панчатантра, 15-й разсказъ; Holland' s. 120 «es war ein Schlang»; Bickell, s. 75 «es war einmal eine schwarze Schlange»; Толст., л. 186.)

*Въ Б. пособникь; въ К. посникь; въ греч. текстѣ τῶν ἀςκητῶν Стр. 76.

23. При̑ча сі́ѧ гл҃є ѡ҆ пи́фикѣ и҆ ѡ҆ же́лвѣ, стр. 78—82.

(Ср. Штарка, р. 314—326; Панчатантра, 4-я книга, s. 285—289; Holland, s. 122—126; Bickell, „das Thor von dem Affen und von der dummen Schildkröte", s. 48—51; Толст. л. 188).

Въ русскомъ изложенiи этого отдѣла индѣйскаго оригинала, въ которомъ рѣчь идетъ о „потерѣ прiобрѣтеннаго", недостаетъ

басни, разсказанной пиѳикомъ о больномъ львѣ, котораго обманула лисица, увѣривши его, что оселъ зарѣзанный львомъ съ цѣлью съѣсть его сердце и уши, и такимъ образомъ излечиться, не имѣлъ ни сердца, ни ушей, которыя, однако же, въ моментъ отсутствія льва, съѣла лисица. (Ср. Штаркъ, 326; s. 126 "es ist gesin an einem eund ein löw;" Bickell, s. 51 „es gibt einen Wald, darin wohnte ein Löwe" и Панчатантра, 2-й разсказъ, s. 295). О распространенности этого сюжета см. у Бенфея, Bd. I, s. 181.

Стр. 80. *Без млека согласно съ К. (ср. греч. ὅτε πλέον τοῦ δέοντος τὴν ματέρα θηλαση) въ Б. же без лепа.

Стр. 82. *У Д. тако иже време обрѣтыше благо.

Обращеніе царя къ философу, который вслѣдъ затѣмъ разсказываетъ басню о мужѣ и женѣ, въ нашемъ спискѣ соединено съ 23-й притчей, тогда какъ во всѣхъ другихъ, не исключая и Д. (ср. также о Толст. спискѣ „Очеркъ" г. Пыпина, стр. 166), этой басней открывается слѣдующій отдѣлъ разсматриваемаго памятника о необдуманномъ образѣ дѣйствій. Такъ, ср. Штарка, p. 334—336; Даничича, стр. 300, VI-ю главу; Bickell, s. 53 («das Thor von der Unüberlegtheit»); Holland, 7-я глава, s. 129—130.

24. Притча сія глетъ о мужe пролиявшемъ медъ и масло, стр. 83 и 84.

(Ср. Штарка, p. 336—338; Holland, s. 130 «man sagt, es wont eins mals ein bruder der dritten regel,» Bickell, s. 53 «es war einmal ein Magier»; Панчатантра, 5-я книга, 9-й разсказъ; Толст., л. 194).

Эта притча, основанная на довольно распространенномъ сюжетѣ, который встрѣчается и въ нашихъ лубочныхъ изданіяхъ (см. между прочимъ „Очеркъ" г. Пыпина, стр. 167), соединена въ нашемъ спискѣ, согласно съ Д. Штаркомъ,

Bickell'емъ и Holland'омъ, съ притчей объ отрокѣ, собакѣ и зміи (См Панчатантра, 5-я кн., 2-й разсказъ).

волови.ρ. Д. Стр. 83.

*Въ Б. паньkале; въ К. пангаль. У Штарка καὶ χαλέσω τοῦτον πάγκαλον. Въ сирійскомъ текстѣ Mahpia.

25. Прича глѥ о ѡсми сна индѣйскаго црѧ, стр. 85—89. (Ср. Штарка, 7-я τμῆμα до 358 р.; Holland, 10-я глава, s. 142—159; Bickell, «Thor von Bilar», s. 93—113; Толст., л. 197; Ср. также Шифнера, Mahâkâtyâyana und könig Tshanda-Pradyota, s. 47—53).

присннѥника Д. Стр. 85.

оу нась старьца о сьнѥ Д., что согласно съ греческимъ текстомъ τὸν παρ ἡμῖν ασκητήν. Стр. 87.

Если вспомнить при этомъ, что Сакьямуни является простымъ аскетомъ («Çâkya est un simple ascète», см. Burnouf, Introduction à l'histoire du Buddhisme,, p. 642) и что имя мудреца въ арабскомъ текстѣ С. де Сасû Kibariûn, въ сирійскомъ Kintarûn и въ тибетскомъ Kâtyâyana напоминаетъ санскритское kevalin (см. объ этомъ у Бенфея, Bd. I, § 225, s. 588—590 и „Kalilag und Damnag", LIX—LXI), означающее „аскета, погруженнаго въ созерцаніе," то окажется, что греческій текстъ, а съ нимъ вмѣстѣ и списокъ Д., болѣе сохранили слѣды буддійскаго происхожденія разсматриваемой притчи, въ которой „постникъ" играетъ роль Будды индѣйскихъ памятниковъ съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ.

норьца Д.

*главѥ же твоѥѥ ѥже біаше пьтишть** Д. Стр. 88.

×У Д. ıаже видѣвь царь и оужасьнь бивь, и рече: подобаеть моудромоу ѡть любовьнихь своихь пріѥмати словеса.

тьчію Д.

СОДЕРЖАНІЕ.

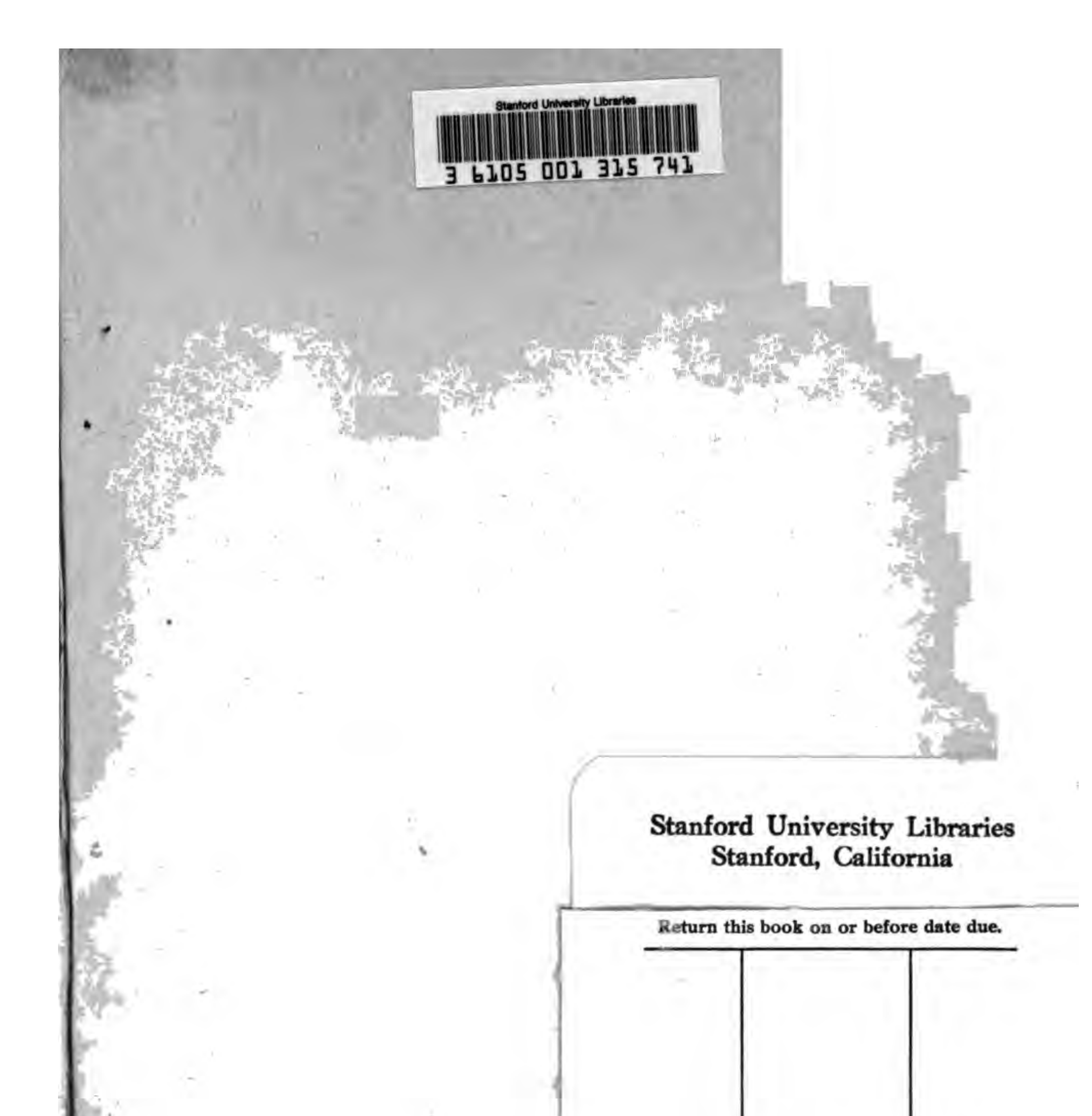
Стр.

ТЕКСТЪ:

XXVII

1878.

Stanford University Libraries
3 6105 001 315 741

XXVII

1878.